

Иван Яковлевич
Третьяк

И. Я. ТРЕТЬЯК

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Опубликована книга И. Я. Третьяка «Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 г.», издаваемая Новосибирской комиссией по истории гражданской войны совместно с Истпартагзадом Запсибкрайкома ВКП(б) ввиду вступления в силу в 1919 г. Брешневского соглашения по истории гражданской войны.

Что касается книги, то она является значительным и весьма ценным вкладом в историю партизанского движения в Сибири. Книга рассказывает о тех партизанских отрядах, которые в 1919 году вели героическую борьбу с колчаковщиной в пределах Горного Алтая и прилегающей к нему степной полосе. История этих отрядов — их возникновение, развитие, боевые действия, быт — и жизнь — до сей поры не была своего отражена в нашей литературе, если не считать лишь случайных мелких заметок в статьях, которые на протяжении лет дублировались во столичных сибирских газетных изданиях. Значение книги И. Я. Третьяка усугубляется тем, что автор не ограничился лишь одним своим личным воспоминанием. Работая в течение года над книгой, автор, во-первых, использовал весь тот материал — документы и воспоминания, — который хранится в Истпартагзаде Запсибкрайкома ВКП(б). Автору, во-вторых, пришлось на помощь его соратники — как рядовые участники, так и командный состав его партизанских отрядов. Эти соратники помогли автору с точностью восстановить ряд фактов, личным свидетелем которых он не был, и с должной полнотой дать описание тех боевых действий, в которых автор, будучи занят на другом участке своего партизанского фронта, лично участия принимать не мог. Добавим еще, что весь материал книги строго проверен, оценен и все сомнительное, изданное и не изданное, проверено.

Подготавливая эту книгу, автор собрал богатейший материал, который обработан в исторической последовательности, для того чтобы охватить все события, добросовестно стараясь не упустить ни одного мало-мальского значительного факта, ни одной

1933

ЗАП.-СИБ. КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

НОВОСИБИРСК

www.eian-kazak.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Опубликованием книги **И. Я. Третьяка** «Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 году» Западно-сибирская комиссия по истории гражданской войны совместно с Истпартотделом Запсибкрайкома ВКП(б) кладут начало издательству книг и брошюр по истории гражданской войны в Сибири.

Что касается книги **И. Я. Третьяка**, то она является значительным и весьма ценным вкладом в историю партизанского движения в Сибири. Книга рассказывает о тех партизанских отрядах, которые в 1919 году вели героическую борьбу с колчаковщиной в пределах Горного Алтая и прилегающей к нему степной полосы. История этих отрядов — их возникновение, развитие, боевые действия, быт и жизнь — до сей поры не нашла своего отражения в нашей литературе, если не считать ряда случайных мелких заметок и статей, которые на протяжении лет затерялись на столбцах сибирских, главным образом бийских, газет. Значение книги **И. Я. Третьяка** усугубляется тем, что автор не ограничился лишь одними своими личными воспоминаниями. Работая в течение года над книгой, автор, во-первых, использовал весь тот материал — документы и воспоминания, — который хранится в Истпартотделе Запсибкрайкома ВКП(б). Автору, во-вторых, пришли на помощь его соратники — как рядовые участники, так и командный состав его партизанских отрядов. Эти соратники помогли автору с точностью восстановить ряд фактов, личным свидетелем которых он не был, и с должной полнотой дать изложение тех боевых действий, в которых автор, будучи занят на другом участке своего партизанского фронта, личного участия принимать не мог. Добавим еще, что весь материал автор строго проверил, отсеивая все сомнительное, надуманное и не поддающееся проверке.

Подготавливая так свою книгу, автор собрал богатейший материал, который обработал в исторической последовательности, дав подробнейшее описание всех событий, добросовестно стараясь не упускать ни одного мало-мальски значительного факта, ни одной де-

тали, вследствие чего книга вышла слишком громоздкой. Многочисленные подробно изложенные мало существенные детали, часто врываясь в текст и нарушая изложение основного существенного материала, чрезвычайно затруднили бы чтение книги. Необходимо было поэтому извлечь из рукописи И. Я. Третьяка все существенное, важное, поучительное и действительно представляющее интерес.

Эту задачу предварительно выполнил О. Римский.

Затем весь материал был передан В. Вегману, который заново пересмотрел и основательно переработал его. Уже в переработанном виде рукопись подверглась тщательному просмотру со стороны И. Я. Третьяка, который внес целый ряд весьма существенных поправок и ценных дополнений. Все указания, поправки и дополнения автора были учтены редактором при окончательной подготовке книги к печати. Перу В. Вегмана, помимо литературной обработки, принадлежат и те немногочисленные примечания, которые приведены в книге под текстом автора.

Мы уже отметили, что И. Я. Третьяк тщательнейшим образом проверял собранный им материал. Однако, не исключена возможность, что тот или иной факт не получил в книге точного или полного освещения. Возможно, что читатели, главным образом из участников отрядов, которыми руководил И. Я. Третьяк, найдут в книге кое-какие неправильности, а также пропуски. Автор и редактор будут благодарны каждому, кто укажет на вкравшиеся в книгу неправильности, неточности, ошибки. Все подобные указания будут учтены при повторном издании книги.

Западно-Сибирская комиссия
по истории гражданской войны.

Новосибирск 20/VII-33 г.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ГРЕТЬЯК
И ЕГО РОЛЬ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ

Автор книги «Партизанское движение в Горном Алтае», Иван Яковлевич Третьяк, является выдающимся организатором этого движения, талантливым командиром «Первой горно-конной партизанской дивизии». Его труд освещает пройденный путь борьбы с колчаковщиной на том участке партизанского фронта, который меньше всего отражен в печати и документах.

Книга тов. Третьяка будет встречена как громадная ценность, обогащающая историю гражданской борьбы правдивым рассказом всего, что пережито сотнями и тысячами партизан в их боевой обстановке.

Исключительной заслугой товарища Третьяка является та глубокая большевистская выдержанность, которую он вносил в партизанское движение будучи его организатором и боевым командиром на территории Горного Алтая. Особого внимания заслуживает то, что Иван Яковлевич Третьяк только в период колчаковщины вернулся из Америки, где он находился в эмиграции, оставив Белоруссию, как участник аграрного движения во время революции 1905 года.

Оторвавшись от родной белорусской деревни, не зная условий Сибири, не зная языка, с большим трудом составляя фразы из белорусских, английских и русских слов — ему тяжело было на первых порах овладеть крестьянской массой, поднявшей оружие против своих угнетателей — буржуазии и белогвардейского офицерства. Только опыт старого революционера, пролетарская закалка, неукротимая ненависть к классовым врагам и огромная все преодолевающая воля к победе — дали ему необходимые силы, ясность перспектив, четкость политической ориентировки, умение справиться с поставленной задачей.

Иван Яковлевич Третьяк родился в 1884 году, в семье крестьянина-бедняка Минской губернии, того же уезда, Кайдановской волости, деревни Рокощичи.

Безрадостно, в болотных туманах, в лесистой мгле, в глухоты и непролазной нужде переплелись дни его детства с такими же днями шершавых, обмызганных, закорюзлых в труде, покрытых колтуном и чесоточной прелью деревенских сверстников. Вместе с ними он ходил в школу, вместе играл на улице, вместе драл лыко в лесу, рубил дрова, таскал на загорбке тяжелые вязанки хвороста. Зимой катался на салазках, брал «крепости» и «города», возвращаясь иной раз с расквашенным носом после неудачной потехи деревенских ребят.

Летом он вместе с отцом работал в хозяйстве помещика. Когда Ивану Третьяку исполнилось четырнадцать лет, он окончательно закабалил себя на многие годы лесорубом, получая грошевый заработок от кровососов купцов и помещиков, выматывавших жилы у своих безропотных полуголодных батраков.

Иван Яковлевич был рослым парнем. Его грудь, плечи и мускулы говорили о богатырском сложении. Ноги, как два кряжистых дерева, крепко впились в землю.

Никто не мог сравниться в работе с рокощанином Третьяком.

Как лесовик с замшелым сердцем, с корявыми руками, рос и становился все угрюмее Третьяк.

В 1905 году ему в первый раз удалось столкнуться с агитаторами-революционерами, разъяснившими белорусским крестьянам причину их нужды и разорения. По всей России революция вызвала волны возмущения, направленные против помещиков. Бедняки-крестьяне, задыхавшиеся в тисках нужды и безземелья, захватывали помещичью землю.

Третьяк вместе со своими односельчанами принимал участие в этом движении, а также протестовал против вербовки рокощан в солдаты. Движение было жестоко подавлено.

Третьяку грозила неминуемая тюрьма. Тогда он решил бежать за границу. Это ему удалось легко. Сначала он попал в Германию. Здесь польские эмигранты-революционеры помогли ему раздобыть документы и он выехал на океанском пароходе в Америку чтобы затем пробраться через Сибирь в Белоруссию.

Новой, чудесной, увлекательной показалась жизнь больших городов. С жадным любопытством присматривался молодой рокощанин к тому, что делается в бурлящем котле капиталистической Европы и Америки.

Первый раз он увидел, как могуч и непобедим человеческий труд, создавший лабиринты городских улиц, гигантские заводы, подземные железные дороги, морские суда, автомобили, всю головокружительную сложность техники и строительного искусства.

Он был тем невымышленным героем, о котором писал в своей захватывающей повести «Без языка» В. Г. Короленко.

Оказавшись в Нью-Йорке среди гнетущих громад небоскребов, рокошавших Третьяк несколько дней бродил без пристанища, обмениваясь мимикой и выразительными жестами с теми, кто пытался разговаривать с ним на непонятном для него языке. Третьяку (приехавшему в Америку с паспортом, выданным на имя Волинского) скоро удалось достать работу. Сначала он работал в каменоломнях черно-рабочим, а потом перешел на паровозостроительный завод в Сконектадо слесарем и токарем.

Здесь он испытал всю тяжесть потогонной системы капиталистического предприятия, превращающего рабочего в механический двигатель, дополняющий машину.

Через несколько лет он овладел языком, врос в быт и привычки окружающих его людей, одевался в европейское платье, гладко брил усы и бороду. Сконектадо он переменял на Бричпорт, а работу токаря — на контролера деталей автомобильного производства.

С этим периодом связаны первые встречи Третьяка с русскими политическими эмигрантами.

Он не пропускал ни одной лекции, ни одного выступления видных деятелей политических партий. Сблизился с Володарским, с рядом других известных русских революционеров, проживавших тогда в Америке.

Под их руководством он познакомился с основами марксизма. Долго и внимательно изучал «Капитал», выковал в себе прочно сложившиеся политические убеждения.

С этого же периода начинается его практическая работа в профсоюзном движении.

Вместе с другими товарищами он является организатором Бричпортского объединения федерации союза русских рабочих в Америке.

Когда вспыхнула мировая империалистическая война, Иван Яковлевич Третьяк всеми силами протестовал против бессмысленной бойни, поставившей под угрозу благополучие миллионов трудящихся земного шара.

Он поборол свою застенчивость и в первый раз раскрыл рот на многолюдной манифестации для бичующих слов, направленных против капиталистических классов, творящих невиданное преступление в интересах правящей клики.

В его речи проснулась злоба затравленного рокошанина. Но крепок был шовинистический угар толпы. Время оружием, империализм справлял дикую оргию. Массы еще не пришли к сознанию того, что выход может быть найден только в революции. Этот пример показала Россия.

После свержения самодержавия все политические эмигранты стремились возвратиться на родину. Многим это удалось в первые же дни революции.

Но как только начала крепнуть сила большевизма, союзные государства закрыли доступ в Россию всем политически неблагонадежным с их точки зрения. Так же отнеслись к этому и Северо-американские соединенные штаты.

Иван Яковлевич Третьяк, не добившись визы на выезд, бросил Бричпорт и перебрался с берегов Атлантики на запад. К берегам Тихого океана в портовый город Сан-Франциско.

Здесь он получил работу на судостроительной верфи. Одновременно развернул активную деятельность в Федерации союза русских рабочих и в Международном комитете защиты политических заключенных.

Этот комитет оказал содействие Ивану Яковлевичу в возвращении его на родину.

В июне месяце 1918 года Третьяк покинул Америку. В руках у него находился американский паспорт и командировка в Сибирь от Международного комитета защиты политических заключенных. Путь предстоял через Японию, Владивосток.

В Японии Третьяк подвергся обыску и задержанию «до выяснения». Здесь он узнал о чехо-словацком перевороте в Сибири.

Он понял, что ему не легко будет достигнуть намеченной цели.

Японцы категорически отказались выдать пропуск на выезд во Владивосток. Пришлось согласиться на поездку через Корею, Китай и Манчжурию.

Иного выбора не было. Через фронт атамана Семенова он перебрался пешком.

Иван Яковлевич не мог оставаться в стороне от той борьбы, которую вели рабочий класс и революционное крестьянство с реакционными силами России, получавшими поддержку от капиталистических государств.

Ленин и его партия руководили борьбой.

Третьяк, как верный сын рабочего класса, вступил на путь борьбы за дело революции.

В Сибири Иван Яковлевич Третьяк разыскал брата, учителя, работавшего в станице Чарышской, Бийского уезда. С ним жил рокошавший отец Третьяка, всю жизнь и весь свой труд отдавший помещикам Белоруссии.

После полтора десятка лет разлуки их встреча не была радостным днем, обещающим спокойный труд на освобожденной от помещичьего рабства земле. Шла борьба.

Ивану Яковлевичу Третьяку с первых дней своего приезда в деревню пришлось перейти на нелегальное положение.

Документы, полученные в Америке, не только не могли его защищать, но выдавали с половой, как революционера, имевшего за спиной багаж политической эмиграции и революционной деятельности в профессиональном движении.

Он поселился на заимке, выжидая удобного момента, чтобы отдать всего себя делу борьбы с врагами революции. Этот момент наступил.

Он заключался в том, что беднейшее и среднее крестьянство Сибири поняло обман эсеров и меньшевиков, усыпавших революционную бдительность масс обещаниями и надеждами на учредительное собрание.

Этим иллюзиям наступил конец после того, как белогвардейские офицеры, буржуазия и помещики дали наглядный урок своей классово-диктаторской, выразителем которой являлась колчаковская власть.

Владимир Ильич Ленин говорил: «Офицеры колчаковского типа разогнали Учредительное собрание в Сибири и установили власть офицеров, капиталистов и помещиков. Таким образом, трудящиеся массы Сибири на опыте увидели, что их обманывают, вот почему Красной армии так легко удалось в столь небольшой промежуток времени захватить всю Сибирь, ибо теперь сами сибирские рабочие и крестьяне шли на помощь Красной армии»¹.

В Горном Алтае эта помощь Красной армии выразилась в партизанском движении, охватившем ряд сел и деревень после того, как прошли по ним карательные отряды полковника Хмелевского, атамана Сатунина, поручика Серебренникова, Кайгородова и др. Достаточно хорошо известно, какую огромную организующую роль играли подпольные ячейки партии большевиков и рабочие крупных пролетарских центров. Тов. Третьяк так говорит об этом в своих воспоминаниях:

«Большая подпольная ячейка имела и в селе Зиминском, среди организаторов этой ячейки находились и некоторые петроградские рабочие - металлисты. Видную ру-

¹ Ленин, том 24 (изд. 3), стр. 149.

ководящую роль в этой ячейке играл путиловский рабочий Гавриил Семенович Ивкин. Члены этой ячейки и были главными застрельщиками всего повстанческого движения в Зиминском районе. Под их руководством 2 августа 1919 года и восстало в первую очередь село Зимино».

Напрасно бывший член Учредительного собрания эсэр Евг. Колосов в своей книге «Сибирь при Колчаке» утверждает, что «Город в общем оставался пассивным, при всем сочувствии деревне. Деревня боролась с властью, шедшей из городов, почти один на один, и это вносило в ее самочувствие горечь и недоумение»².

Сплошным поклепом, эсеровской болтовней, замазыванием роли рабочего класса в борьбе с контрреволюцией — является все, что написано об этом Колосовым.

Только враг ленинского учения о пролетарской революции может говорить такую заведомую ложь.

«Железнодорожные рабочие, — пишет Колосов, — да еще Красноярских мастерских, самых левых и наиболее большевистски настроенных во всей Сибири, являлись передовой фалангой городского пролетариата; и вот, по тем или иным причинам, но этот авангард рабочего класса, как и весь рабочий класс Сибири, во время Колчака не сумел выработать специфических своих форм протеста и тем более протеста, принимающего длительную и организованную форму, между тем деревня эти формы выработала»³.

Повторяя эти эсеровские зады, еще более лживыми и возмутительными являются рассуждения В. Эльцина в его статье «Пятая армия и сибирские партизаны»⁴.

Он пишет:

«В глазах крестьян город был скорее торжищем партизанского движения, чем его руководителем. Город никогда не выступал зачинщиком восстания. Помощи от города они не получали. Большевистские подпольные организации или отсутствовали или были очень слабы и безжизненны. Отсутствие политического руководства города было основным моментом и главной особенностью сибирского партизанского движения. Отсюда — беспартийное по существу (в смысле руководства) движение, неоформленность лозунгов, отсутствие строгой и определенной дисциплины в период борьбы, случайность в подборе вождей».

Развивая эту мысль, В. Эльцин доходит до абсурдных выводов, рисуя пролетариат, как силу, «сочувственно» от-

¹ Е. Е. Колосов—«Сибирь при Колчаке», изд. «Былое», 1923 г., стр. 52.

² Колосов—«Сибирь при Колчаке», стр. 51.

⁴ «Борьба за Урал и Сибирь», сбор. изд. 1926 г.

носившуюся к движению, а коммунистическую партию, как «беспочвенную организацию, неспособную овладеть движением».

Только политический баякрот и перебежчик в лагерь врага может говорить такие вещи.

«Разрыв между городом и деревней,—говорит Эльцин,—отразился на партизанском движении в том направлении, что крестьянство не искало уже помощи от города и, таким образом, замыкалось в свою собственную оболочку. Поэтому-то все крестьянские армии партизан, равно как и их штабы и руководители, подозрительно относились к тому, что исходило из города.

Эта подозрительность и недоверие к городу, а вместе с тем и к тому его слою, который даже сочувственно относился к движению — к пролетариату — выбивало нередко изпод коммунистической партии почву для организационного и политического овладения движением»⁵.

Как непохоже на всю эту эсеровскую болтовню то, что говорил Ленин не о сочувствии пролетариата к крестьянскому движению (пролетариат был во главе движения), а о сочувствии огромного большинства трудящихся по отношению к своему авангарду — пролетариату. Умалчивать о том, что сказал Ленин, и объединяться в оценке движения с эсером, Колосовым — это свойственно только ренегату и изменнику, заядлому троцкисту.

«Пролетарская революция невозможна без сочувствия и поддержки огромного большинства трудящихся по отношению к своему авангарду — к пролетариату. Но это сочувствие, эта поддержка не дается сразу, не решается голосованием, а завоевывается длинной, трудной, тяжелой классовой борьбой. Классовая борьба пролетариата за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся не оканчивается завоеванием политической власти пролетариатом. После завоевания власти эта борьба продолжается только в иных формах»⁶.

Это полностью и целиком подтверждает в своей книге воспоминаний о партизанском движении Иван Яковлевич Третьяк.

Он не берет за одни скобки всю крестьянскую массу (как это делают Эльцин и Колосов).

Тов. Третьяк красной нитью проводит правильное опре-

⁵ В. Эльцин— «Крестьянское движение в Сибири в период Колчака». «Пролетарская революция», 1928 г., книга 2-3.

⁶ Ленин, том 24 (изд. 3), стр. 481.

деление отношения отдельных групп крестьянства к партизанскому движению. Если бедняцко-средняцкая масса в своем большинстве сочувственно относилась к пролетарской революции и активно выступила на помощь рабочему классу после того, как убедилась на собственном опыте, что значит диктатура эксплуататоров, помещиков, капиталистов и белогвардейского офицерства, то зажиточная и кулацкая часть деревни оказалась на стороне Колчака.

Тот, кто этого не видит, кто замалчивает о роли кулачества в колчаковских дружинах и самообране, тот является или безнадежным идиотом, или прямым пособником контрреволюции. Тов. Третьяк не только видит эту ясную для всех роль кулака, но он не упускает и такое явление, как колебания и неустойчивость середняцких слоев крестьянства.

О том, что эта неустойчивость ярче всего была выражена в гуще сибирского крестьянства, неоднократно говорит т. Ленин — «Колчак опирался на крестьян Сибири самых зажиточных, не знавших крепостного права и потому естественно бывших дальше чем кто-либо от коммунизма»⁷.

В другом месте Владимир Ильич так отзывается о роли сибирского крестьянства: «Против большевиков поднялись окраины, самые оторванные от центра. Мы не могли дать крестьянам в Сибири того, что дала им революция в России. В Сибири крестьянство не получило помещичьей земли, потому что там ее не было, и потому им легче было поверить белогвардейцам»⁸.

О том, что только собственным опытом проверив эсеровско-меньшевистскую и колчаковскую власть, крестьянство пришло к большевизму, Владимир Ильич говорит не раз.

«В царстве Учредительного собрания — Сибири — крестьяне пришли к большевизму не из наших проповедей, а из собственного опыта. Это излечение народа много стоит»⁹.

Этот приобретенный опыт в массовом масштабе положил конец колебаниям середняцких масс сибирского крестьянства и заставил твердо перейти на путь поддержки пролетарской диктатуры.

В этом кроется секрет успешного развития партизанского движения и то, что это движение приняло форму борьбы за восстановление советской власти.

В. И. Ленин говорит об этом с полной ясностью:

«В международном масштабе произошло то же, что в сибирском крестьянством, который верил в Учредительное

⁷ Ленин—том XVI, стр. 371 (изд. IV),

⁸ Ленин—том XVI, стр. 266 (изд. I).

⁹ Ленин—том XVI,

собрание, помогал эсерам и меньшевикам соединиться с Колчаком и бить нас. Когда он испытал, что Колчак — это представитель диктатуры, самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской, он после этого организовал тот громадный ряд восстаний в Сибири, который теперь обеспечивает нам полный возврат Сибири»¹⁰.

Мы не останавливаемся на книжке Мамета «Ойротия», подвергшейся справедливой критике в нашей печати. Там, где Мамет касается вопросов партизанского движения на Алтае, вождей партизанского движения, «деятельности» эсеров и проч., — он не говорит ни слова исторической правды. Книга тов. Третьяка полна материалов, опровергающих все измышления и фальсификации, сочиненные Маметом в его содержащей ряд недопустимых ошибок книге об Ойротии.

Воспоминания тов. Третьяка кладут конец всем легендам относительно партизанского движения в Горном Алтае.

Книга тов. Третьяка — крупный шаг в разработке вопроса, связанного с гражданской войной в Западной Сибири. Она займет свое место как правдивый исторический документ в большой истории гражданской войны в Западной Сибири.

Иван Яковлевич Третьяк попал к партизанам в тот момент, когда зародившиеся первые отряды начали развивать свою повстанческую деятельность.

На военном совещании он выдвинулся благодаря суровой критике организационных недостатков в руководстве движением, правильной оценке задач, а также правильной тактической линии, сводившейся, прежде всего, к объединению разрозненных сил.

Он беспощадно бичевал тех партизан, которые «были заражены интересами своей околицы», «защитой исключительно своей деревни», находившихся «в плену своих деревенских штабов».

Он требовал введения железной дисциплины, правильного организационного построения частей, непреклонного соподчинения командиров.

Тов. Третьяк указывал, что задача партизан — расстроить тыл Колчака и тем обеспечить победу Красной армии, для чего необходимо организовать боеспособные партизанские части.

¹⁰ Ленин — том XVI, стр. 410.

Иван Яковлевич подробно разбирает недостатки руководства отдельными отрядами со стороны деревенских штабов.

Третьяк говорил:

«Ослаблению повстанческого фронта способствует и неправильная деятельность военно-революционных штабов, которые организованы в деревнях. Сидя в своих деревнях, они оттуда отдают распоряжения сформированным в их деревнях отрядам. Зачастую эти деревенские штабы, получив сведения о движении противника, не проверив правильность этих сведений, впадают в панику и отзывают с фронта отряды для защиты своих деревень, чем ослабляют повстанческий фронт. Надо принять меры к восстановлению военной дисциплины. Надо, чтобы военно-революционные штабы в деревнях не вмешивались в фронтовые действия. Главному повстанческому штабу должно быть подчинено все. Никакие другие штабы в его функции вмешиваться не должны».

В результате этого выступления на совещании тов. Третьяк избирают комиссаром повстанческих отрядов. Таким образом он способствовал объединению разрозненных отрядов и созданию первого Горно-конного партизанского полка.

Но тов. Третьяк не успокоился на этом.

Имея сведения о наличии партизанских сил в районе Белого и Черного Ануя, он ставит вопрос об объединении этих партизанских частей под единым командованием.

Из горного убежища вершины Загрехи полк направляется для встречи с бело и черно-ануйцами.

Эта операция не прошла без колебания отдельных неустойчивых элементов.

Только после объединения, почувствовав свою силу, партизаны поняли всю необходимость плана, предложенного И. Я. Третьяком.

Организовав из отрядов партизан, оперировавших в районе Черного Ануя, второй полк и объединив действия обриск полков, повстанцы положили начало существования Горно-алтайской партизанской бригады. Командиром ее избрали И. Я. Третьяка.

Он пишет в своих воспоминаниях о том, какое громадное значение имело это на отношение крестьянской массы к партизанскому движению. Крестьяне убедились в серьезности этого движения, почувствовали мощь и силу партизан, перестали колебаться.

Третьяк говорит: «Вообще, если многие крестьяне не верили в силы действующих мелких повстанческих отрядов и не присоединялись к ним, то среди них начался по-

ворот в нашу сторону, когда мы организовали крупную силу в лице двух партизанских полков».

До объединения полков партизанским движением в Черно-ануйском районе, а также на Уймоне пытались овладеть эсеры. Им удалось созвать черно-ануйский съезд повстанцев. Из воспоминаний тов. Третьяка видно, что в Черно-ануйском районе и на Уймоне активно работала группа эсеров, во главе которой стояли приехавшие в Горный Алтай видные деятели сибирской эсеровской организации. Особенно выделялся председатель эсеровской группы — член Бийской уездной земской управы Зубарев. Эта группа эсеров, до прихода партизанских полков в село Черный ануй, активно работала среди действующих в этих районах мелких повстанческих отрядов, стараясь их всецело подчинить своему влиянию и направить на борьбу за Учредительное собрание.

Они проводили крестьянские собрания и группировали вокруг себя кулацкую верхушку деревни.

Созванный эсерами съезд в Черном Ануе принял обращение, в котором говорилось: «Народное восстание на Алтае возникло стихийно... Народное восстание не преследует партийных целей. Мы боремся за установление всеобщего мира в России, за объединение в одну дружную братскую семью всех враждующих и проливающих братскую кровь сынов великой пострадавшей родины нашей».

По вопросу о власти съезд постановил:

«На местах должны быть полноправные земские и городские самоуправления... Для решения общегосударственных дел и установления порядка и законности, а также для создания власти должен быть созван земский собор из представителей земств и городских самоуправлений».

Наконец, съездом был избран повстанческий комитет, во главе которого было поставлено сильное эсеровское руководящее ядро. В него входили: Зубарев А., Арбузов М. И., Гаврилов Г. А. и Шестернин Гавриил.

Смакуя плоды этого съезда, Колосов в своей книге «Сибирь при Колчаке» извивается в потугах доказать, что решения этого съезда были выражением воли самого крестьянства без чьей бы то ни было помощи со стороны.

Он пишет:

«Интеллигентов на съезде почти не было, а поскольку были, занимали места исключительно секретарей и в прениях участия почти не принимали. Постановления Черно-ануйского съезда можно считать поэтому чисто крестьянскими».

Это вранье Колосову необходимо для того, чтобы доказать, что крестьянское партизанское движение преследо-

вало цели восстановления власти Учредительного собрания или «Земского собрания», а не власти Советов, как об этом говорят факты.

По Колосову получается, что советская власть сибирскому крестьянству навязана силой победившей Красной армии.

Об этом он говорит так: «Побеждая колчаковскую армию на поле сражения, Красная армия одержала в то же время идейную победу, являлась рупором, носителем принципов советской власти... Идеи диктовал тот, кто побеждал... Таким образом к приходу Красной армии крестьянская Сибирь, несмотря на все отличия интересов и настроений, стихийно становилась советской. Как-то сами собой в этой воле общего настроения потонули те резолюции, которые принимали черно-агуйские крестьяне и которые несомненно были навязаны не со стороны, а являлись выражением определенных интересов широких групп крестьянства»¹¹.

Правы в своих высказываниях те авторы, которые уличают Колосова в его жульнической проделке¹². Так, например, А. Абов в его брошюре «О партизанском движении в Сибири» говорит:

«Все прошедшие в этот период восстания шли под лозунгом «За власть Советов», против демократических правительств, против эсеровских земств».

Эти восстания и эта опрометная подготовительная подпольная работа, которая шла в то время в ряде районов, лучше всего подтверждают лживость утверждений о том, что партизанское движение началось только при Колчаке. Эти утверждения замазывают основное содержание движения — за власть Советов, эти утверждения создают лживые представления о якобы сочувственном отношении основных масс крестьянства к «демократическим» чехо-белогвардейцам, они извращают мысли В. И. Ленина о «повороте» крестьянства.

Тов. Сталин в своей статье «О некоторых вопросах большевизма», адресованной редакции журнала «Пролетарская революция», говорит:

«Задача состоит, по-моему, в том, чтобы поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные больше-

¹¹ Колосов — «Сибирь при Колчаке», стр. 34.

¹² См. В. Вагман — «Зарождение партизанского движения». Журн. «Просвещение Сибири». 1929 г.

Чуе — «Черномыльское восстание». «Сиб. Огни». 1926 г.

Н. Обухов — «Восстание минусинских крестьян». «Сиб. Огни». 1929 г. и др.

вистские рельсы и заострить внимание партии на троцкистских и всяких иных фальсификаторах истории нашей партии, систематически срывая с них маски».

История большевизма не мыслима без правильного освещения роли ленинской партии в вопросах гражданской войны. Вот почему появление книги Третьяка мы приветствуем, как документ, срывающий «маску» с эсеров Колоцова и его единомышленника В. Эльцина. Иван Яковлевич Третьяк, выпуская книгу, вбивает осинный кол в творимую эсерами легенду вокруг Черно-ануйского съезда.

После объединения полков эсеровское «руководство» в партизанском движении Горного Алтая было отброшено, как затасканная тряпка, прекрывавшая «середину» между Колчаком и советской властью.

Массы приходили к выводу, указанному Лениным. «Либо диктатура (т.е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса. Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигенты, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и прочее), либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот — безнадежный идиот. А в России мы все видели, как мечтали о середине меньшевики и эсеры при Керенщине и под Колчаком. Кому послужили эти мечты? Кому помогли они? — Колчаку и Деникину. Мечтатели о середине — присобивки Колчака»¹³.

Продолжая линию объединения сил, следующим шагом тов. Третьяка было подчинение его командованию 3-го Уймонского полка. С этого момента закладывается начало существования первой Горно-конной алтайской партизанской дивизии во главе с ее командиром Иваном Яковлевичем Третьяком.

Действия дивизии оказались в этот период особо успешными, потому что Красная армия в своем победоносном шествии уже овладела решающими пунктами бывшей территории Колчака. Враг метался в панике, ища пути отступления к границам Советского союза.

Поэтому так упорны и жестоки были схватки за овладение Чуйским трактом, дававшим возможность прорваться в Монголию потрепанным белогвардейским частям.

Что особенно замечательно, так это то выдержанное отношение, которое было проявлено тов. Третьяком в вопросах национальной политики. Он своим пролетарским чуть-

¹³ Ленин — т. 24, стр. 438 (изд. 3).

ем уловил правильную ленинскую линию в этом вопросе и тем самым привлек на свою сторону основные массы алтайцев-ойротов.

Лучшими сподвижниками Третьяка в этот период были командиры частей — Кудрявцев Иван Никонорович, активный участник февральских событий, делегат фронта в Петроград, член Петроградского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; его брат большевик Кудрявцев Василий; Кокорин Петр Дмитриевич, бывший фронтовик, член подпольной ячейки большевиков; Никифоров Иван — крестьянин села Малого Бащелака; Акимов — бывший матрос, Зырянов Владимир Степанович — крестьянин села Шебалино — бессменный начальник штаба бригады и дивизии; Вязников, Коровин, Тропин, Шумов, Мунгалов-Мокин, Усов и др.

Эта руководящая группа вела партизан, развернув дивизию до 11 полков с 18-тысячным составом, определяя их путь под лозунгом — «Наша политическая борьба идет асцело за советскую власть, за присоединение партизанских полков к Российской регулярной Красной армии».

Тов. Третьяк и ряд его сподвижников, как герои гражданской войны, награждены орденом Красного Знамени.

Книга тов. Третьяка красочно рисует этот пройденный путь борьбы и побед. Он с гордостью может сказать:

«Никто пути пройденного у нас не отберет!».

П. Гордиенко.

НАЧАЛО ПОВСТАНЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ В ГОРНОМ
АЛТАЕ

1. БОЛЬШЕВИКИ—ОРГАНИЗАТОРЫ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Разгул колчаковской реакции обрушился всей своей тяжестью на рабочих и крестьян. Колчаковские карательные отряды самым зверским образом расправлялись с каждым, кто подозревался в сношениях с большевиками или даже в простом сочувствии им.

В деревнях и сельских местностях колчаковцам большую помощь оказывали волостные земские управы, заправками которых, главным образом, были эсеры и меньшевики. Эти управы были преданными слугами и верными исполнителями требований и предписаний колчаковской власти. При усердном их содействии колчаковская власть проводила мобилизации крестьян в солдаты, при их же содействии колчаковские агенты порками и расстрелами выколачивали из крестьянского населения денежные, продовольственные и фуражные ресурсы.

Разбросанные по деревням военноремонтные комиссии, которые обычно возглавляли офицеры-колчаковцы, при содействии тех же волостных земских управ отбирали у крестьян лучших лошадей.

Для нужды армии у крестьян насильно отнимались теплые вещи. Солдат, вернувшихся с фронтов империалистической войны, принуждали сдавать имеющееся у них обмундирование военного образца, а это обмундирование порой составляло их единственную одежду.

И многими другими повинностями и поборами колчаковцы мучили и терзали крестьян.

Помимо всего этого, крестьяне ясно видели, что колчаковщина неуклонно ведет к восстановлению былого «старорежимного порядка», к восстановлению самодержавия и капитализма, к восстановлению власти капиталистов и помещиков над рабочими и крестьянами.

Все эти обстоятельства вызвали у бедняцко-среднего населения большое недовольство колчаковской властью, возраставшее с каждым днем.

Этими настроениями крестьян воспользовались большевики, скрывавшиеся в подполье.

После свержения соввласти в Сибири многие большевики, избежавшие белогвардейского ареста, рассеялись, между прочим, по алтайским деревням и заникам, где приступили к организации подпольных большевистских ячеек.

Кто были эти большевики? Кого привлекали они в ячейки? И, наконец, для какой цели организовывались эти ячейки?

Организаторами подпольных ячеек в Алтае были рабочие-большевики. Помимо сибирских рабочих, на Алтае проживали ленинградские и московские рабочие. В 1918 г. они были командированы в Сибирь на помощь местным большевикам. Рабочие-большевики и шокрыли Алтай сетью подпольных ячеек. В эти ячейки стягивались красногвардейцы, скрывавшиеся от белогвардейского преследования, рабочие, вытесненные из разных причин оставить фабрику, завод или рудник и шириться в урочное место, чтобы не попасть к белым на расправу, и те аресты, которые еще при советской власти успели зарекомендовать себя как хорошие большевики, как ревностные сторонники советской власти. Основной актив подпольных ячеек составляли бывшие солдаты империалистической войны, распространявшиеся еще на фронте большевиками и вернувшиеся в свои деревни для проведения в жизнь идей Октябрьской революции и организации соввласти.

Задача, какую преследовали большевистско-подпольщики, заключалась в том, чтобы распространять бедняцко-среднекрестьянство и организовать его к восстанию против колчаковской власти, а после ее свержения возродить советскую власть.

Не лишним считаем заметить тут же, что подобные же подобные ячейки имелись и во всех городах Сибири. В городах большевики заняты были организационно-пропагандистской работой среди рабочих, подготовляя их к восстанию против колчаковщины и к захвату власти. Между руководителями городских и сельских подпольных ячеек была договоренность, сводившаяся к тому, чтобы действовать согласованно и работу вести в том направлении, чтобы организовать по всей Сибири единое рабоче-крестьянское восстание.

При помощи своих шпиков колчаковцы проводили про эти подпольные организации. Однако, расстрелы, порки и другие злодеяния и бесчинства колчаковских ка-

рателей не в состоянии были разгромить деревенские подпольные ячейки и приостановить революционно-творческую деятельность большевиков. К осени 1919 г. сеть подпольных организаций значительно расширилась на Алтае. К этому времени большевики уже успели организовать и подготовить к восстанию значительную часть беднячко-средняцкого населения.

2. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Зиминское восстание Большая подпольная ячейка вилась и в селе Зиминском. Среди организаторов этой ячейки находились и некоторые петроградские рабочие-металлисты. Видную руководящую роль в этой ячейке играл путиловский рабочий Гавриил Семенович Ивкин. Члены ячейки и были главными застрельщиками всего повстанческого движения в Зиминском районе. Под их руководством 2 августа 1919 г. и восстало в первую очередь село Зимино.

Важно было начало. Сигнал, поданный зиминцами, был подхвачен крестьянами окрестных деревень. Восстание перерослось на села Вяткино, Брусенцево, Романово и ряд других, где также имелись подпольные большевистские ячейки, непосредственно связанные с Зиминской.

В течение 2-3 дней повстанческое движение охватило почти все села, расположенные в окрестности Усть-чарышской пристани.

5 августа повстанческие отряды повели наступление на большое торговое село Уч-пристань и заняли его после боя. Но через сутки подошли на переходе отправленные из Бийска крупные козачковские части, выбившие повстанцев из Уч-пристань. В продолжении всего августа велись ожесточенные бои из-за Уч-пристань, которая четыре раза переходила из рук в руки.

Восстание крестьян Быстро-Истокского района Сигнал Зиминского восстания был быстро подхвачен и Быстро-Истокским районом, где также в ряде сел находились подпольные большевистские ячейки, непосредственно связанные с Быстро-Истокской подпольной организацией, во главе которой стояли т. т. К. Паеханов, Черепанов, Артямонов (рабочий Московской текстильной фабрики) и ряд других. В первых числах августа

подпольщики выходят с оружием в руках и поднимают на вооружение бедняцко-средняцкое крестьянство. Быстро формируются повстанческие отряды в Быстром Истоке, Верх-Озерном, Ново-Обинском, Чесноковке, Ново-Покровском, Нижне-Озерном, Верх-Ануйском и др. селах.

В первую очередь повстанцы направили свои главные силы на казачью линию¹, где заняли казачий поселок Николаевку, а затем село Паутово. Получив известие, что приехавшие на пароходе из Бийска белогвардейские карательные части под командой полковника Хмелевского и поручика Серебrenникова высаживаются на Быстро - истоковской пристани, повстанцы под командой Г. А. Щербинина поворачивают свои силы и ведут наступление на Быстрый Исток. После четырехчасового боя, под натиском хорошо вооруженного противника, повстанцы, потеряв до 60 человек убитыми, отступают на село Верх-Озерное. На другой день из села Озерного повстанческие отряды повели наступление на село Ново-Обинское, которое было ими занято. Это село незадолго до того, как его заняли повстанцы, усмиряли чехи и карательные отряды полковника Хмелевского и поручика Серебrenникова. Они казнили около 50 крестьян. Как видно из воспоминаний К. Н. Брежнева, эти крестьяне были обезглавлены.

Заняв Ново-Обинское, повстанцы узнали, что колчаковцы чинят расправу над крестьянами в с. Петропавловке. Колчаковцы сожгли несколько домов, вытоптали многих крестьян и некоторых расстреляли. После этой расправы колчаковцы повели наступление на повстанцев, которые отступили под село Озерное, где заранее были приготовлены окопы. Завязался жестокий бой, длившийся около 5 часов и затянувшийся до полуночи. Узнав, что у неприятеля истощился запас патронов, повстанцы, несмотря на ночное время, перешли в штыковую атаку и выбили колчаковцев.

¹ Казаки, как известно, были наиболее верными самодержавному правительству войсками. Когда царизм захватил Сибирь, то чтобы обеспечить себе владычество на чужой земле и иметь силу, которая бы подавляла восстания коренного населения и содействовала бы дальнейшему грабительскому продвижению самодержавия на Восток (Монголия, Китай), в Сибирь были с Дона и Урала переселены казаки, для которых вдоль всей восточной границы Сибири были построены поселки. Цепь этих поселков и называют казачьей линией. Сибирские казаки были хорошо наделены плодородной землей и пользовались рядом привилегий. Среди них было особенно много кулаков. На казаков, главным образом, и делала ставку вся сибирская контрреволюция: от эсеров и меньшевиков до Колчака включительно.

Начало восстания в селениях Горного Алтая Волна повстанческого движения тем временем ширилась и быстро перебрасывалась на другие районы. Вооруженное казачество, выступившее на защиту казачьей линии, задерживало напор степного невооруженного крестьянского повстанческого движения. Это продолжалось до тех пор, пока в повстанческое движение не было влито крестьянство сел Горного Алтая. Это крестьянство вовлекалось в повстанчество по мере успешного продвижения повстанческих отрядов в горы.

Крестьянин-бедняк села Усть-Тальменка, Солонешенской волости (теперь район), большевик, бывший фронтовик Григорий Степанович Беляев, побывав в Уч-пристанском районе, где действовали повстанцы, становится деятельным работником партизанства. Возвратившись в село Сибиричиха, он проводит на крестьянском собрании решение об организации военно-революционного сельского штаба. Вместе со штабом тов. Беляев формирует четыре повстанческих отряда.

Затем тов. Беляев уезжает в свою деревню Усть-Тальменку, где 14 августа формирует из односельчан отряд численностью до 20 человек. В этот же день отряд задерживает конвой, сопровождающий через их деревню 40 крестьян, арестованных начальником Башчелакской милиции, эсаулом Шестаковым. Эти арестованные направлялись в Солонешенскую волость в распоряжение прожовника Соколова. Их ожидал неизбежный расстрел.

Обезоружив кляевой и распустив по своим деревням арестованных крестьян, тов. Беляев уходит со своим небольшим отрядом в село Большую Речку, где собирает с пашен крестьян и поднимает их на восстание. То же самое он проделал в селе Большой Башчелак. Так тов. Беляев со своим отрядом охватил до десятка расположенных в Горном Алтае селений, поднял их на восстание. Он доходит со своим отрядом вплоть до Черного Ануя.

Наступление на казачью линию Повстанческое движение, поднятое подпольными большевистскими ячейками в степной Приобской полосе, перебралось, как видим, и на Горный Алтай. И здесь крестьянство, восставшее под руководством большевиков, начало формироваться в отряды, во главе которых обычно ставились знающие военное дело командиры, главным образом из бывших фронтовиков. Эти отряды обезоруживали колчаковскую милицию, лесничество. Во всех деревенских кузницах лихорадочно ковали пики. Вооружившись чем попало, пов-

станции начали сжимать со всех сторон казачью линию. Казаки вынуждены были отступать к центральному управлению казачьей линии — Чарышской станции. На отступающих казаков двигались повстанческие отряды со стороны сел Михайловки, Ужура, Огней и т. д. Повстанцы продвигались на Чарышскую станцию по трем направлениям, а именно: по Башцелаковскому тракту, затем со стороны сел Малого и Большого Башцелаков, Сибирячихи, Больше-Речки, Тальменки и, наконец, со стороны сел, расположенных в глубоких горах, как-то: Боровлянки, Сентелека, Абы, Покровка, Березовки, Каргона и ряд других. Повстанческие силы, наступавшие на Чарышскую станцию, в общем доходили до 5000 человек.

Одепив с трех сторон Чарышскую казачью станцию, повстанцы потребовали от засевших там казаков сдачи оружия, а также ареста и выдачи жестокого карателя есаула Шестакова.

Часть казачества во главе со станичным атаманом Ивановым, хронуком Михайловым и другими, захватив боевые припасы, ночью отступила вверх по Чарышу в казачий поселок Тулата. Остальные казаки после переговоров согласились сдать оружие и обещали впредь не выступать против повстанцев. Все находящееся в станции оружие они погрузили на три воза и привезли его повстанцам.

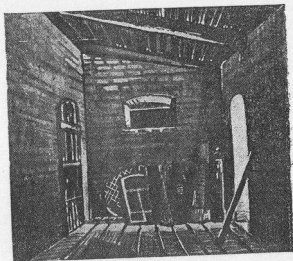
Таким образом повстанцы получили первую сравнительно крупную партию оружия.

Что касается пленного карателя есаула Шестакова, то его долго водили по селу вдоль выстроенных рядов повстанцев, которые, конечно, отпускали по его адресу всевозможные шутки и остроты. Предполагая, что повстанцы только посмеются над ним, а затем отпустят по добру, по здорову, Шестаков взмолился: «Товарищи! Погода стоит осенняя, сыро и холодно, а я одет по-летнему, могу, поэтому, легко простудиться, а в настоящее время, знаете, лекарства достать трудно. Разрешите мне сходить домой одеться потеплее, по-зимнему». Услышав эту просьбу, повстанцы в ответ начали изрядно угощать Шестакова тем лекарством, которым он обычно лечил крестьян от большевизма. Затем отвели Шестакова и его ближайшего помощника (одного милиционера) за реку Чарыш, где обоих и расстреляли.

Оставив небольшую часть в Чарышской станции, повстанцы остальными силами повели наступление на поселок Тулату. Подойдя к поселку, повстанцы решили завязать с отступившими тулатинскими, чарышинскими и др. казаками переговоры о сдаче оружия. Для этой цели послали в поселок повстанческую делегацию в составе 9 человек. Однако, разревневшее казачество зарубило насмерть всех делегатов.

Когда повстанцы узнали об этой гнусной расправе с делегацией, то повели по всему фронту наступление на поселок. После небольшой перестрелки казаки отступили на поселок Яровское, где, заняв удобную позицию по отлогам Малиновой сопки, задержали дальнейшее наступление повстанцев. В продолжении двух суток происходила под Малиновой сопкой перестрелка между повстанцами и казаками.

В это время чехо-словацкие части и карательный отряд под командой штабс-капитана Жирова и поручика Серебренникова, а также воинская часть полковника Хмелевского повели наступление на села, расположенные у подножия Алтайских гор. Узнав об этом, около десяти повстанческих отрядов, которые находились под командой тов. Ильиных и других, 18 августа снялись с занимаемого ими под Малиновой сопкой фронта и ушли на защиту своих предгорно-степных сел: Михайловку, Уржум, Огни и др. Уход этих отрядов значительно ослабил повстанческий фронт под Малиновой сопкой. Оставшиеся же на фронте повстанцы Горного Алтая не учли всей важности военной обстановки своего

Предбанник в базе купца Шестакова в Усть-Чарышской пристани, где убили 12 красных партизан

фронта и начали отпускать многих повстанцев на полевые работы (уборку хлеба), вследствие чего повстанческий фронт еще более ослабел.

Казачи повели наступление. Сентелекские, абинские, покровские, березовские и каргонские повстанческие отряды отступили по направлению села Сентелек, а остальная часть повстанческих отрядов отошла на Чарышскую казачью станцию.

□

Здесь и в это время мне посчастливилось впервые прийти в непосредственные сношения с повстанцами и вскоре я начал принимать активное участие в повстанческом движении.

Однако прежде чем это «вскоре» настало, мне пришлось пережить длительный ряд мучительных и томительных испытаний.

3. КОМИССАР ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ

23 июля 1918 г. я оставил Америку, точнее выражаясь, Сан-Франциско (Калифорнию), чтобы через Атлантический океан и Японию пробраться в Советскую Россию. У меня было твердое желание и непоколебимое намерение вернуться на родину, в свою Белоруссию, чтобы вместе с победившим пролетариатом бороться за укрепление соввласти и построение социалистического общества. После долгих мытарств мне удалось преодолеть те препятствия, которые чинились японскими и китайскими чиновниками над каждым возвращающимся из эмиграции большевиком. Удалось мне также благополучно пробраться через все кордоны и заставы белогвардейцев, которые в то время, при усердном и вполне открытом содействии международных империалистов, начали захватывать Дальний Восток. Лишь в октябре 1918 г. я добрался до Новосибирска (по тогдашнему — Ново-Николаевск). Здесь я узнал, что белогвардейцы успели уже захватить часть Урала и что через белогвардейский фронт мне никак не пробраться на родину. Как быть дальше? На Алтае, в Чарышской казачьей станции, жил мой брат Александр. Решил поехать к нему. В Чарышскую станцию я прибыл 28 октября. Ознакомившись с моими документами, станичный атаман, есаул В. И. Шестаков, о котором речь была в предыдущей главе, сказал моему брату: «Твой брат из эмигрантов, он — человек опасный, скажи ему, чтобы сидел спокойно, тихо, смирно, иначе...».

Но как было сидеть «спокойно, тихо, смиренно», всегда кругом шла классовая борьба, а я считал своим большевистским долгом принимать активное участие в этой борьбе.

Узнав, что я прибыл из Америки, ко мне часто приходили в одиночку и группами радные казаки, прося, чтобы я рассказал им, как рабочие и крестьяне живут за границей. Какой характер носили мои беседы, видно из того, что скоро я прослыл в станице, как большевик. Чтобы избежать репрессии, я скрылся у брата на пасеке. Это было в июле 1919 г.

От часто навещавших меня брата и отца я вскоре узнал, что в Приобской полосе поднято крестьянское восстание.

Я решил воспользоваться первым удобным случаем, чтобы примкнуть к восставшим. Вынужденное безделье давило и угнетало меня.

И как же я обрадовался, когда однажды, неожиданно для себя, услышал вдруг перестрелку: я понял, что наступают повстанцы. И действительно: повстанцы находились верстах в двух от станицы. Вскоре приблизился небольшой отряд повстанцев, который забрал меня, а также моего отца и брата, как пленных, и отвел в штаб, который находился в деревне Сваловке. Я предъявил штабу имевшиеся у меня документы, которые свидетельствовали о том, что я свой человек, что я долгое время принимал за границей активное участие в революционном рабочем движении. Однако, толку не добился. Мой внешний «европейский» вид (я был одет, как иностранец: на голове — мягкая шляпа, на ногах — гетры и т. д.), а также мои иностранные документы внушали повстанцам некоторые опасения ко мне.

Я очутился в крайне затруднительном положении: с одной стороны мне угрожали казаки, а с другой — повстанцы рассматривали меня, как чужака.

В штабе заявили нам, что после взятия Чарышской станицы освободят нас. Как только повстанцы заняли станицу, белые предприняли попытку выбить из станицы повстанцев. Опасаясь, как бы в тылу не возник мятеж, повстанцы эвакуировали в село Бацелак всех добровольно сдавших их казаков, а вместе с ними и меня с отцом и братом. В Бацелаке нас скоро освободили, так как убедились, что мы не казаки. Я решил уйти в Степной район, в село Зимино, где находился главный штаб повстанческого движения. В Зимино, думал я, мне удастся легче примкнуть к повстанцам, но по дороге снова был захвачен в плен и меня опять привели в штаб чарышских повстанцев.

На этот раз сомнения относительно моей личности в штабе настолько рассеялись, что я даже был допущен к участию на военном совещании, которое руководители парти-

занских отрядов собрали 21 августа в с. Малый Башчелак. На этом совещании ставился вопрос об усилении боеспособности повстанческих отрядов.

На совещании атмосфера была очень нервная. Все были под впечатлением известий о поражениях повстанцев. Мне казалось, что никто из выступивших не выяснил себе подлинные причины поражения, а, главное, никто не указал выхода из положения.

Когда мне предоставили слово, я первым делом указал, что повстанческий фронт более всего страдает от отсутствия дисциплины, товарищеской спайки. Многие командиры не отвечают перед высшим командным составом за порученное им дело, а действуют как им вздумается, на свой страх и риск. Ослаблению повстанческого фронта способствует и неправильная деятельность военно-революционных штабов, которые организованы в деревнях. Сидя в своих деревнях, они оттуда дают распоряжения сформированным в них деревенским отрядам. Зачастую эти деревенские штабы, получив сведения о движении противника и не проверив правильность этих сведений, впадают в панику и отзывают с фронта отряды для защиты своих деревень, чем ослабляют весь повстанческий фронт.

«Надо — говорил я — принять меры к восстановлению военной дисциплины. Надо, чтобы военно-революционные штабы в деревнях не вмешивались в фронтовые действия. Главному повстанческому штабу должны быть подчинены все.

Никакие другие штабы в его функции вмешиваться не должны».

На этом я закончил свое выступление. Оно произвело столь сильное впечатление, что я тут же был избран комиссаром по организации повстанческой армии.

Начальник 1-го партизанского полка
Акимов М. М.

Чтобы приступить к выполнению этой работы, нужно было знать расположение повстанческих отрядов и быть знакомым с Горным Алтаем. Я же всего этого не знал. У нас не было даже географической карты края. И поэтому для объезда районов расположения повстанческих отрядов был выделен в помощь мне т. М. М. Акимов, бывший матрос. Делегаты военного совещания дали нам указание в первую очередь установить связь со степным повстанческим движением. Предполагалось, что это движение там еще не подавлено.

4. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Занятие села Лютаево После закрытия военного совещания все делегаты выехали на фронт. Я же с тов. Акимовым приступил к выполнению возложенных на нас поручений. Сперва мы поехали в Солонешное, а оттуда в Медведевку и в село Лютаево, куда перед нашим приездом вступили солонешенские и медведевские повстанческие отряды под командой тов. Бунькова.

Остановившись в селе Лютаево, мы узнали, что крестьяне этого села не участвуют в повстанческом движении. Переговорив с тов. Буньковым, мы решили созвать сельское собрание, на котором предложить крестьянам примкнуть к повстанческому движению.

В своем выступлении я указал крестьянам на разгул колчаковских карательных отрядов и осветил цели и задачи повстанческого движения.

Я призвал собравшихся крестьян присоединиться к повстанческому движению.

Но сельское собрание было сорвано кулаками. Надо было поискать другой способ для того, чтобы втянуть в повстанческое движение бедняцко-средняцкие слои этого села. Пришлось предложить тов. Бунькову отвести за поскотину свой отряд. Вместе с отрядом выехали и мы. Лютаевские кулаки линковали. Они предполагали, что мы больше в их село не вернемся.

Выехав за поскотину, мы остановили свой отряд, выделили из него нескольких повстанцев, которых послали в село для ареста кержакка Фефелова, ямщика Шилова и др. Всего подлежало аресту пять кулаков.

Не прошло и полчаса, как арестованных уже привели к месту расположения нашего отряда. Приближаясь к нам, арестованные на ходу крестились и низко кланялись. Видя, что их жизнь находится в опасности, арестованные взмолились, прося, чтобы их отпустили, и обещали, что минут через 10-15 сформируют все годное для военных действий мужское население в отряд и снабдят его всем необходимым.

Арестованные были отпущены. И вскоре пришла к нам делегация, которая доложила, что отряд сформирован и просит нас зайти в село.

Отряд тов. Бунькова с песнями заехал в село Лютаево, где к нему присоединился вновь сформированный отряд повстанцев.

Наступление на Солонку и Камышенку

Наступил вечер. Дальше двигаться было поздно. Повстанческий отряд остановился на ночевку. В эту же ночь 25 вооруженных повстанцев сделали набег на большое село Солонку, находящееся в 30 верстах от села Лютаево. Отряд разогнал колчаковскую милицию и освободил из-под ареста 5 человек, которые уверяли, что через день колчаковская милиция расстреляла бы их. Арестованные вступили в ряды повстанцев.

Ранним утром на другой день отряд численностью до 150 чел. вступил в расположенное возле гор село Камышенку, которое к 11 часам дня и заняли.

В селе Камышенке была мертвая тишина. Не только на улице не видать было людей, но их не было видно и в избах. От многих построек остались только обуглившиеся столбы.

Так действовала колчаковщина.

Остановившись в сборе, мы разослали по селу несколько повстанцев оповестить крестьян о сходе. Минут через десять крестьяне начали собираться. Преобладали старики. Когда мы спросили собравшихся: «Где ваша молодежь?», то получили ответ, что она скрывается в горах, опасаясь колчаковских карателей. Здесь же мы узнали, что силами карателей и чехов ликвидировано степное повстанческое движение.

В своем выступлении я разъяснил сущность колчаковщины и призвал собравшихся к помощи партизанам. Но камышенские старики, указав на раскинувшиеся степные просторы, лукаво заявили: «Идите, если ваша возьмет, мы всеми силами будем вам помогать. Мы уже научены горьким опытом. Нас уже раз втянули в восстание, — потом отряд ушел, а мы перед чехами и карателями отвечали. На сходню то мы пришли, а сесть не можем, ибо у каждого задница в рубцах. К тому же многие дома сожжены, молодежь наша в горах скрывается, опасаясь карателей».

Словом, в Камышенке нас уверили, что помощь нам окажут лишь тогда, когда мы победим, когда мы покажем свою силу.

Во время собрания от приехавшего крестьянина мы узнали, что со стороны Паутово на село Камышенку движется русско-каракорумский карательный отряд в количестве 600 человек. Учитывая, что наш повстанческий отряд насчитывал только 150 человек и не имел достаточного оружия, вследствие чего не в состоянии будет сопротивляться, мы вынуждены были отступить обратно в село Лютаево, где выставили по горам усиленные посты. Отряд расположился в селе по крестьянским домам.

Отступление Когда же получилось сообщение, что партизаны заняли Камышенку и двигаются на Лютаево, Буньков собрал свой отряд и занял по горам, недалеко от села, позицию, чтобы задержать продвижение карателей. Завязалась перестрелка, длившаяся около часа. Каратели превосходили повстанцев по численности и были прекрасно вооружены. Повстанцы не выдержали и отступили.

Большая часть отряда, сформированного из лютаевских крестьян, разбежалась по горам. Только незначительная часть отступила вместе с повстанческим отрядом т. Бунькова. Отступление производилось по двум направлениям: солонешенские крестьяне во главе с тов. Буньковым ушли правее тракта через село Казанцево на село Солонешное, а остальные повстанцы, медведевцы, взяли путь прямо по тракту и вернулись в свое село Медведевку.

Я же с тов. Акимовым в сопровождении повстанца Килина тоже отправился в Медведевку, предварительно выставив на вершине одной большой горы наблюдательный пост.

В селе Лютаево карательный отряд подверг жестоким издевательствам семьи тех крестьян, которые отступили вместе с отрядом т. Бунькова. Дома повстанцев были подожжены. Некоторые крестьяне были расстреляны.

Крестьяне же села Медведевки (15 верст от Лютаево), узнав о занятии карательным отрядом села Лютаево, быстро, несмотря на ночное время, начали погрузить на телеги и увозить в горы весь свой домашний скарб. Постукивали крестьянские телеги, суетились второпях крестьяне, истошно кричали дети.

Переночевав в селе Медведевке, я на утро следующего дня, в сопровождении т. Килина, выехал в село Солонешное, где возле волости застал около 60 крестьян, из которых формировался добровольческий отряд для подкрепления Башчелакского фронта. Тут же мы узнали, что под Чарышской станицей повстанцы разбиты. Из Солонешного мы выехали, взяв направление на Большой Башчелак. Проезжая мимо лежащих на тракту сел, Макарьевка и Тальменка, мы узнали, что и в этих селах тоже был сформирован отряд повстанцев, который выступил на Башчелакский фронт. Вскоре мы этот отряд нагнали и вместе с ним направилась по тракту на село Большой Башчелак.

Повстанческий фронт потерпел поражение, главным образом, потому, что степные повстанческие отряды, руководимые т. Ильиных, ушли с фронта для защиты своих сел от беляков. Их уход значительно уменьшил численность основного повстанческого фронта и чрезвычайно ослабил его боеспособность, ибо уходящие уносили с собой винтов-

ки и патроны, в чем повстанцы вообще ощущали большой недостаток. Разрозненные немногочисленные отряды, даже в том случае, если бы они были вооружены, не могли бы, конечно, собственными силами дать отпор колчаковцам и отстоять свои родные села. Общему же состоянию повстанческого фронта это стремление стоять на страже и защите только своих сел нанесло колоссальнейший ущерб: фронт ослаб численно, потерял способность оказывать сопротивление врагу и лишился возможности разбить его.

Такая же история произошла и на фронте под Малиновой сопкой. Горно-алтайские повстанцы не учли всей важности своего фронта под Малиновой сопкой и также распустили многих повстанцев на полевые работы. Впрочем, бывшие фронтовики, составлявшие основное ядро этого фронта, остались на своих местах. Они с редким упорством в течение долгого времени сдерживали наступление казачества, но в конце концов не выдержали натиска многочисленного хорошо вооруженного неприятеля и, потеряв в решительном бою под Малиновой сопкой около 30 человек убитыми и ранеными, с боем отступили по двум направлениям: повстанцы селений Березовия, Абы, Сентелека, Покровки и Каргона отступили на село Сентелек, а остальная, большая часть повстанцев, сдерживая наступление казаков, отступила по казачьей линии на Чарышскую станицу.

Несмотря на упорно героическое сопротивление, повстанцы в конце концов вынуждены были отступить чуть ли не по всему фронту. Они сдали белякам большой казачий поселок Талата, а вслед за этим последовала также сдача Чарышской казачьей станицы.

Озверевшие колчаковцы не давали пощады попавшимся к ним в плен повстанцам. Во время отступления на Чарышскую казачью станицу, на переправе реки Чарыша, казаки захватили повстанческую заставу (14 человек), во главе которой находился крестьянин Б.-Бацелака Викул Иванович Кондратьев. Всю эту повстанческую заставу казаки изрубили шашками.

При отступлении через Чарышскую станицу повстанцам не только приходилось отражать наступление казаков, приходилось также защищаться от живущих в самой станице казачьих семей. Увидев отступающих повстанцев, они бросали в них из окон и из-за углов своих домов камни, кирпичи и все, что попадало им под руки.

Заметим, кстати, что, как правило, повстанцы при наступлении или отступлении не обижали живущее по линии казачье население. Мы даже жестоко преследовали всякого, кто нарушал это правило.

Бои на Свалов- Сдав казакам Чарышскую станицу, пив-
ском седле станицы отступили по тракту на Свалов-
и у сел М. и ское седло. Заняв позицию, повстанцы
Б. Башелаки намеревались задержать дальнейшее на-
ступление противника и неоднократно переходили в контр-
наступление, но в конце концов, после одного продолжи-
тельного боя, вынуждены были отступить. Отступление
шло по двум направлениям: одна часть ушла на Малую
сосновку и Калинихи (дальнейшая судьба этой части нам
совершенно неизвестна), а другая часть рассеялась на го-
ре Каменухе.

Разбив на Сваловском седле повстанческий фронт, на-
ступающее казачество свои главные силы направило на
занятие опорных пунктов повстанческого движения: боль-
ших крестьянских сел М. и Б.
Башелаков. Заняв эти села,
казаки, по обыкновению, про-
извели жестокую расправу над
восставшим крестьянством.

Рассеявшись на горе Каменухе повстанцы вновь начали собираться небольшими группами.

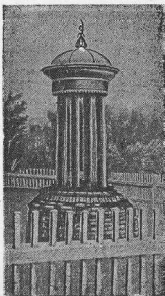
Объединившись в отряд, они выбирали себе в командиры бывшего подпрапорщика тов. Якушкина, крестьянина Б. Башелака, человека опытного и хорошо знающего военное дело.

Под его руководством повстанцы идут в наступление на занимаемое казаками село Б. Башелака. С боем выбивают они казаков из Б. Башелака и переходят в наступление на село Малый Башелака, который также занимают.

Казаки отступили на Сваловское седло.

Одержав победу над казаками и восстановив свой фронт, повстанцы вовсе не думали о защите своего тыла.

Между тем карательный отряд под командой поручика Серебренникова, после подав-

Братская могила партизанам, погибшим в селе Малый-Башелака.

Командир 1-го полка
Никифоров И. Л.

ления Приобского повстанческого движения (в селе Михайловке этот негодяй расстрелял до 400 человек), направился в Горный Алтай. Пройдя через Сибирячиху, он ранним утром повел наступление по тракту с тыла со стороны с. Б. Башелака. Повстанцы не сдрейфили. Они быстро повернули свой фронт и бросились атаковать этот отряд. После небольшой штыковой схватки карательный отряд отступил на гору Острушку.

Но победа повстанцев оказалась временной. Неприятель был сильнее и действовал организованнее. Его план заключался в окружении повстанцев.

Повстанцы, отступая, разбрелись по горам и только небольшая часть, под командой т. т. Никифорова и Шумова, организованно отошла к поселку Пономарево, куда вскоре прибыло еще несколько мелких бродивших по горам групп. Из Пономарево повстанцы перешли в село Большая Речка, откуда сделали попытку отнять у неприятеля двигавшийся по тракту обоз с пулеметами и патронами. После непродолжительной перестрелки повстанцы вынуждены были оставить Большую Речку и отступить в горы на Тележинское седло. Несколько дней скитался этот отряд по горам, переходя от одной сопки на другую, и в конце концов взял направление на село Абу.

Что же касается Сентелекского, Березовского, Покровского и Каргонского отрядов, то они, как мы же сказали, после поражения у Малиновой сопки отступили на село Сентелек. Это село занимали две сотни казаков. 25 августа у сопки Теплая завязался бой, который продолжался целый день. Потеряв до 40 человек убитыми, повстанцы поздним вечером начали отступать за реку Чарыш. В этом бою один только Сентелекский отряд потерял убитыми 16 человек. Пали в бою: Н. Л. Кривошеин, Т. П. Пастухов, И. Кондратьев и др.

Но и неприятель понес потери ранеными и убитыми.

Трагическая
гибель Леонтия
Макарышева

Отступив за реку Чарыш, повстанческие отряды потеряли уверенность в возможность дальнейшей успешной борьбы и начали поэтому расходиться кто куда.

В этих отрядах находился также тов. Леонтий Макарышев, рабочий-коммунар, посланный в Сибирь в 1918 г. для организации сельскохозяйственных коммун. После разгрома советской власти он скрывался в подполье и впоследствии попал в Горный Алтай. Во все время повстанческого движения он усиленно работал над укреплением повстанческого фронта, все время старался не только удерживать от распада повстанческие части, но также вел их вперед к дальнейшим боям с классовым врагом. Макарышев всех заражал верой в победу. Видя, что повстанцы оставляют свои ряды, Макарышев попытался задержать их, предлагая пойти в наступление на занимаемый казачеством поселок Теплый. Находившееся в повстанческих отрядах зажиточное крестьянство упорно отказывалось от продолжения дальнейшей борьбы. Когда тов. Макарышев начал разоблачать дезорганизаторские действия кулаков, затесавшихся в Сентелекский и Покровский повстанческие отряды, кулаки оклеветали тов. Макарышева, они указывали повстанцам, что Макарышев совершенно незнакомый человек, что он «чужак» и сознательно все время бежит повстанцев только на убой. Рядовые повстанцы поверили этой гнусной кулацкой клевете.

Макарышев был уведен на Данилов остров и расстрелян.

Так погиб от руки повстанцев, поддавшихся наущению врагов, рабочий-большевик тов. Макарышев.

Этот поступок некоторой части сентелекских и покровских повстанцев подтверждает, что в повстанческое движение действительно затесались ярые классовые враги, которые по существу были против повстанческого движения.

Эти кулацкие элементы особенно ретиво проявили себя тогда, когда повстанческое движение терпело неудачи.

Именно тогда старались они направить повстанцев на тех, кто вел их по правильному пути.

Объединение повстанцев в с. Абу В село Абу 30 августа спустились с гор вышедшие из-под Башелаков повстанческие отряды. Это были немногочисленные силы повстанцев, но среди них находилось много бывших фронтовиков, упорно не желавших сдаваться на милость своим врагам, к чему звали кулацкие подпевалы.

Объединив в селе Абу несколько повстанческих отрядов, мы их передвинули вверх по Чарышу на так называемую завилку Табачный лог и через солку Теплую повели наступление на занимаемое казаками село Сентелек, которое и заняли после пятичасового боя. Но казаки 4 сентября за-

ставили нас отступить по реке Усть-Белое. Оставив без боя село Каргон, повстанцы отступили по трудно проходимой горно-лесистой местности на село Чечулиху.

От объединенных в селе Аба повстанческих отрядов по пути отступления откальзывались группы и возвращались в свои родные села. Так, например, откололась группа в 50 человек абинцев, вернувшаяся в свое село Абу. Учитывая плохое настроение отступающих повстанцев, руководящий командный состав решил до поры до времени не оказывать сопротивление наступающему противнику, дабы удержать отряды от распада.

Чтобы скрыть свои следы от неприятеля, повстанческие отряды отступили через белки на вершину Плесовициху.

Формирование Это был самый тяжелый и трудно проходимый путь. Приходилось преодолевать тяжелые природные препятствия. В пути мы были застигнуты сильным бураном, который принудил нас сделать двухсуточную остановку. Повстанцы не были одеты по-зимнему. Они все время жались друг к другу, сидя вокруг пылающих костров, чтобы как-нибудь согреться. Многие одевали на себя кошменные потники, а некоторые укрывались сырыми кожами, которые были сняты с заколотого под мясо скота.

Пройдя вершину Плесовициху, повстанцам пришлось перейти еще один белок, так называемый Загронок, где из-за трудного перехода сделали на некоторое время остановку. Лишь 9 сентября отряды спустились на вершину реки Загрехи. Здесь было положено начало формирования 1-го Конного партизанского полка.

Кстати заметим, что мелкие повстанческие отряды, действовавшие в Куяганской и Черно-ануйской волостях, после ряда боев с белогвардейскими частями, отступили в горы за село Белый Ануй в урочище Тукуш, где в свою очередь объединили повстанцев в одну боевую единицу, сформировав, таким образом, 2-й партизанский полк.

Повстанческое движение быстро ширилось, охватывая и более отдаленные от казачьей линии волости (Куяганская, Черно-ануйская, пять волостей Уймонского района). Должно, однако, сказать, что в этих отдаленных волостях пов-

Ал'ютант 1-й горно-партизанской дивизии Кудрявцев В. Н.

Командир 2-го полка
Какорин Петр.

шеви́стское руководство, там повстанческое движение было организованным, сознательным и целеустремленным характером. Где твердого большевистского руководства не было, там повстанчество носило расплывчатый характер и порой принимало даже уродливые формы. Так, например, в Черно-ануйской волости и особенно в Уймонском районе, где большевистского руководства не было, повстанческое движение первоначально приняло уродливые формы. Здесь руководство мелкими повстанческими отрядами попало в руки сравнительно сильной авантюристической эсеровской группы, которая избрала своим центром этот район и пыталась возглавить повстанческое движение всего Горного Алтая. Эсеры стремились направить повстанцев на борьбу за Учредительное собрание. Однако, жалкие эсеровские потуги оказались бессильными. При первом же наступлении карательных частей полковника Хмелевского эсеры со своими выборными органами эвакуировались из Черно-ануйской волости на Уймон, где до прихода партизанских полков руководили только одними мелкими уймонскими повстанческими группами.

Когда же на Уймон пришли наши партизанские полки, эсеры были с позором отброшены от руководства и сметены.

Боевые действия у сел
Куягана и
Таурек

В селах Демино и Александровка Куяганской волости получилось полное безвластие, так как волостное контрреволюционное земское управление разбежалось опа-

Партизаны: Макрушин О. и Зырянов И.

саясь повстанцев. Большевик тов. Макрушин созвал тогда сельское собрание и выдвинул на нем вопрос об избрании новой власти, которая бы соответствовала запросам и интересам бедняцко-средняцкого крестьянства. Так и поступили.

Тем временем работу развернуло контрреволюционное кулачество села Куягана. Во главе кулачества стоял священник Сабелько. Он послал в село Алтайское кулака Бородулина за карательной кулацкой дружиной. Колоколом созвал он всех крестьян в церковь и повел пред ними речь о том, как надо идти «по правильному пути», дабы попасть в «вечный рай». Всех собравшихся в церковь священник повел к волости, где их застала прибывшая во главе с урядником Кирьяновым алтайская карательная дружина, которая приступила к порке всех собравшихся. По указанию секретаря разбежавшейся земской управы Петрова арестовали Н. Макрушина, сперва выпороли его, а затем на глазах крестьян повесили на волостных воротах. Плетями и шомполами дружина выпорола до 80 человек.

Избитые плетями и шомполами крестьяне обливались кровью и не могли стоять на ногах. Многие из них остались на всю жизнь калеками. Избитые готовы были давать всякие обещания, лишь бы их оставили в покое.

Весть об этой кровавой расправе быстро докатилась до крестьян сел Демино и Александровки, где как раз в это время подпольные большевистские ячейки производили формирование повстанческих отрядов. Отряд численностью до 100 человек под командой Петра Дмитриевича Какорина двинулся через горы на село Куяган, которое поздним вечером и было занято ими. Карательная кулацкая дружина

была разбита. В этом бою повстанцы потеряли 2 убитых и несколько человек раненых. Повстанцы захватили у карателя 12 винтовок, 400 патронов и несколько ручных гранат. Настроение повстанцев, а вместе с ним и крестьян села Кузгана приподнялось. Повстанческий отряд начал быстро увеличиваться за счет крестьян села Кузгана. К отряду сразу пришло 125 человек.

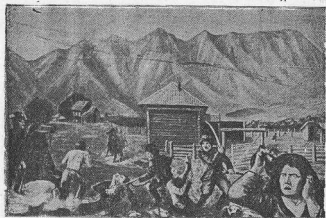
Когда получилось донесение, что другой карательный отряд производит расправу над крестьянами села Таурака, отряд немедленно двинулся к этому селу и занял его.

«В селе Таурак — пишет в своем воспоминании т. И. Б. Первых — повстанцы обнаружили на улицах, особенно возле сельской сборки, около 20 изрубленных и окровавленных человеческих трупов. Кроме того, каратели зверски выворочили около 30 крестьян».

Такие кровавые следы оставляли после себя карательные отряды во многих крестьянских селах Горного Алтая.

Алтайская карательная дружина, во главе с урядником Кирьяновым и подпоручиком Бронским, получила, между тем, значительное подкрепление и начала свое движение на село Никольское, которое вскоре и заняла.

Узнав об этом, повстанческие отряды численностью до 400 человек сейчас же выступили из села Таурак на село Кузган навстречу противнику и заняли Никольский перевал. Здесь завязался бой, который длился около двух ча

Расправа козачковцев с крестьянами с Таурак. С картины самоучки крестьянина Пьяикова.

сов. Под натиском хорошо вооруженных дружинников повстанческие отряды вынуждены были отступить с Никольского перевала и занять позицию по горным отлогам возле речушки Куяги, а затем отступить на село Куяган, которое впоследствии тоже пришлось оставить. Повстанцы тогда ушли обратно на свое исходное положение, т.е. остановились возле горы Плешивой и Черного хребта урочища Гремешка.

Карательная дружина, войдя в село Куяган, занялась, конечно, поркой и расстрелами крестьян.

Пока карательная дружина чинила зверскую расправу над крестьянами села Куягана, к находящимся в урочище Гремешка повстанческими отрядам подошли еще два повстанческих отряда: один из Усть-Муты, под командой Г. Е. Вязникова, и другой Уймонский, под командой тов. Краскова. Соединившись, оба отряда равным утром повели наступление на село Куяган. Деминский, Александровский и Булатовский отряды заняли над самым селом гору Ягодную и оттуда начали штурмовать село. Уймонский и Усть-мутинский отряды начали наступать по берегу реки Песчаной. Таким образом повстанческие отряды собирались ударить по неприятелю с двух сторон. Этот план, однако, не осуществился, так как на помощь дружинникам подоспели белогвардейские карательные части под командой поручика Гордиенко. Под натиском этих хорошо вооруженных сил повстанческие отряды, неся в боях потери убитыми и ранеными, начали отступать по всему фронту.

В этих боях особенно пострадал Уймонский отряд, который под командой Краскова вел наступление на открытой незащищенной местности. На этот отряд неприятель сконцентрировал свой пулеметный огонь, благодаря которому отряд потерял 22 повстанца.

Через горы в Черно-Ануйскую волость Потерпев поражение, повстанческие отряды отступили в лесные горы, в знакомые для них уже места, в урочище Гремешку, откуда скоро Уймонский и Усть-мутинский отряды в полном составе ушли к своим селам. Остались только деминские и александровские отряды и еще кое-какие небольшие группы. Положение маловооруженных повстанцев было незавидное. Многие решили возвратиться домой, хотя знали, что это дело весьма рискованное, ибо им угрожала белогвардейская расправа.

Необходимо было принять какие-либо быстрые меры, чтобы предотвратить окончательный распад повстанчества. Командиры отрядов решили пробираться через горы в Чер-

но-ануйскую волость для соединения с действующими там повстанческими отрядами. Хотя для многих повстанцев такое решение руководящего состава очень не понравилось, так как почти все повстанцы страдали общей болезнью — нежеланием далеко уходить от своих родных сел, — но другого выхода не было и повстанческие отряды начали по горам пробираться к Черно-ануйской волости. По пути следования, возле села Демина, повстанцы встретили небольшой карательный отряд, который заставили быстро скрыться.

Путь для дальнейшего свободного следования был повстанцам открыт.

Повстанческое движение в Черно-ануйской волости особенно развернулось с приходом туда небольшого повстанческого отряда, во главе которого стоял большевик тов. Беляев. В деревне Усть-Муты, Черно-ануйской волости, тов. Беляев сформировал под командой Усть-мутского крестьянина Зыкова повстанческий отряд, с которым перешел в село Белый Ануй, где поднял крестьян и этого села на восстание. Из Белого Ануя тов. Беляев перебрасывает свой отряд в дер. Барагаш, откуда он предполагал пройти через некоторые села Черно-ануйской волости, но так как в это время происходили на казачьей линии жестокие бои между повстанцами и казачеством, то из Барагаша тов. Беляев со своим отрядом поворачивает и выходит на казачью линию. Сформированные тов. Беляевым усть-мутинские, бело-ануйские и барагашские повстанческие отряды действовали все время в пределах Черно-ануйской волости.

Как в Уймонском районе, так и в Черно-ануйской волости больших боев между повстанцами и колчаковцами не было. Происходили лишь небольшие стычки уймонских повстанческих отрядов с карательным отрядом прапорщика Кайгородова.

В Черно-ануйской же волости, до прихода со степи карательных частей полковника Хмелевского, повстанческие отряды имели небольшие стычки лишь с колчаковской милицией.

Партизан Скобелев из с Кузган. Колчаковцы солмали ему позвоночник

Но в этом райсине также оперировала, под командой Клепикова, сильная шебалинская карательная кулацкая дружина, в состав которой входила кулацкая часть дер. Тапучи и Барагаша с известным барагашским скотоводом и владельцем кожевенного завода С. И. Тырышкиным. Дружинники сожгли ту часть деревни Барагаша, где жило бедняцко-средняцкое крестьянство, из которого был сформирован повстанческий отряд.

Эти кулацкие дружинники вскоре получили подкрепление в виде карательного отряда подпоручика Бронского.

Командование эсеровскими повстанческими отрядами этого района находилось в руках крупного тауракского торговца Бадарева. Видя, что с приходом отряда Бронского обеспечены жизнь и имущество кулацкого и зажиточного населения, эсеровский главнокомандующий Бадарев распускает взятые ему эсеровские повстанческие отряды и ставится во главе кулацкой дружины. Раз таково было эсеровское руководство повстанчеством, то стоит ли удивляться, почему их отряды не оказывали никакого сопротивления карательным отрядам полковника Хмелевского, которые переходили из села в село, подавляя повстанческое движение и жестоко усмиряя повстанцев.

Такова была обстановка в Черно-ануйской волости, когда туда подошли отступившие отряды: Бело-ануйский, Барагашинский и Усть-мутский. Они остановились на вершине Усть-Муты у Белого Ануя и наблюдали за продвижением и действиями отрядов Хмелевского. Видят они, как до зубов вооруженные карательные части полковника Хмелевского, заняв село Топольное и Черный Ануй, направили в Белый Ануй 85 человек, которые без боя вступили в село и расположились в нем как у себя дома. Бело-ануйский и Барагашинский повстанческие отряды решили воспользоваться ночной темнотой, чтобы овладеть селом Белый Ануй.

Дождавшись поздней ночи, повстанческие отряды спускаются с гор и в первую очередь занимают все проходы, после чего делают внезапное нападение на село Белый Ануй, обезоруживают и уничтожают во время сна весь расположенный в селе карательный отряд. Только немногим белогвардейцам удается в ночной темноте скрыться в крестьянских огородах. С наступлением рассвета они были обнаружены крестьянами и уничтожены. Повстанцы завладели в этом бою большим количеством оружия. Они захватили две двуколки патронов и одну двуколку ручных гранат. Словом, повстанцы вооружились и обеспечили себя на первое время боевыми припасами.

Весть о победе Бело-ануйского и Барагашинского повстанческих отрядов быстро разнеслась по окрестностям

Черно-ануйской волости. К Белому Аную направился не только уцелевший от распада Усть-мутинский повстанческий отряд, но к нему потянулись и некоторые другие небольшие группы распавшихся было повстанческих отрядов. К этому же времени спустился с гор в село Белый Ануй и повстанческий отряд, действовавший во главе с т. т. Какориным и Кудрявцевым в Куяганской волости. Таким образом произошло объединение ранее действовавших в двух волостях повстанческих отрядов. Общая численность их доходила до 400 человек не более.

Полковник Хмельевский, подтянув свои силы, повел их в наступление на село Белый Ануй, чтобы покончить с повстанчеством. Но повстанческие отряды, подкрепившись за счет уничтоженного карательного отряда оружием и боевыми припасами, решили без боя не сдавать села.

Завязался упорный бой.

Белым удалось занять часть села и поджечь его.

Озлобленные зверским поступком карателей повстанцы дружной атакой, местами доходившей до рукопашной схватки, набросались на карателей и выбили их из села.

Каратели отступили в Черный Ануй.

Выбив карателей, повстанцы принялись тушить подожженные крестьянские дома. Усиливающееся пламя охватывало одну за другой крестьянские усадьбы. Удалось отстоять от пожара только лишь незначительное количество домов и построек.

Вскоре повстанцы под натиском противника вынуждены были отступить в горно-лесистое ущелье и остановиться в селе Белый Ануй у урочища Тукуш.

Уцелели только две группы повстанцев, состоявшие большей частью из бывших фронтовиков. Первая группа под руководством большевиков М. С. Шумова, И. Я. Третьяк, М. М. Акимова, И. Л. Никифорова и К. Г. Дудникова-Борисова отступила на вершину Загрехи. Вторая группа, под руководством фронтовиков-большевиков П. П. Какорина, И. И. Кудрявцева и В. М. Мунгалова - Мокина отступила в урочище Тукуш.

Адъютант 1-го полка Дудникова-Борисова К. Г.

Эти две незначительные группы повстанцев, отступившие в глубокие горные ущелья, в дальнейшем и послужили началом формирования первого и второго Горно-конных партизанских полков, затем бригады и позднее 1-й Горно-конной Алтайской партизанской дивизии.

С формированием этих боевых единиц меняется и характер борьбы бедняцко-средняцкого крестьянства с колчаковщиной.

Разрозненное повстанческое движение перерастает в грозное партизанское движение, организованное и дисциплинированное по примеру регулярной армии.

Партизан Петр Шадрин из
д. Боргаши

ФОРМИРОВАНИЕ И ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПАРТИЗАНСКИХ ПОЛКОВ

1. ПЕРВЫЙ ГОРНО-ПАРТИЗАНСКИЙ ПОЛК

Положение разбитых в боях повстанцев, которые отступили на вершину Загрехи, было самое плохое. Наступила осень. Стали перепадать холодные дожди, часто выпадал снег. Повстанцы не предполагали, что борьба затянется надолго и поэтому теплой одеждой себя не обеспечили. Пришлось строить из леса станы, чтобы можно было укрыться от дождя и снега.

Положение становилось тяжелым.

Запасы хлеба истощились, перешли на довольствие одним скотским мясом. Не было и соли. Скот для мяса брался у более зажиточных слоев крестьянства. Мясо приготавливалось в котлах, которых не хватало, и поэтому многие повстанцы нарезывали куски сырого мяса на палки и жарили его на кострах.

Кое-какое продовольствие получали мы из монастыря, который находился на вершине Загрехи. Обитательницы монастыря встретили повстанцев доброжелательно. Дело в том, что колчаковские войска, побывав несколько раз в монастыре, насильствовали монашек.

Повстанцы же строго карали каждого, кто позволял себе такие безобразия.

Должно заметить, что казачество и добровольческие карательные части вообще не церемонились в занимаемых ими деревнях Горного Алтая. Повсюду они чинили жестокую расправу над крестьянским населением, особенно зверски расправляясь с семьями повстанцев. В этой падаческой работе активную помощь казачеству и карателям оказывали кулаки и деревенское духовенство. Они составляли для карателей списки повстанцев и помогали им вылавливать семьи отступивших в горы.

Деревни, расположенные вблизи казачьей линии, каратели подвергли поголовному ограблению. Из Чарышской станицы и других казачьих поселков потянулись целые ве-

реницы казацких обозов: ехали старики, ехали женщины и подростки. Особенно разграблены были села Малый и Большой Башелаки. Под охраной вооруженных казаков погрузалось и увозилось все, что попадалось на глаза и имело ценность — хлеб, сельскохозяйственные машины, телеги, обруя, кожи, одежда и т. д. Деревню же Боровлянку, Башелакской волости, каратели сожгли до тла за то, что повстанцы этой деревни под командой т. Усова оказывали им упорное сопротивление.

После неудачных боев неустойчивые повстанцы в одиночку и мелкими группами начали сходить с гор и отдаваться в руки своих врагов. Защитники колчаковской власти хвастливо заверяли крестьян, что разбежавшиеся повстанцы будут найдены в горах до холодов, а когда наступит зима, то они сами спустятся с гор и сдадутся. Белогвардейцы распространяли слухи, что повстанческое движение везде подавлено и приглашали находившихся в горах повстанцев возвратиться домой и заняться мирным трудом, обещая, что по отношению к добровольно явившимся не будут применяться никакие репрессии.

Белогвардейцы заставляли стариков-крестьян разыскивать в горах повстанцев, передавать им «искренние» заявления и «правдивые» слухи белогвардейцев и побуждать повстанцев вернуться домой. И к нам, находящимся на вершине Загрехи, приходили эти невольные посланцы старики-крестьяне.

После получения таких заверений настроение более отсталой части повстанцев значительно ухудшилось. Вокруг разложенных костров часто возникали споры. Некоторые выражали недовольство тем, что они были втянуты в восстание, из которого ничего не вышло. Другие подсмеивались над ними.

Холодная осень и дождливая погода только содействовали усилению упадочного настроения повстанцев.

На нескольких совещаниях большевиков и командного состава с более активными товарищами из бывших фронтовиков, на которых участвовали т. т. Шумов, Дудников-Борисов, Акимов, Никифоров и др., намечались меры борьбы с упадочничеством и учитывались все недостатки повстанческого движения.

Здесь и был выдвинут вопрос об организации из всех находящихся в вершине Загрехи повстанцев одной крупной боевой единицы — полка.

Это предложение было поддержано. Мне была поручена организационная часть. Командиры по моему распоряжению собрали всех повстанцев на собрание и я, взобравшись на высокий пенек, выступил перед повстанцами с до-

кладом. Сперва я разъяснил причины поражения повстанческого движения, а затем резко обрушился на панников и упадочников, которые своими настроениями озлобляли повстанцев, не желавших сложить свое революционное оружие перед сворой колчаковцев и готовых жизнь свою отдать в борьбе за восстановление совласти в Сибири.

«Колчаковцы, — сказал я, — всеми силами стараются восстановить восточный фронт для борьбы против советской власти, против партии большевиков, алтайские повстанцы, потерпевшие временное поражение, не должны падать духом, а должны напрячь все свои силы для того, чтобы организовать более мощное повстанческое движение. Как можно скорее надо разрушить колчаковский фронт, а в особенности его тыл. Этим самым будем содействовать боевым успехам Красной армии и общими силами быстро разобьем классового врага, захватившего огромное пространство Сибири. Объединившись же с рабочими и крестьянами Центральной России мы сможем под руководством партии большевиков начать строить лучшую жизнь».

Некоторые повстанцы явно были недовольны моей речью. Послышались даже недоброжелательные реплики. Одна осталась в памяти:

«Ты, паря, хорошо поешь, но из этого вряд ли что выйдет».

На этом собрании не удалось провести решение об организации полка. Мы решили на следующий день провести второе собрание. Готовясь к этому собранию, большевики и командиры повели соответствующую предварительную агитацию среди повстанцев по вопросу о необходимости организации полка.

К этому времени повстанцы от наших разведчиков, а также от знакомых и родных получили сведения о судьбе тех повстанцев, которые, поверив обещаниям карателей, спустились с гор и вернулись домой. Их немедленно арестовали и доставили в штаб, где после допроса драли плетью и пороли шомполами до потери сознания. Когда же избытые и иссеченные приходили в чувство, их угоняли за деревню, а там шашками отрубали головы. Добровольно же сдавшихся очень часто, после изрядной порки, отправляли под конвоем в Чарышскую станицу, где обычно порка повторялась, а затем пленных выводили за станицу на лужайку, заставляли их рыть для себя могилу, после чего пленных ставили на колени возле ямы и взмахом шашки отрубали головы, а обезглавленные трупы стаскивали в яму.

Нередко пленные в течение нескольких дней применялись как рабочая сила в казачьих хозяйствах, а затем их убивали.

Эти жуткие сведения передавались от одного повстанца к другому. Они подтверждали наши указания о провокационном характере мирных предложений карателей и казачества.

На этих фактах я и решил сделать упор в своей речи на втором собрании повстанцев.

После меня выступили еще некоторые товарищи — Шумов, Дудников-Борисов и Никифоров, которые также настаивали на том, чтобы всем повстанцам сплотиться и действовать своей борьбой скорейшей победе Красной армии над колчаковской властью. Существование мелких отрядов повело бы к тому, что их легко разбили бы карательные отряды.

После некоторых споров повстанцы согласились, чтобы из всех отступивших на вершину Загрехи мелких отрядов организовать один полк. Его назвали: «Первый горнонародный полк». Слово «Народный» скоро было заменено словом «Партизанский».

Для нас не столь важно было название, как важно было объединить и не допустить распада мелких повстанческих отрядов.

Этого мы добились.

На этом же собрании выбрали из бывших фронтовиков стойкий командный состав. Произошла также разбивка повстанцев по частям. На вершине Загрехи собралось около 400 повстанцев, из которых были сформированы две роты и три эскадрона. Командиром полка избрали жителя Малого Башелака т. Ивана Никифорова, начальником штаба — жителя той же деревни, бывшего матроса, Максима Минеевича Акимова, адъютантом полка — бывшего матроса Константина Георгиевича Дудникова-Борисова. Были избраны также командиры рот и эскадронов.

2. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОЛКА В ПОХОД

Начало похода Полк организован, командный состав выбран. Надо было, немедленно ни одной минуты, начать действовать, но задерживала суровая осенняя сибирская погода.

К сибирским условиям я не был приспособлен, к тому же сдет в осеннее драповое пальто, которое никак не могло меня согреть. Я заболел лихорадкой, которая беспощадно прясла меня. Меня отвезли в одну из жилых помещений монастыря, где я без сознания пролежал несколько дней. Когда я несколько оправился от болезни, то вместе с

т. Никифоровым решил собрать совещание высшего командного состава для обсуждения плана боевых действий.

На военном совещании у нас было единодушное желание как можно скорее выйти из тех невозможных условий, в которых мы очутились. Совещание решило соответствующей предварительной работой внедрить в сознание партизанского актива необходимость выступления в поход и утром 17 сентября всем полком выйти из ущелья вершины Загрехи.

Полк был вооружен самым разнородным оружием: винтовки военного образца, берданы и охотничьи дробовики. Главная же беда заключалась в том, что к этому разнообразному оружию почти не было патронов. В наличности приходилось по 4-5 патронов на каждую винтовку. При таком вооружении следовало, конечно, на первое время уклониться от встреч с крупными силами противника.

Как бы то ни было, ранним утром 17 сентября полк выступил из вершины Загрехи по направлению к вершине Абу.

Пробраться пришлось по трудно проходимым горно-лесистым тропам.

Однако, несмотря на трудность перехода, партизанский полк выполнил с успехом свою задачу. В тот же день вечером полк занял займку богатого скотовода Золотухина, расположенную в горах, сплошь покрытых лесом. Из-под плотно оседавшего осеннего тумана виднелись обнаженные высокие скалистые вершины. На северо-запад, по направлению реки Чарыша, прорезалась, сквозная горами, узкая дорога на село Абинское, расположенное в 5-6 километрах от занимаемой нами займки.

Заняв займку, командный состав полка первым делом расставил везде посты и выслал раз'езды для охраны единственно удобного прохода к займке со стороны села Абинского. Остальные части полка расположились ночевать.

Взятие села Абинского и поселка Пономарево

На следующий день мы заняли село Абинское. От крестьян мы узнали, что их односельчане, участвовавшие в повстанческом движении и не отступившие с остальными нашими частями в Загрехи, находятся в количестве 50 человек в горах, в трех верстах от села Абинского. Постановили, чтобы я выехал к этой группе повстанцев и убедил их сойти с гор и присоединиться к нашему партизанскому полку. Хотя я чувствовал себя еще недостаточно оправившимся после перенесенной болезни, но тем не менее, с наступлением вечера, я поехал, взяв с собою ко-

машира первой роты нашего полка тов. А. А. Симушина (житель села Абинского), который знал где скрываются повстанцы.

Было очень темно, пришлось с трудом пробираться сквозь заросли по берегу Чарыша узкой, срывистой тропицей. То и дело ждешь, что лошадь оборвется. Проехав некоторое время, нам пришлось повернуть от Чарыша вправо и по незаметной для глаза тропинке мы стали подниматься в гору. Мы опасались, что повстанцы, не разобравшись, нас обстреляют. Решили остановиться. Я остался дожидаться, спутник же мой т. Симушин уехал для розыска отряда. Ждать пришлось недолго. Через три четверти часа т. Симушин возвратился ко мне в сопровождении ссыльного повстанца. После этого мы поехали к отряду. Повстанцы засыпали нас вопросами. Видно было, что они сомневаются в дальнейших успехах борьбы и относятся к нам недоверчиво. Два часа длились наши переговоры. В конце концов они согласились с нами. На следующее утро они спустились с гор и присоединились к нашему партизанскому полку.

Силы наши росли.

Кроме абинцев со своим небольшим повстанческим отрядом человек в 20 пришел к нам и Николай Семенович Усов. Добровольно влились в полк несколько крестьян самого села Абы, не принимавших ранее участия в повстанческом движении.

Так, первый партизанский полк по пути своего продвижения пополнял свой состав. Вместе с увеличением состава поднималось и настроение среди партизан. Росла вера в победу.

Во время нашей стоянки на заимке и в селе Абе партизаны успели завязать сношения с крестьянами ближайших поселков и поэтому полк был обеспечен в достаточном количестве печеным хлебом. Некоторые партизаны добыли крепкую верхнюю одежду. Они позаботились также обо мне.

Из Абы полк выступил, взяв направление на поселок Пономарево. На вершине седла Прямодорожный полк встретился с повстанческим отрядом численностью в 60 человек, под командой т. Бунькова бродившим возле своих деревень. Этот отряд состоял из солонешенских и тележинских крестьян. В отряде имелись 25 винтовок и некоторый запас патронов. Для общего дела борьбы с колчаковцами было важно, чтобы отряд Бунькова присоединился к нам. Но когда же мы вступили с руководителями отряда по этому вопросу в переговоры, то натолкнулись на отказ. Мотивы отказа сводились к тому, что участники его не желают от-

ходить далеко от своих деревень. Ясно, что такой ничтожный по численности отряд будет неизбежно разбит при первом же столкновении с колчаковцами. Для нас, к тому же, создавалась опасность, что 25 винтовок попадут в руки карателей. Мы решили во что бы то ни стало убедить отряд присоединиться, в случае окончательного несогласия отряд обезоружить. Однако, после возобновленных переговоров отряд присоединился к нам.

Наконец наступило время боевого крещения. Полк повел наступление на поселок Пономарево, занятое казаками, численностью в 250 бойцов. После трехчасового боя 19 сентября противник вынужден был оставить Пономарево. Мы захватили 10 пленных с винтовками.

Неосуществленный план похода на соединение с партизанской армией Мамонтова

После занятия поселка Пономарево я поставил на обсуждение штаба вопрос о походе нашего полка через Казачью линию для соединения с партизанскими частями Мамонтова. Но мое предложение вначале встретило некоторое сопротивление со стороны командного состава полка, и не только

рядовые партизаны не желали уходить далеко от своих деревень, но этим местническим настроением был заражен и командный состав полка во главе с его командиром тов. Никифоровым. В течение нескольких часов я доказывал целесообразность соединения, убеждая, что силами одного плохо вооруженного партизанского полка трудно оказывать сопротивление крупным и хорошо вооруженным силам. Наконец, командный состав согласился с моим предложением. Оставалось только агитировать рядовых партизан. Заранее можно было быть уверенным, что с их стороны будет оказано еще большее сопротивление моему плану. Я объехал с тов. Никифоровым части партизанского полка и провел ряд собраний. Хотя и с большим трудом, но мне все-таки удалось убедить рядовых партизан в целесообразности моего плана и доказать, что после соединения с партизанскими частями Мамонтова легко будет вырвать из рук колчаковцев и те деревни, в которых партизаны оставили свои семьи и свои хозяйства.

Партизаны согласились с моими доводами. Правда, отдельные партизаны продолжали возражать, но это обстоятельство нас уже особенно не смущало. Мы решили отнять у них винтовки, если они будут продолжать упорствовать, а план соединения с Мамонтовым осуществить во что бы то ни стало.

Последней ночью возвращались мы в штаб полка. Чувст-

вовалась сильная усталость. Трудно было собраться с мыслями. Голова отказывалась работать. Требовался небольшой отдых. Время, однако, не ждало. Надо было действовать немедленно: разработать план передвижения и наметить время выступления.

Когда же мы приступили к разработке плана, то выяснилось, что командир полка Никифоров и начальник штаба Акимов возражали все-таки против того, чтобы двинуть полк на соединение с партизанскими частями¹. Делать нечего. Надо было немедленно же найти другой выход из создавшегося положения, ибо мы вполне отчетливо понимали, что в Пономарево нельзя будет долго держаться, что неприятель нас неминуемо вытеснит из поселка и полк рассеется тогда по горам. Произойдет не только окончательный распад полка, но и провал всего так хорошо начавшегося повстанческого движения.

На соединение с черно-ануйскими партизанами Большую поддержку могли оказать нам те разрозненные повстанческие отряды, которые находились в Черно-ануйском районе. Мы решили двинуться туда. Мы понимали, что мелкие черно-ануйские отряды окажут нам действительную помощь лишь в том случае, если сами в свою очередь, по нашему примеру, объединятся в одну цельную боевую единицу. Выполнение этой задачи мы возложили на двух надежных товарищей — Шумова и Боровикова, которые и выехали в Черный Ануй еще до того, как весь полк тронулся в путь.

Тем временем мы получили известие, что в нескольких километрах от поселка Пономарево на большой горе Фуфалке скрывается небольшой повстанческий отряд из Ягушкина. Узнав об этом, я отправился к Ягушкину для переговоров. Его небольшой отряд, состоявший из баццельских крестьян, скрывался в пихтаче, среди больших камней, которые как бы служили природной крепостью. Эти же камни хорошо защищали партизан от холодного ветра. За станом тянулась довольно обширная ровная площадка.

¹ Мамонтов командовал повстанческо-партизанской Красной армией Алтая. Эти части занимали большую территорию (Барнаульский, Саяногорский, Рубцовский и Бийский уезды) и служили единственной угрозой ближайшему колычковскому тылу. Третьяк вполне правильно поступал, когда считал необходимым соединиться с Мамонтовым, ибо тогда значительно облегчалась бы борьба партизан на участке наиболее ответственном в ближайшем тылу врага.

Вокруг разложенного костра сидели повстанцы. По сторонам костра лежали седла, которые во время сна служили для повстанцев подушками. Там же стояло и несколько винтовок. Настроение повстанцев было подавленное. С недоверием они вначале отнеслись к моему сообщению, что из всех мелких повстанческих отрядов сформирован один партизанский полк, который выбил казаков из поселка Пономарево и сам расположился в этом поселке.

В конце концов весь отряд, во главе с тов. Ягушкиным, спустился с горы и присоединился к полку. Таким образом наше вооружение увеличилось на 13 винтовок. В то время и такой сравнительно небольшой прирост вооружения имел уже для нас громадное значение.

От товарищей, уехавших в Черно-ануйский район, мы вскоре получили известие, что из мелких повстанческих отрядов, находящихся в урочище Тукуш, сформирован 2-й Горно-партизанский полк. Дальше в донесении сообщалось, что на деревню Белый Ануя наступает полковник Хмельевский и что для подкрепления партизан необходимо выслать одну роту с пиками и один взвод, вооруженный винтовками.

Мы немедленно составили командный состав полка на совещание по вопросу о передвижении нашего полка в район Черного Ануя для соединения со 2-м партизанским полком. В первую очередь мы отправили часть во главе со смелым командиром тов. Симушиным на подкрепление 2-го партизанского полка, затем организовали выступление всего партизанского полка из поселка Пономарево. Перед выступлением к полку добровольно присоединились несколько пономаревских крестьян. Когда полк выступил из поселка, все население, несмотря на холодную осеннюю погоду, вышло на улицу и со слезами на глазах провожало нас.

Через четыре часа, поздним вечером, полк остановился на ночевку в большой горной деревне Тележиха. Там же не оказалось никаких сил противника.

В Тележихе добровольно пожелало вступить в полк человек 40.

В 10 часов утра полк пошел по направлению хутора Колбино.

По мере удаления от своих деревень многие партизаны стали выражать недовольство. Когда полк прошел Колбиновский хутор и вышел за покотину, партизаны, ехавшие впереди, внезапно остановились. Следом за ними остановились все части полка. Ко мне под'ехал командир полка Никифоров, который спросил: «Что делать, тов. Третьяк, — партизаны полка отказываются уходить от своих деревень?»

Положение осложнялось.

Вместе с командиром я под'ехал к передним частям полка. Не слезая с лошади, я начал спрашивать о причине не-

желания двигаться вперед. На это партизаны стали отвечать: «Мы бросили свои деревни и идем защищать чужие». Я стал им доказывать, что наличными силами и нашим незначительным вооружением нельзя защищать никаких деревень. Для того, чтобы защитить деревни, требуется собрать крупные партизанские силы, организовать их и вооружить. Поэтому нужно соединиться со сформированным вторым партизанским полком. После будет видно, куда следует направить свои силы.

«Ну, так что же, до деревни Топольной пойдем, а там посмотрим» — ответили партизаны.

Вооруженные части двинулись вперед. За ними пошли и невооруженные — с одними пиками.

Полк постепенно двигался вверх по реке Ануто. К четырем часам вечера части партизанского полка начали приближаться к деревне Топольной, лежавшей по Уймонскому тракту. Наша разведка донесла, что деревня свободна от противника. Полк на ночевку зашел в деревню. Были выставлены посты и раз'езды.

Тополенские кержаки

Старообрядческое население деревни Топольной, насчитывавшей до 600 домов, почти никакого участия в партизанском движении не принимало. Казачество и карательные части, зная благонадежность кержацкого населения деревни Топольной, в редких случаях заходили в самую деревню. Каратели считали беспокойными лишь соседние деревни: Белый Ануй и Барагаш. Обе эти деревни карателями были сожжены. Кержаки оказывали карателям всевозможную поддержку. Поэтому появление партизанского полка в деревне было для них не только неожиданным явлением, но и нежелательным. Это показало общесельское собрание, на котором мы призывали население присоединиться к партизанскому полку и оказать помощь нашему движению. Тополенские кержаки сомневались в успехе движения партизан, слабо вооруженных.

Мне пришлось в заключение собрания выступить и указать, что положение не позволяет сидеть спокойно, сложа руки.

«Если вы сегодня не присоединитесь к нам, — сказал я, — то завтра же вы будете использованы противником против нас. Вы сегодня же должны решить с кем пойдете: с восставшими крестьянами, к которым сами принадлежите, или же вместе с колчаковцами, против восставших крестьян».

В конце собрания топольские кержаки все же дали свое

согласие на присоединение к партизанскому полку. Они заверили, что подготовятся за ночь и завтра же выступят с партизанским полком. Мы их ждали к девяти часам утра.

Нависшие над большими каменными горами темносерые облака предвещали холодную ночь. Липкая грязь постепенно начинала сжиматься и становиться твердой. Деревья быстро попружалась в ночную тьму.

Как только начало рассветать, командный состав уже был на ногах и руководил подготовкой к выступлению партизанского полка из деревни Топольной. К девяти часам утра части партизанского полка начинали подходить к назначенному пункту. Топольские старообрядцы-кержаки, конечно, не сдержали своего слова. Они только ожидали скорейшего ухода партизан из деревни. В десять часов части партизанского полка выступили из деревни Топольной по тракту и взяли направление на Черный Ануя.

Проступок топольских кержаков действовал разлагающе на некоторые части партизанского полка. Придя с версту от деревни, они остановились и заявили командру полка, что дальше не пойдут. Мне вновь пришлось выступить и доказывать, что соединение со вторым партизанским полком мы должны осуществить сегодня же, что другого пути для нас нет и быть не должно, что только тогда мы будем иметь силу для дальнейшей борьбы с противником. Большого упорства я не встретил, были только отдельные заявления, в роде: мы бросили свои деревни и идем неизвестно куда.

Остальные партизаны, сидя на лошадях, спокойно меня выслушали, после чего заявили свое согласие идти до Черного Ануя.

Штаб решил выделить один взвод партизан, которому поручил немедленно вернуться в деревню Топольное и произвести там мобилизацию всего мужского населения, пригодного владеть оружием. Этой мобилизацией мы рассчитывали предупредить вооруженное восстание топольцев в нашем тылу. Мобилизацию кержаков мы возложили на обязанность командира 1-го эскадрона т. Колесникова Ковалевтина (крестьянин Малого Башцелака, фронтовик). Колесников блестяще выполнил порученное ему дело. В тот же день он мобилизовал 300 топольских кержаков, среди которых, в виду спешно проводимой мобилизации, попали так же старики — старше 45 лет и малолетние — младше 18 лет. Пришлось поэтому негодных для строевых частей, которых оказалось около 60 человек, отобрать и распустить обратно по домам.

Остальных распределили по частям 1-го партизанского полка.

Вступление в К трем часам дня головные части полка **Черный Ануй** приблизились к деревне **Черный Ануй**. Наша полковая разведка донесла, что деревня **Черный Ануй** занята частями 2-го партизанского полка. Мы сейчас же предложили своей разведке предупредить командный состав 2-го полка о нашем приближении.

Состояние частей 1-го партизанского полка при вступлении в деревню **Черный Ануй** было приподнятое. Радостно нас встретили и приветствовали партизаны 2-го партизанского полка. Большой под'ем охватил не только партизан обоих полков. Все население **Черного Ануя** радовалось и торжествовало.

3. В ГОРНОМ АЛТАЕ

В неприятельском окружении В периоде формирования партизанских полков не дремали и колчаковцы; они начали стягивать свои силы и группировать их в важнейших пунктах **Горного Алтая**.

Партизанские полки, занявшие деревню **Черный Ануй**, находились, по существу, в неприятельском кольце. Через весь **Горный Алтай** проходила казачья линия. Казачьи силы, кроме того, были расположены во всех больших деревнях, находившихся вблизи казачьей линии. Основное ядро этих сил составляло местное казачество и кулаки. В районе орудовал также вызванный из **Усть-Каменогорска** казачий полк и бесчинствовали добровольческие карательные отряды. Особенно выделялся своим зверством отряд поручика **Серебряникова**.

Большие неприятельские части были расположены и на противоположной стороне **Горного Алтая**, там именно, где проходил знаменитый **Чуйский тракт**.

Политическая важность этого тракта ясна: это кратчайший путь, связывающий **Западную Сибирь** с **Монголией**. Колчаковцы это учитывали. В случае поражения они хотели использовать тракт для отступления в **Монголию**. Поэтому по всему **Чуйскому тракту** были расположены крупные белогвардейские силы, во главе которых стояли: полковник **Хмелевский**, комендант **Алтайского района** капитан **Федорович**, его помощник поручик **Старов**, поручик **Гордиенко** и прапорщик **Кайгородов**. Позже прибыл и полковник **Елачич**.

Помимо регулярных частей, к ним примыкали крупные добровольческие дружины, сформированные кулачеством по

большим деревням на Чуйском тракте. Из всех этих добровольческих дружин особенно отличалась своим зверством «Алтайская дружина», во главе которой стояли ярый каратель урядник Кирьянов и некий Маткевич (кличка «Барич»), сын военного врача. Добровольческими дружинами замучены и расстреляны не один десяток товарищей за большевизм и за содействие партизанскому движению. Население деревень Таурака, Куягана, Демино никогда не забудет зверских действий этих палаческих отрядов.

Ойротская националистическая контрреволюция Большую роль в подавлении партизанского движения в Горном Алтае играла контрреволюционная Каракорумская земская управа, центр которой находился в большой деревне Улале (в настоящее время Ойрот-Тура — центр Ойротской автономной области). В самой Улале, при непосредственном участии членов Каракорумской земской управы, производились порки и расстрелы уличенных в партизанском движении и подозреваемых в большевизме и вообще каждого, кто чем-либо позволил себе выразить свое сочувствие советской власти.

Члены Каракорумской земской управы: Манеев, Донец, Берзин, Скорик, Сары-Сэп-Конзычаков с их председателем доктором Тибер-Петровым, под лицемерной маской национального освобождения алтайцев, проводили контрреволюционную политику. Они широко вели контрреволюционную националистическую пропаганду среди отсталого ойротского населения Горного Алтая. Заправили и вдохновители этого контрреволюционного дела сгруппировали вокруг себя всю высшую торгово-байскую ойротскую знать (Аргамай-Кульджин, Тобоков, Тужлей, Чендаков и много др.). Усердную помощь оказывали им «проповедники христовой веры» в лице миссионера Борисова, Сорокина, Тошукова и ряда других. Все эти разжигатели националистической борьбы среди ойротского населения проводили работу под контрреволюционным лозунгом: «Алтай должен быть для алтайцев». Под этим лозунгом они вербовали алтайцев и формировали из них добровольческие туземные дивизионы. Под командованием колчаковского офицерства эти дивизионы направлялись на подавление партизанского движения в Горном Алтае. Алтайским «патриотам» помогали осевшие в Горном Алтае кучки русских купцов, как-то: в Онгудае — Варвинские, в Шебалине — Поповы, в Алтайске — Драчев, Смирнов и другие. Впоследствии большинство из них бежало в Монголию.

Эсеровская авантюра Одновременно с этими алтайскими контрреволюционерами в Черно-ануйском районе и на Уймоне активно работала другая контрреволюционная группировка — эсеровская, во главе которой стояли приехавшие в Горный Алтай видные члены сибирской эсеровской организации.

Задолго до прихода партизан в Черный Ануй эта группа эсеров, во главе которой стоял некий Зубарев, вела контрреволюционную работу среди действовавших в этих районах мелких повстанческих отрядах, стараясь подчинить их своему влиянию, чтобы направить повстанческое движение на борьбу за созыв Учредительного собрания¹.

5 сентября 1919 г. эсеры открыли в Черном Ануе с'езд, на котором, по их сведениям, будто бы прибыли делегаты от 136 сел и 78 отрядов. Умалчивают эсеры только о том, что на с'езде главным образом присутствовали интеллигенты, торговцы и зажиточные крестьяне. Правда, чтобы придать с'езду видимость «народного» и «демократического», эсеры постарались, чтобы в числе делегатов находились и некоторые рядовые крестьяне — середняки. Эти середняки, вообще плохо разбиравшиеся в политике и в политических группировках, не могли, конечно, оказать какое-либо существенное влияние на работах с'езда. Да они и не пытались влиять. Впрочем, основная политическая резолюция прошла при 24 воздержавшихся. Очевидно, эта эсеровская резолюция не соответствовала политическим настроениям некоторой части делегатов с'езда, вероятно, середнякам и беднякам, если только каким-нибудь чудом и бедняки затесались среди делегатов с'езда. А эта резолюция, вынесенная по докладу Зубарева «О задачах и целях повстанческого движения», указывала, что повстанцы Алтая никому никакой власти навязать не хотят, а считают необходимым созвать Земский собор или Учредительное собрание,

¹ Эсеры и меньшевики своей контрреволюционной деятельностью помогли Колчаку захватить власть в Сибири. Когда же Колчак укрепился и открыто взял линию на восстановление самодержавия, то не большая часть эсеров, так назыв. учредильцы, встала в оппозицию к Колчаку. Чувствуя, что под натиском Красной армии, восстаний сибирских рабочих и партизанского движения колчаковщина будет свергнута в Сибири, немногочисленные сибирские эсеры-учредильцы старались обеспечить себе силу, которую они могли бы противопоставить большевикам, когда колчаковщина будет свергнута. Для этой цели эсеры примазались к повстанческому движению, которое они, по существу, имели намерение направить не против Колчака, а против большевиков. На этой контрреволюционной деятельности эсеров автор более подробно останавливается в следующей главе своей книги.

которые и установят необходимую власть. Резолюция представляет как колчаковской власти, так и большевикам ультимативное требование о сложении оружия.

Для объединения всех действовавших на Алтае повстанческих отрядов и для руководства их боевыми действиями, с'езд избрал «Главный военный штаб». В состав главного штаба, как и в другие избранные на этом с'езде органы, как, например, военно-полевой суд, вошли исключительно эсеры, а среди них находились: поручик, крупный торговец, зажиточный крестьянин и т. п. «народолюбцы».

Такова в общих чертах была политическая обстановка Горного Алтая осенью 1919 г.

Военное заседание Когда мы 23 сентября 1919 г. вошли в Черный Ануй, то встретили там несколько эсеров — членов главного военного штаба. От них-то мы впервые и узнали, что их повстанческие отряды ведут борьбу за созыв Учредительного собрания. Наши же партизанские полки, как известно, боролись за восстановление в Сибири советской власти.

Все указывало на то, что черно-ануйские и уймонские большевики плохо разбираются в политической обстановке и что у них нет последовательной большевистской выдержанности, раз они допустили, чтобы эсеры — эти непримиримые враги советской власти — заняли в повстанческом движении столь влиятельное положение и даже играли руководящую роль.

Не было также сомнения, что эсеры постараются повести агитацию среди наших партизанских частей, чтобы разложить их. Надо было поэтому немедленно разоблачить этих эсеров-авантюристов.

Мы устроили узкое совещание командного состава обоих партизанских полков, на котором и порешили созвать объединенное военное заседание, чтобы продемонстрировать перед эсерами существующее среди партизан единодушие в политических взглядах и мыслях и чтобы показать им, что будем сметать каждого, кто попытается даже только помешать нам на нашем пути борьбы за восстановление советской власти.

На обсуждении поставлены были три вопроса:

1) О значении великой борьбы, которую ведет Красная армия рабочих и крестьян центральной России, и роль партизанского движения в Сибири.

2) Военная дисциплина среди партизанских частей.

3) Руководство партизанскими полками и дальнейшие их действия.

По первому вопросу я выступил докладчиком. Я охарактеризовал значение той великой борьбы, которую, под руководством партии большевиков, Красная армия, рабочие и бедняцко-средняцкое крестьянство ведут против мировых империалистов, против банкиров, фабрикантов, помещиков и их пособников.

«Этой своре, — сказал я, — удалось бежать от рук рабочих и крестьян центральной России в Сибирь, где они временно укрепились при помощи международной буржуазии. Здесь они группируют все контрреволюционные силы для подавления русской революции и таким путем думают обратно завладеть богатствами страны, перешедшими в руки рабочих. Чтоб не допустить этого, партизанское движение в Сибири должно расстроить все планы контрреволюции. Для этого нужно организовать в боевые партизанские части, которые были бы способны наносить удар за ударом противнику в тылу. Разрушая тыл противника, мы будем ослаблять его фронт и тем самым поможем Красной армии, а также рабочим и крестьянам центральной России вскоре одержать победу над врагами».

После меня выступал тов. В. Зырянов, который указал, что наше партизанское движение должно всецело быть направлено на борьбу за советскую власть, а для того, чтобы успешно вести эту борьбу, необходимо партизанское движение поставить на твердые рельсы.

Затем выступил В. Н. Кудрявцев, а за ним Мунгалов-Мокин и ряд других товарищей.

Во всех этих выступлениях красной нитью проходила единая мысль:

«Борьба за восстановление советской власти в Сибири — вот задача партизанского движения.»

Член штаба 1-й дивизии Вязников Г. Е.

Наши противники из эсеровского штаба, в лице Казанцева и других, шипели по углам.

Заметив нашу твердую линию и полное единодушие по этому вопросу, они не выступили. Они окончательно растерялись столь неожиданным оборотом дела.

По вопросу о военной дисциплине все выступавшие отмечали, что в рядах партизан находятся еще люди, которые занимаются пьянством, грабежом и т. п. Такими поступками они вносят дезорганизацию среди партизанских частей и

Начальник штаба 1-й
дивизии Зырянов В. С.

Эти же комиссии должны вообще разбирать любое дело контрреволюционных элементов.

По вопросу о руководстве партизанскими полками участники военного заседания выдвинули вопрос об избрании штаба бригады. После обсуждения кандидатур были выдвинуты и избраны следующие товарищи: Иван Яковлевич Третьяк — командир бригады, Владимир Степанович Зырянов — начальник штаба бригады, Молофей Семенович Шумов и Гавриил Ефимович Вязников — члены штаба бригады, а адъютантом штаба бригады избран Василий Никонорович Кудрявцев.

По этому вопросу выступили также и эсеровские генштабисты А. Н. Казанцев, Побединский (начальник главного эсеровского штаба) и еще кое-кто. Они считали целесообразным, чтобы избранный штаб бригады в военно-стратегических вопросах подчинялся «главному штабу», они пытались, таким образом, поставить наши два партизанских полка под идейное влияние эсеровского «главного военного штаба», выбросившего лозунг «Учредительное собрание». В этих своих притязаниях эсеры получили столь резкий отпор от руководящего состава партизанских полков, что прикусили язычки.

Как только приступили к обсуждению вопроса о дальнейших действиях партизанских полков, нам сообщили, что с Уймаона прибыл один из командиров уймаонских отрядов, тов. Красков. Его пригласили на наше военное заседание и

ослабляют борьбу партизанского движения против колачаковщины. Они отталкивают от партизан все население, а без поддержки населения партизанские части не в состоянии будут вести успешную борьбу против врагов рабочих и крестьян. Пьяницы, грабители, охальники — наши враги. С такими партизанами должна вестись беспощадная борьба вплоть до применения расстрела. Командирам частей военное заседание предложило создать «Полковые следственные комиссии», возложив на них обязанности следствия и предания военному суду тех партизан, которые дезорганизуют дисциплину в полках.

он информировал нас о положении уймонских повстанческих отрядов. Красков заявил, что уймонские повстанческие отряды потеряли связь со всем остальным повстанческим движением Горного Алтая. Они предполагают, что остались одни, что все повстанческое движение подавлено колчаковщиной. Прапорщик Кайгородов неистовствует и теснит уймонские повстанческие отряды. Если им немедленно не придут на помощь, то в ближайшие дни они уже не в силах будут отражать наступление отряда прапорщика Кайгородова.

Красков сообщил также, что уймонские повстанцы поголовно вооружены охотничьими ружьями и что у них имеется достаточное количество пороха, капсулей и т. д.

После незначительных прений решили пойти на соединение с уймонскими отрядами.

На этом было закрыто военное заседание.

Бой у села Усть-Кана Прежде чем повести партизанские полки на соединение с уймонскими отрядами, мы считали необходимым проделать среди партизан разъяснительную работу, чтобы доказать им необходимость этого соединения. Поэтому во время стоянки партизанских полков в селе Черный Ануй были проведены полковые партизанские собрания, на которых мы разъясняли решения военного заседания. Особенно мы выпячивали вопрос о военной дисциплине.

Только после такой разъяснительной работы 26 сентября командирам полков дано было распоряжение выступить из Черного Ануя: 2-му полку было предложено занять село Белый Ануй.

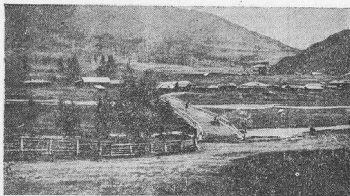
Численность партизанских полков за время стоянки, как в Черном ануе, так и в двух выше названных селах значительно увеличилась за счет мелких повстанческих отрядов, присоединившихся к сформированным полкам, а также за счет добровольцев-крестьян. Вообще, если до сей поры многие крестьяне, не веря в боеспособность мелких повстанческих отрядов, воздерживались от присоединения к нам, то теперь, как только мы организовали крупную силу в лице двух партизанских полков, среди крестьян начался резкий поворот в нашу сторону. К моменту выступления из занятых нами сел численность обоих полков дошла уже до двух с чем-то тысяч бойцов. Увеличилось также и наше вооружение.

Пробыв несколько дней в занятых селах, полки повели дальнейшее передвижение. Командиры полков рассылали по горным ущельям групповые разведки. Они должны были

хорошо разузнавать расположение или передвижение белогвардейских частей и обо всем немедленно ставить в известность своих командиров. Благодаря хорошо налаженной разведке мы своевременно узнали, что в селе Усть-Кане, которое лежит на пути нашего продвижения, находятся казачьи и каракурумские части общей численностью до 700 человек, под командой хорунжего Михайлова и поручика Жучкина.

Штаб бригады сейчас же разработал подробный план наступления на Усть-Кан, ибо другого удобного пути для прохода на Уймон не было.

1 октября, в 8 часов вечера, штаб бригады отдал командирам полков распоряжение повести наступление на противника. Наступление велось по двум направлениям. 2-й полк выступил из Усть-муты по Уймонскому тракту к поселку Килей. Не доходя верст 5 до села Усть-Кана, в лесу, возле Камеяного седла, полк должен был связаться с первым полком, который, выступив из Белого Ануя, шел левой Уймонского тракта, логом, через урочище Яканур и Килейский перевал на речку Кан. Наступление должно было вестись с таким расчетом, чтобы к селу Усть-Кан одновременно подойти к рассвету с двух сторон и захватить у неприятеля главные пути отступления. Расстояние пути, по которому пошли полки: от Белого Ануя до Усть-Кана 35 верст, а от Усть-Муты до Усть-Кана 32 версты.

Село Усть-Кан. Место боя.

Темной осенней холодной ночью, когда кругом все спало крепким глубоким сном и по глубоким горным ущельям стояла мертвая тишина, между огромных гор, осторожно, стараясь не нарушать ночной тишины, пробирались части за частью партизанские полки. Они двигались в наступление на врага, засевшего в Усть-Кане и пытавшегося помешать объединению партизанских полков с уймонскими отрядами. Этим наступлением партизаны должны были очистить себе путь для этого объединения.

Штаб бригады двигался вместе с 1-м полком.

Во время наступления я вместе с командиром первого полка тов. Никифоровым и несколькими партизанами уехал на место остановки 2-го полка для ознакомления с обстановкой.

Полки отстояли друг от друга на расстоянии не более четырех верст. Мы быстро достигли места остановки 2-го полка, но вместо полка мы застали только обоз и нестроевую часть полка. Сам же полк во главе со своим командиром тов. Кожориным пошел по ранее намеченному направлению, через горно-лесистую местность, в наступление, не дожидаясь связи с 1-м полком.

Мы повернули лошадей и быстро помчались к месту оставленных нами частей 1-го полка.

Приближался рассвет. Впереди бурлили и монотонно напевали горные речки, несущиеся по скалистым камням.

Возвратившись в части 1-го полка, командир его, тов. Нивифоров, немедленно отдал приказ о наступлении.

К рассвету, когда с востока лучи солнца только начинали освещать верхушки гор, партизанские полки, под шум горных рек Кана и Чарыша, начали кольцом обходить село Усть-Кан.

Неприятельский наблюдательный пост заметил это передвижение и дал по селу тревогу. Казачьи и каракорумские части засуетились. Началась перестрелка. Казаки, видя, что они находятся в кольце, спешно начали отступать вниз по реке Чарыш, где наткнулись на установленные засады 2-го партизанского полка.

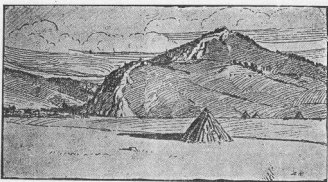
После непродолжительной перестрелки, казаки, оставив несколько человек убитыми и ранеными, прорвались через наши засады и ушли вниз по Чарышу — на Тюдралу.

Каракорумские же части оставили до 60 человек убитыми и разбежались по горам.

Со стороны партизан было только 3 раненых.

Таким путем утром 2-го октября партизанские полки с боем заняли село Усть-Кан.

Нам досталось около 80 винтовок и небольшое количество патронов. Это была первая организованная победа пар-

Урочище Кырмак. Место боя 1-го и 2-го полков.

тизан над своим врагом. Эта победа приободрила всех нас.

После занятия села Усть-Кан к нам начали прибывать из разных мест Алтая скрывавшиеся в горах мелкие группы повстанцев. Вместе с одной такой небольшой группой в село Усть-Кан прибыл и тов. Дмитрий Ильич Ряполов.

Здесь же мы получали сведения, что до нашего прихода из Усть-Кана, по тракту на Уймон, ушел карательный отряд.

Ойроты-бедняки нас приветствуют На другие сутки днем партизанские полки, после проведенного на площади митинга, выступили по тракту на Уймон. К вечеру передовые части, пройдя от села Усть-Кана 25 верстный путь, приблизились к стоящему под перевалом урочищу Кырмак. Вдали, видим, идет нам навстречу небольшая группа людей, человек, этак, с 35. У одного, идущего впереди группы, в руках длинный шест, на который навязана красная лента. Оказалось, что жители алтайских горных ущелий ойроты (алтайцы) вышли приветствовать идущие партизанские полки.

В связи с приближением вечера партизанские полки должны были, не доходя до перевала, остановиться в урочище Кырмак, возле самой волости, на ночевку.

Расставив усиленные посты и отпустив на подножный корм лошадей, партизаны расположились на отдых под от-

крытым небом. Быстро появились костры, партизаны стали готовить себе ужин.

Воспользовавшись остановкой, я при помощи переводчика тов. Боровикова провел беседу с той группой алтайцев, которая так радостно и приветливо встречала нас с красным флагом. Я им разъяснил цели и задачи партизанского восстания.

Ойроты рассказали, как колчаковцы запугивают их партизанским движением. Часть населения, поддавшись провокации колчаковцев, уехала в горные местности, чтобы укрыться от партизан.

Стало очевидным, что колчаковцы и Каракурумская земская управа работали заодно и употребляли все меры для того, чтобы обострить национальную ненависть ойрот против русских, чтобы привлечь ойротов на свою сторону. Надо сказать, что до некоторой степени это им удалось, ибо на ряду с русскими белогвардейскими частями по всему Алтаю действовали против партизан и ойротские вооруженные части.

Вся эта ойротская группа после нашей беседы заявила о своем добровольном желании вступить в партизанские части. Мы сейчас же выделили из этой группы двух человек, хорошо их проинструктировали и направили для разъяснительной работы в те горные места, где живут ойроты. Мы сказали этим насех подготовленным ойротским инструкторам, чтобы они разъяснили каждому встречному и поперечному ойроту, что партизаны действуют под одним организованным руководством и что самым суровым образом наказываются те партизаны, которые своими действиями задевают интересы ойротского населения. Пусть все ойроты без всякой опаски возвращаются на свои прежние местожительства.

Со стороны партизан их тревожить никто не станет, если только сами ойроты не будут принимать никакого участия на стороне белых.

**Объединение
с Уймонским
повстанческим
отрядом**

После ночной остановки партизаны выступили из Кырлыка в дальнейший путь. 1-му полку было дано направление: через седло у подошвы скалистой каменной горы спуститься к Сугашинскому логу, по которому вести наступление на пос. Сугаш. Этим логом именно и проходила дорога с Чуйского тракта на поселок Сугаш.

2-й же полк выступил в дальнейшее наступление по Уймонскому тракту.

Мы имели в виду, что если перед нашим наступлением на Усть-Кан действительно ушел по тракту карательный отряд, то мы, заняв своими частями намеченные проходы, будем гнать карательный отряд на Уймон, где его несомненно встретят уймонские повстанцы. Других проходов для отступления карательного отряда не было.

Вскоре штаб бригады получил донесение, что замечен противник, рассыпавшийся в цепь и двигающийся нам навстречу.

Нужно было немедленно принять все меры предосторожности. С одной стороны, можно было полагать, что это тот же карательный отряд, который ушел раньше нас на Уймон. С другой стороны, надо было опасаться, как бы не открыть перестрелки с уймонскими повстанческими отрядами. Поэтому было дано распоряжение командирам 1-го и 2-го полков, Нивинфорову и Какорину, не открывать огня до тех пор, пока не будет выяснено, какие части занимают позицию.

Впоследствии выяснилось, что несколько расположенных в поселке Шугаш уймонских повстанческих групп стояли на страже для защиты этих проходов от тех именно колчаковцев, против которых вели наступление, и наши партизанские полки. Наша предусмотрительность спасла нас от пролития братской крови. Уймонцы уже рассыпались было свои отряды в цепь, чтобы вступить в бой с врагом, но как только они заметили наши красные знамена, то догадались, что на них «наступают» свои. Однако, сразу поверить нельзя было. Нередко, ведь, случалось, что колчаковские бандиты для обмана партизан прикрывались красным флагом. Для точной проверки уймонцы выслали несколько человек к нам навстречу. Пока эти высланные повстанцы успели установить связь с нашими наступающими частями, отдельная небольшая группа уймонцев, несмотря на все принятые меры предосторожности, все же обстреляла наши части. С нашей стороны было отдано распоряжение по цепи не открывать перестрелки, так как впереди находятся уймонские отряды.

2-му полку удалось установить связь с уймонцами без всяких выстрелов.

Проехав версты 4-5 между гор, мы поднялись на самый перевал и стали круто спускаться вниз. Через некоторое время мы выехали в величественную по своей природной красоте местность: начиналась открытая, довольно обширная, ровная долина, соединяющая два прохода, по которым с гор спускались наши партизанские полки. С одной стороны этой долины, на юго-восток, виднелся расположенный возле горы поселок Сугаш, мимо которого быстро мча-

лась с гор речка Сугаш. С другой же стороны, на юго-запад, расположился по вершине реки Абай ойротский аул с тремя десятками юрт. Через широкую Абинскую степь виднелись высокие Тигирекские и Теректинские хребты, на вершинах которых белели куполы вечных снегов.

На этой ровной, сказочной по своей красоте долине выстроились вдоль гор для взаимного приветствия партизанские и повстанческие части. На одной стороне стояло более двух тысяч наших партизан, а на другой — шестьсот уймонских повстанцев, сидевших верхом на лошадях.

Объединение разрозненных частей настолько повлияло на самих партизан, что у многих от радости на глазах выступили слезы. Они прониклись сознанием, что действовать успешно против врагом можно только объединенными и организованными силами, а не мелкими отрядами. Объединение влило в партизан веру в свои силы.

От уймонцев выступил с речью эсер Арбузов.

Я со своим штабом находился еще в пути, когда Арбузов произносил речь. Подъехав, мне удалось услышать лишь последние слова его речи, а эти слова он произнес с большим азартом.

«Да здравствует Учредительное собрание!». «Да здравствуют уймонские отряды, ведущие борьбу за Учредительное собрание!», — вот что докатилось до меня.

С такими приветствиями 4 октября 1919 г. представитель уймонских повстанческих отрядов встречал партизанские полки, находившиеся под нашим большевистским руководством!

В борьбе с гнилой эсеровщиной

Руководящий состав партизанских полков, услышав в приветственной речи лозунг «Учредительное собрание», понял, что среди уймонских повстанческих отрядов глубоко пущены корни эсеровщины. Нас вообще удивило, как это они разрешили от своего имени выступить эсеру Арбузову и приветствовать пришедшие на соединение партизанские полки лозунгом «Учредительное собрание».

Считая политически нецелесообразным здесь на месте немедленно открыть политическую дискуссию о лозунгах борьбы, мы предложили уймонцам отвести свои отряды на Уймон, а для размещения наших двух полков отвести пос. Шугаш и село Абай. Руководители уймонских отрядов согласились с нашим предложением.

В с. Абай мы рассчитывали встретиться с организованной группой эсеров, которая управляла так называемым «главным штабом». Как выяснилось впоследствии, этого эсеров-

ского главного штаба в с. Абая не оказалось. Были только некоторые его члены: Арбузов, Казанцев, Побединский. Может быть были и другие, но они оставались скрытыми. Эсеровский главный штаб, как это установлено позднее опубликованными документами, в то время находился в 50 верстах от села Абая, в селе Усть-Коксе.

Наши части не сталкивались с этими эсеровскими органами. Дальше Абая эсеровщина к повстанцам не пробиралась. Руководители же уймонских отрядов нас не информировали, что собой представляют их штабы и где их место нахождения. У нас же не было время заниматься их розысками. Мы предполагали, что вся эсеровская головка находится на Уймоне.

Остановившись в Абаяе, пришлось заняться работой по подготовке объединенного военного заседания, на котором предполагалась наша встреча с эсерами. Было дано распоряжение, чтобы каждая партизанская часть выбрала по два рядовых партизан в качестве делегатов на это военное объединенное заседание. Что же касается командного состава, то он должен был явиться на заседание полностью. Мы сколотили стойкое большевистское ядро, которое могло дать решительный отпор всяким поползновениям и притязаниям эсэров. Мы учитывали, что в отношении численности уймонцы составляли только третью часть объединенных партизанских сил. Мы твердо были уверены, что наши партизанские полки, идущие под руководством большевиков, сумеют отстоять лозунг «Борьба за восстановление советской власти в Сибири», тем более, что этот лозунг был подтвержден единогласно всеми партизанами, за исключением нескольких эсэров на черно-ануйском военном заседании. Мы не сомневались в своей политической победе над эсэрами и на этом объединенном военном заседании. Мы заранее решили, что если они будут мешать нашей работе, то воздействовать на них силой, т.е. физически устранить их с нашего пути.

Абайское военное заседание укрепляет большевистское руководство 8 октября 1919 года я открыл военное заседание по поручению групп большевиков. Для ведения военного заседания был избран президиум в составе: председатель И. Я. Третьяк, члены Д. И. Ряполов, С. Г. Латкин и секретарь В. Н. Кудрявцев. По предложению уймонских представителей вводится в президиум эсер М. И. Арбузов в качестве секретаря.

Повестка дня была следующая: 1) Доклады и информации с мест. 2) О политическом моменте. 3) Отношение пар-

тизан к алтайцам (ойротам). 4) Формирование из уймонских отрядов 3-го партизанского полка. 5) О дальнейших военных действиях. 6) Текущие дела.

Постановкой первого вопроса — информация с мест — мы добивались узнать про положение уймонских повстанческих отрядов. Мы надеялись, что уймонцы укажут местопребывание эсеровского штаба, про который говорилось на черно-ануйском военном заседании. Как мы ни старались, все же про этот штаб ничего не узнали. Главари уймонских отрядов упорно скрывали от нас местопребывание своего главного эсеровского штаба. Они, по всей вероятности, думали, что этот штаб еще пригодится им. После выступлений нескольких делегатов, как со стороны уймонских повстанческих отрядов, так и со стороны партизанских полков, информация представителей с мест была принята к сведению.

По вопросу о политическом моменте делегаты большевики поручили мне сделать доклад. Я указал в своей речи, что против российских рабочих и крестьян, которые под руководством партии большевиков установили советскую власть, ополчилась не только внутренняя контрреволюция, но и вся международная буржуазия. Контрреволюция и международная буржуазия думают восстановить капиталистический строй в нашей стране. Сибирские крестьяне видят, что к этому стремится и колчаковское правительство.

«Мы, сибирские партизаны, — говорил я, — должны вместе с Красной армией вести борьбу, чтобы разбить планы наших классовых врагов, которые при помощи международной буржуазии захватили Сибирь и всеми силами пытаются восстановить за счет сибирского крестьянства восточный фронт против Красной армии. Если же сибирской контрреволюции помогает международная буржуазия, то мы тоже не одни в этой великой борьбе. Нам помогает международный революционный рабочий класс. Всего несколько месяцев тому назад я возвратился из-за границы, где вместе с иностранными рабочими принимал активное участие в борьбе, которую они ведут против своих буржуазных правительств, осуществляющих международный разбойничий заговор, направленный на подавление русской революции. Поэтому мы, алтайские партизаны, должны как можно теснее сплотиться и вместе с нашими братьями рабочими и крестьянами центральной России вести борьбу до победного конца, пока не будут уничтожены все контрреволюционные банды. Только уничтоживши всех паразитов, можно будет под руководством партии большевиков заняться построением лучшей жизни».

После моего выступления слово берет эсер Арбузов, который в своей речи все внимание слушателей направляет

на лозунг «Борьбы за Учредительное собрание». Он говорил долго и старался доказать, что единственный для партизанского движения выход — это борьба за Учредительное собрание.

Представители уймонских отрядов молчали, никто не попытался выступить против эсера Арбузова. Этим самым они как бы одобряли его выступление.

После Арбузова выступил тов. Ряполов, который, как фронтовик, принимал активное участие в рядах Красной гвардии и боролся с контрреволюцией в ряде центральных городов. В своем выступлении Ряполов горячо отстаивал большевистский лозунг: борьба за восстановление советской власти.

Затем выступили два оратора из эсеровского лагеря, пытавшиеся клеветать на большевиков и упорно доказывавшие, что единственный смысл партизанского движения — это борьба за восстановление Учредительного собрания.

От имени партизанских полков выступили еще Зырянов, Кудрявцев, Мунгалов-Мокин. Они заявили, что партизанские полки при своем формировании поставили перед собой задачу бороться за уничтожение колючавщины и восстановление советской власти и с этого пути они не сойдут. О других лозунгах борьбы на нашем военном заседании и речи быть не может.

В своем заключительном слове я указал, что группа эсеров пытается навязать партизанскому движению Алтая «Учредительное собрание», которое стало лозунгом буржуазии и от которого рабочие и крестьянство центральной России уже давно отвернулись. «Мы же, рабочие и крестьяне Сибири, не должны идти вразрез с теми порядками, которые восстанавливают под руководством партии большевиков рабочие и крестьяне центральной России».

Арбузов со злобой заявил: «Вы, что? Пришли меня переделывать? — Я — железнодорожный рабочий, родился социал-революционером и таким умру».

На эту реплику я дал следующий ответ: «Мы не пришли сюда переделывать вас, нескольких эсеров, мы пришли сюда для того, чтобы объединиться с повстанческими отрядами Уймона и общими силами повести борьбу за восстановление советской власти».

Объединенным военным заседанием было постановлено, вернее сказать, подтверждено решение, вынесенное на черно-ануйском военном заседании о том, что «наша политическая борьба идет всецело за советскую власть, за присоединение партизанских полков к российской регулярной Красной армии».

В смысле этого решения мы постановили выпустить воззвание к уймонскому населению.

В вопросе об отношении к ойротскому населению было установлено, что со стороны ранее действующих мелких повстанческих отрядов оно было плохим и требовало теперь самой коренной перемены. И хотя белые запугивали ойрот партизанским движением, все же в урочище Кырлык они вышли с красными знаменами встречать партизанские полки. Этот факт говорит за то, что при правильном подходе можно привлечь ойрот на сторону партизанского движения.

По этому вопросу, после выступления моего и еще некоторых товарищей, военное заседание единогласно постановило:

«Отнестись к мирному ойротскому населению так же, как относится к малым народам советская власть. Кроме того, разослать воззвание по всему Алтаю и по возможности послать делегатов, которые разъяснили бы ойротам задачи и цели нашего восстания».

По четвертому вопросу объединенное военное заседание постановило:

— Из всех мелких уймонских повстанческих отрядов сформировать единый 3-й партизанский полк.

Так как численность уймонских отрядов была не велика, то для пополнения людским составом 3-го партизанского полка военное заседание постановляет произвести по Уймонскому району мобилизацию годного к военной службе мужского населения от 18 до 45 летнего возраста.

Командиром 3-го партизанского полка военное заседание утверждает С. Г. Латкина, на которого и было возложено формирование 3-го партизанского полка.

Мобилизация и формирование полка должно быть закончено до 10 октября.

По пятому вопросу. — «Дальнейшие военные операции» — объединенное военное заседание постановило вести наступление на тот участок Чуйского тракта (в районе Теньга, Туекта, Онгудай, Хабаровка), где действуют крупные белогвардейские силы под командой прапорщика Кайгородова, штабс-капитана Киленга и других. Наступление решили вести с двух сторон. Вновь сформированный 3-й партизанский полк должен 10 октября выступить через село Катанду, пойти вдоль реки Катунь, выйти на поселок Усть-Иня Чуйского тракта и занять катунские паромные переправы.

1-й и 2-й партизанские полки должны были оставаться в селе Абае еще четверо суток, а затем выступить в обратный путь, пройти через урочище Кырлак и, не доходя до Усть-Кана, повернуть на юго-восток, где через урочище Ябо-

ган выйти на Чуйский тракт, а оттуда уже повести наступление на кайгородовские части.

Под натиском 1-го и 2-го полков кайгородовские части вынуждены были отступать на катунские паромные переправы, которые к этому времени, по нашему плану, должны уже быть заняты 3-м партизанским полком.

Для более удобного руководства военными операциями объединенное военное заседание, учитывая наличие трех партизанских полков, решило избрать высший военный орган: «Штаб Первой горно-конной партизанской дивизии».

После небольших прений, в которых обсуждались кандидатуры, делегаты военного заседания избирают в штаб дивизии следующих товарищей: И. Я. Третьяк — командир дивизии, А. Тропин, рабочий Зыряновских приисков, — начальник штаба дивизии, В. С. Зырянов — начальник хозяйственной части, Г. Е. Вязников и Ф. Коровин — члены штаба дивизии и В. Н. Кудрявцев — старший адъютант штаба дивизии. В секретари хозяйственной части военное заседание наметило М. И. Арбузова (эсер).

Надо отметить, что вскоре после военного заседания тов. Зырянов начал тяготиться своей работой в хозяйственной части и более склонен был перейти работать в штаб дивизии. Также недолюбливал свою должность — начальника штаба дивизии, — т. Тропин. Поэтому, по их обоюдному соглашению и с согласия штаба, они переменили свои выборные чины: тов. Зырянов стал работать начальником штаба дивизии, а тов. Тропин стал работать в качестве начальника хозяйственной части дивизии.

В связи с тем, что из штаба бригады ушел И. Я. Третьяк, назначенный командиром дивизии, военное заседание назначило командиром 1-й бригады Николая Семеновича Усова, а начальником штаба — Малофея Семеновича Шумова.

На этом объединенное Айбайское военное заседание было закрыто.

Командир 1 бригады
Усов Н. С.

Подготовка к вновь избранному штаб-боевым действиям дивизии и хозяйственным частям нужно было выполнить огромную работу. Помимо комплектования вновь избранных органов, штабу дивизии нужно было выпустить обращение к уймонскому населению. Особенности Уймонского края требовали со стороны штаба дивизии умелого и осторожного подхода.

Прежде всего необходимо было учитывать, что до нашего прихода на Уймон руководство уймонскими повстанческими отрядами находилось в руках эсеров.

Вследствие эсеровской агитации крестьянское население Уймона получило извращенное представление о задачах и целях советской власти и относилось, поэтому, с большим недоверием к большевикам, а, в частности, и к нашим партизанским отрядам, борющимся с колчаковщиной во имя восстановления в крае советской власти и утверждения диктатуры пролетариата.

Надо было завоевать бедняцко-средняцкие слои уймонского крестьянства, не только, как говорится, перетянуть их на нашу сторону, но побудить их также оказывать нам активную поддержку в той тяжелой борьбе, которую мы вели с колчаковщиной.

Этого можно было достичь путем длительной и упорной политико-просветительной работы. За эту работу, поскольку позволяла боевая обстановка, мы и принялись. Эту цель преследовало, в этом смысле и было написано наше воззвание, как призыв к русскому населению, входящему в состав Уймонского района.

«Народная Армия — писали мы в воззвании — неустанно борется с кровавым врагом, не щадя своей жизни».

«При первом же соединении отрядов неприятель был разбит на голову и день ото дня наши успехи стали чередоваться один за другим и мы твердо верим, что близок тот день, когда соединимся с российскими рабочими и крестьянами и не будет ни одного врага на всей истерзанной и дорогой нашей Сибири».

«Старайтесь — писали мы уймонским беднякам и середнякам — всеми силами всемерно способствовать Народной Армии в борьбе с коварным и жестоким врагом. Не допускайте пропаганды наших врагов против народного восстания. Всеми мерами старайтесь задерживать отдельных лиц, идущих в разрез нашего восстания, и старайтесь распространять среди населения воззвания о целях нашего восстания и тот лозунг, за который мы боремся. Товарищи уймонцы! Всеми силами и кто чем может помогайте народной армии, несите по возможности свою лепту на алтарь освобождения своей родины от тиранов, насильников, грабителей и убийц».

Это воззвание вышло за подписью штаба 1-й Горно-конно-алтайской партизанской дивизии.

Типографского печатного станка или даже обыкновенной пишущей машинки в нашем распоряжении не было. Наше воззвание было переписано от руки, как помнит-

ся, только в нескольких экземплярах. И тем не менее оно нашло широкое распространение.

Заметить должны, что это воззвание, написанное простым языком и бесхитростными выражениями, действительно оказало нам большую услугу.

Оно способствовало тому, чтобы раскрыть глаза уймонских бедняков и середняков на истинную роль эсеров, как сторонников колчаковщины и защитников интересов торгово-кулацкой верхушки крестьянского населения.

Это воззвание содействовало закреплению за нами, как продовольственной базы, богатого сельско-хозяйственного района.

По своим природным условиям Уймонский край является неприступным. И если бы в дальнейшей борьбе нам бы пришлось временно отступить, то здесь на Уймоне мы бы укрепились настолько, что не дали бы неприятелю возможности взять и одолеть нас.

Взяв 3-й полк под свое руководство, мы отбросили авантюристическую эсеровскую группу от руководства уймонским движением. Этим мы обеспечили себе прочный партизанский тыл. Перед штабом дивизии теперь уже выдвигалась более сложная работа. Она становилась более сложной потому, что с занятием с. Абая мы не только занимались укреплением партизанских частей, но штаб дивизии должен был заняться укреплением тыла путем организации гражданской власти на местах.

В первую очередь гражданская власть была налажена в селе Абая. Вместо волостной земской управы штаб дивизии организовал волостной ревком, который должен был регулировать взаимоотношения между крестьянами, оказывать помощь беднейшим партизанским семьям и организовать поддержку штабу дивизии и отдельным партизанским частям. Ревком должен был также следить за движением противника, о чем немедленно сообщать в штаб дивизии, и преследовать тех, кто будет шпионить или даже только попытается вести агитацию против партизанского повстанческого движения. Ко всем замеченным в контрреволюционных делах ревком должен был применять самые суровые меры наказания.

Организация Перед штабом дивизии встал также во хозяйствен- всей широте вопрос об организации хо- ной части зяйственной части. Одному начальнику хо- зяйственной части нельзя было справиться с задачами в связи с увеличением личного партизанского состава. На

обязанности хозяйственной части не только лежала заготовка и снабжение продовольствием и фуражем личного состава партизанских частей, но также организация разного рода подсобных мастерских, которые способствовали бы укреплению фронта партизанских частей. Для этой сложной работы требовались технически развитые люди, но находящаяся в Горном Алтае и отчасти на Уймоне интеллигенция, как-то: учителя, разного рода кооперативные инструктора Алтайского горного союза кооператива и др. не хотели примкнуть к партизанскому движению. Одни из них уезжали из охваченной партизанским движением зоны, другие не разделяли лозунги и идеи, за которые боролись партизаны (это эсеры). Так, например, для работы в хозяйственной части секретарем военное совещание назначило эсера М. И. Арбузова, но он под предлогом домашних обстоятельств удрал на Уймон при выступлении штаба дивизии из села Абая.

Самим крестьянам приходилось поэтому выполнять всю эту сложную работу.

Хозяйственная часть при штабе дивизии приступила к приему и учету разного имущества, взятого у контр-революционного населения, бежавшего в колчаковские части. Для организации химической мастерской хозяйственная часть начала у населения отбирать порох, капсулы, патроны и прочее военное имущество.

Свой отдых от боевых действий партизаны тоже проводили за делом. Кто как мог старался укрепить боеспособность своей части. Мало-башелакский партизан, слесарь тов. Стрельников, которому помогали и другие, сделал в кузнице пушку из обреза железной трубы. Штаб дивизии решил посмотреть, как будет стрелять сделанная ими пушка. На ровной площадке, против горы, куда должен был лететь снаряд, на укрепленных железных козлах лежал метра полтора длиной и вершка четыре толщиной, железный обрез, натуго и крепко сжатый несколькими железными кольцами, чтобы его при выстрелах не разорвало. Отверстие внутреннего прохода было небольшое. Изобретатель тов. Стрельников разными железными обрезками и гвоздями начал натуго набивать внутреннее отверстие, потом засыпал порцию пороха, хорошенько заделал и зажег ведущий к пороху небольшой фитиль.

Опасаясь несчастного случая, мы отошли сажени на две. Раздался оглушительный выстрел, эхо от которого далеко раскатилось по горам. Вместе со снарядом сажени на две вперед отбросило и самую пушку. После выстрела партизаны пошли на гору смотреть, куда девались железные обрезки и гвозди, которыми тов. Стрельников зарядил свою

самодельную пушку. Оказалось, что многие обрезки и гвозди, пролетевши более шести сот шагов, плотно впились в ствол дерева.

Выступление в поход

Колчаковцы, между тем, стягивали свои силы и заняли все ведущие на Уймон проходы для того, чтобы зажать нас в кольцо. 12 октября неприятельская разведка под'ехала со стороны урочища Кырлык к заставе, занятой частями 1-го партизанского полка, и открыла огонь. Этим огнем были убиты И. Бунызов и Н. Котаев — партизаны села Солонешного. Неприятельская разведка, потеряв двух человек убитыми, вынуждена была уйти обратно в Кырлык. Этой вылазкой противник показал, что он находится на близком от нас расстоянии.

Штаб дивизии, получив донесение об этой перестрелке, изменил план оперативных военных действий, разработанный военным заседанием: вместо намеченного выступления 1-го и 2-го партизанских полков 14 октября, начдив дал командирам полков приказ подготовить свои полки к выступлению утром 13 октября.

Партизан-алтаец (разведчик) Сergyа Глушаев
с. Черный Ануй

В ПОЛОСЕ
ГЕРОИЧЕСКИХ ПОБЕД

www.elan-kazak.ru

I. ПОБЕДНЫЙ ПУТЬ НА ЧУЙСКИЙ ТРАКТ

Крупная победа под Кырлыком Ранним утром 13 октября 1-й и 2-й партизанские полки оставили село Абай и выступили по знакомому тракту на урочище Кырлык. Вместе с полками следовал и штаб дивизии. Вслед за полками двигались небольшие команды нестроевых частей, которые обслуживали наспех организованные обозы хозяйственной части, возглавляемой тов. Тропиным. В хозяйственной части тов. Тропин работал в единственном числе, других сотрудников не было.

Не доходя верст 5 до урочища, полковые разведки донесли, что неприятель, численностью до 700 человек, занимает урочище Кырлык. Штаб дивизии, желая захватить неприятеля врасплох, дает распоряжение, чтобы команды разведчиков не открывали перестрелки до подхода наступающих полков к неприятельской позиции.

Однако, добиться этого не удалось: наши разведки все-таки завязали с неприятелем перестрелку.

Имелась еще надежда, что хорошо вооруженный противник, укрепившись в неприступных позициях, может заставить нас отступить на Уймон. Штаб дивизии все это учел и, по распоряжению начдива, командиры, повели свои полки в наступление скрытой местностью. 1-й полк пошел лесной рощей вдоль горы, держась правой стороны Уймонского тракта, а 2-й полк также пробирался вдоль горы лесной рощей, но шел с левой стороны Уймонского тракта. На эскадрон 1-го полка, которым командовал Ларион Васильевич Колесников (впоследствии стал бандитом), была возложена задача проникнуть через горы в тыл неприятелю. Мне пришлось в этом наступлении идти со 2-м полком. Находясь еще на довольно далеком расстоянии от неприятеля, некоторые партизаны начали стрелять, чем бессмысленно тратили патроны, имевшиеся в весьма ограниченном ко-

личестве. Я призвал этих партизан к порядку. Прекратив эту ненужную вредную стрельбу, мы спешили и пошли в наступление. Временами слышна была перестрелка, которая скоро перешла в настоящий бой.

Неприятель, засев в приготовленных им окопах, стал осыпая градом пуль наши наступающие части. Благодаря лесистой местности, по которой вели наступление партизанские полки, эти пули не могли наносить им существенного урона.

В продолжении этого жестокого боя, который длился около 5 часов, части партизанских полков, наступавшие с флангов, все более и более сжимали неприятеля в кольцо. Наша передовая цепь, в которой находился и я, стала выходить на ровную открытую площадку. Позиция залегшего в окопах неприятеля была на глазах.

Передовая цепь, вышедшая на ровную открытую площадку, находилась под угрозой понести большие потери. Но в это время из-за горы Белого камня вплотную подошли к левому флангу неприятельской позиции части 1-го партизанского полка, которые открыли по неприятелю залповый огонь. Видя это, наши части левого фланга с криком «ура» бросились вперед и начали нажимать на противника.

Неприятель пришел в замешательство. Опасаясь обхода с тыла, противник бросился к своим лошадям и в беспорядке отступил. Каратели, у которых были убиты лошади (человек около 15), стали подниматься по уступам каменных глыб, чтобы скрыться в чаще горы.

Часть партизанских полков преследовала отступающего противника. Другая часть охватила кольцом гору, на которой укрылись эти 15 карателей. Они оказывали упорное сопротивление. Когда партизаны с большими усилиями проникли на гору, то каратели начали себя убивать: кто бросал под себя гранаты, кто стрелялся и т. д. В этом бою мы взяли до 50 пленных, среди них два молодых офицера. Большая часть пленных оказалась демобилизованными солдатами, прикомандированными к карательному дивизиону поручика Серебренникова и поручика Жучкина. Мы их обезоружили. В этом бою мы захватили 70 винтовок, три ящика патронов, а также несколько десятков наганов и шашек.

Неприятель в этом бою потерял 20 человек убитыми. На нашей же стороне, благодаря скрытой местности, по которой мы вели наступление, было только несколько раненых.

Настроение партизан, одержавших победу над неприятелем, было приподнятое. Рассевшись вокруг костров, они рассказывали друг другу, как гнались за отступающим в

беспорядке противником, сколько и кому досталось патронов, кто завоевал себе вместо пинки — винтовку и т. д.

Бой у Белой Горы и Усть-Кана Ранним утром партизанские полки один за другим выступили по тракту и взяли направление на село Усть-Кан. Не доходя верст пять до села, наша разведка обнаружила отступившие из-под Кырлыка неприятельские части. Последние, заметив наше наступление, взяли направление на урочище Ябаган, чтобы выйти на Чуйский тракт, где находились части прапорщика Кайгородова, Валожанина и других карателей.

Начдив отдал тогда командиру 2-го полка тов. Какорину распоряжение перехватить путь отступления неприятеля. Какорин быстро двинул свои части в сторону Ябагана и отрезал путь отступления неприятелю, который повернул и начал отступать по тракту на Усть-Кан.

Отступающие неприятельские части получили подкрепление от подошедшей к Усть-Кану казачьей части численностью в 300 с лишним человек, находившейся под командой хорунжего Горбунова. Заняв позицию за горноскалистым выступом Белой горы (между Белой горой и Усть-Каном), неприятель открыл ураганный пулеметный и ружейный огонь по наступающим партизанским частям.

Вторая часть карателей, под командой поручика Серебренникова и поручика Жучкина, рассыпалась крупными группами и, заняв по скалистым местам позицию, упорно оборонялась, осылая градом пуль наступающие партизанские части.

Впереди открывалась ровная и довольно обширная площадка, по которой должны были вести наступление партизанские полки. Это учитывал противник. Засев в скрытых местах, он намеревался пулеметами нанести большой урон наступающим партизанским частям. Партизанам пришлось поэтому отказаться от этого пути наступления. Незначительные группы партизан были оставлены в скрытых местах в качестве фронтовых застав для задержки противника, а остальные силы партизан поведены в наступление с флангов. 2-й полк, под командой тов. Какорина, пошел глубоким обходом (с первого фланга). При сильной перестрелке этот полк постепенно стал заходить не только с флангов, но и с тыла, со стороны Янокура. В то же время части 1-го партизанского полка, под командой тов. Никифорова, пробираясь через горный кряж, левым флангом все более и более охватывали своим левым флангом непри-

ительскую позицию, зажимая таким образом неприятеля в кольцо.

Завязался двухчасовой жестокий бой. Неприятель патронов не жалел. Наши же части, имевшие ограниченное количество патронов, могли стрелять только тогда, когда неприятель показывался на глаза и переходил в атаку.

Неприятель, засев в удобные для него позиции, пытался разгромить партизан, которые вели наступление с трех сторон. Трещали неприятельские пулеметы. Летели с визгом и рассыпались по горам неприятельские пули. Но скалистые каменные горы служили непроницаемой защитой для наступающих партизан. Рассыпавшись по горам и переползая от одного камня к другому, партизаны все более приближались к неприятельским позициям. Противник, наконец, не выдержал натиска наступающих партизанских частей. Он оставляет занимаемую позицию и начинает по тракту отступать. Отступая, противник однако неоднократно пытался отбить наступление партизан. Ему даже удалось задержаться у Каменной седельки, но после часового боя партизаны выбили его оттуда.

Бой у Янокура и у Килейского села Отступив до Янокура и заняв позицию на горе с каменным выступом, неприятель стал оказывать упорное сопротивление. Наступающие партизанские полки, между тем, развевывали фронт и не давали неприятелю ни минуты покоя.

Партизаны обычно вели перестрелку с фронта, но свои главные силы держали на флангах, чтобы бить неприятеля в перекрестный огонь. Такой способ наступления был применен и под Янокуром. Противник мог держаться в занятой им позиции до тех пор, пока наши части не заходили в обход и не били его в перекрестный огонь с флангов.

Во время Янокурского боя небольшая неприятельская группа, численностью в 35 человек, отбившись в горах от основных своих сил, начала отступать на Белый Ануй. Ее сейчас же стала преследовать выделенная командиром 2-го полка тов. Какорыным группа партизан.

Основные же неприятельские силы отступили по тракту, выбирая удобное место для занятия позиции. Таким удобным для него местом было Килейское седло, ибо подход к нему вел через ровную, открытую местность. Из-за горно-скалистых выступов Килейского седла белые открыли ураганный огонь по наступающим партизанским полкам. Здесь неприятель оказывал особенно бешеное сопротивление. Он всячески старался отбить наступление парти-

ван. Для этой цели он перебрасывался с одного места в другое, выбирая удобные позиции.

Озлобленные упорством противника, партизаны неоднократно бросались с криками «ура» в атаку. В конце концов после многочасового упорного боя неприятель не выдержал натиска партизан и в панике начал отступать по тракту на Усть-Муту. Партизанские части как с фронта, так и с флангов стали тогда перекрестным ружейным огнем обстреливать отступающего неприятеля.

Вслед за отступающими на Усть-Муту без остановки двинулись и партизанские полки.

В этом бою партизанские части отбили 7 подвод со значительным количеством патронов, а также мукой, овсом, обмундированием и т. д.

Приказы Вместе с обозом были захвачены приказы полковника полковника Хмелевского, из которых мы Хмелевского узнали план действий и расположение сил нашего противника.

Приведу текст некоторых приказов из числа захваченных нами у белых.

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ ПО БИЙСКОМУ СВОДНОМУ ОТРЯДУ 2.

По всем имеющимся сведениям красные сгруппировались в районе Уймаона, каковой и приказываю взять вверенному мне отряду, для чего прапорщику Кайгородову, оставив наблюдательный заслон в 400 человек в Ини, с остальными силами в 250 человек двинуться на Катанду-Уймаон 11 сего октября в 9 часов утра. Хорунжему Волужанину с его отрядом двинуться из Иоло на Шугаш 12 октября в 9 часов утра, Прапорщику Тюменцеву с 40 человеками пехоты перейти в Барагаш. Движение начать 11 октября. Поручику Серебренникову с дивизионом оставаться до конца в Усть-Кане, имея, безусловно, разезды на Тюдралу и Карасук.

Прапорщику Бычкову с казаками оставаться до конца операций в Черном Ануе. Настоящий приказ не подлежит никаким изменениям, что имело место со стороны младших начальников.

Во избежание огласки настоящий приказ не объявлять солдатам до момента выхода отрядов. За каждого пойманного комиссара назначается премия в 200 рублей. 10/X № 221.

с. Шебаино.

Полковник Хмелевский.

ЧЕРЕЗ БАРАГАШ, БЕЛЫЙ АНУЙ, КИЛЕЙ, УСТЬ-КАН.

Поручику Жучкину.

Не медлите и сколько есть, переходите в наступление, чтобы не дать возможности красным продвинуться дальше, и постарайтесь несколько отодвинуть их назад. Всем остальным распоряжения сделал. Наступление будет ваше, Серебrenникова и Валюжанина. Весь излишний обоз отправьте по безопасному пути назад в с. Шебалино. К Шебалино подходят казаки, Алтайская сотня и много пулеметов. Это пишу на ваш № 50 от 13 октября. Пакет перешлите казакам 2 сотни в Тюдралу. 14/X № 32.

Село Шебалино.

ТЮДРАЛА-ТАЛИЦА КОМАНДИРУ 2-й СОТНИ КАЗАКОВ.

Положение создается серьезное из-за упорного движения красных, о чем вам известно от поручика Жучкина. Убедительно прошу вас передвинуть всю сотню в Усть-Кан и помочь моим хотя бы половиной, оставив другую половину в Усть-Кане или передвинув ее в Верхний Ябаган.

Нач. войск Свод. Отряда

Полковник Хмелевский. 14/X № 233.

С. Шебалино.

ЧЕРЕЗ БАРАГАШ, БЕЛЫЙ АНУЙ В УСТЬ-МУТУ.

Клепикову

Положение серьезное. Немедленно переходите с дружиной в вершину Песчаной, где и укрепитесь. Разведку будете вести на Быргмысты и Верх Ябаган. Еще раз говорю — двигайтесь немедленно. 14/X-19 г.

Нач. Отряда Полковник

Хмелевский

С. Шебалино.

Из этих приказов видно, какую трепку партизаны задали белым.

Взятие Усть-Муты За отступающим неприятелем партизанские полки гнались быстро. Стоявшие в деревне Усть-Муте две колчаковские карательные дружины (одна под командой алтайского урядника Кириянова и другая — Шебалинская, под командой Клепикова) были захвачены нами врасплох. Каратели, натаскав в крестьянские дома соломы, угрожали крестьянам, что при наступлении партизан они подожгут всю деревню. Только благодаря не-

ожиданному и быстрому наступлению партизанских полков удалось предупредить ту кровавую расправу, которую каратели намеревались учинить над многими усть-мутскими крестьянами. Не успели они также поджечь деревню. Наше появление в Усть-Муте было столь неожиданным для неприятеля, что вызвало большое замешательство в его рядах. Не всем карателям удалось сбежать. Многие не успели даже заседлать своих лошадей, а некоторые из них были пойманы, разоружены и примерно наказаны.

Еще не улеглась суматоха, вызванная нашим появлением, как крестьянин Тимофей Иванович Скосарев, находившийся было в числе тех крестьян, которых каратели арестовали, выпороли и приговорили к расстрелу, стоял уже у ворот своей ограды и со слезами на глазах молился и радовался неожиданному приходу избавителей-партизан.

Энергия партизан повысилась от одержанных успехов.

Отступивший из деревни Усть-Муты неприятель задержался было в поскотине с намерением остановить наше наступление, но партизаны начали обхватывать его с флангов и заставили в беспорядке отступить.

Во время этой перестройки возвращались с пашен с возами сена и овса усть-мутские крестьяне. Они побросали на дороге везы, а сами на выпряженных лошадях скрылись. Брошенные крестьянами везы были подожжены карателями. Облака густого дыма расплзались. Дымовая завеса покрыла обширную площадь.

Возле горно-скалистого кряжа между Усть-Мутой и Черным Ануем противник еще раз попытался задержать наше наступление.

Заняв скрытую позицию, неприятель начал сильно обстреливать наступающие партизанские полки. Но партизаны как с фронта, так и с флангов приблизились к неприятельской позиции настолько близко, что даже слышали, как белые в замешательстве спорили между собой. Один из них давал приказание ставить пулемет, а другой ему отвечал: «Куда к чорту ставить, надо отступать. Видишь, они, как мураши, со всех сторон из-за камня лезут».

Последний был прав. Партизаны действительно со всех сторон пробирались ползком по камням и наводили на неприятеля панический страх. Неприятель вынужден был отказать от сопротивления и в беспорядке отступил по тракту на село Черный Ануй. Впрочем, небольшая группа беляков ушла в Турату, а затем через Баргаш на Шебалино. Стоявшая в Черном Ануе 4-я казачья сотня присоединилась к отступающим частям поручика Серебренникова и вместе с ними пытались оказать сопротивление наступающим партизанским полкам. Но дружным напором партизан

они были выбиты из села и рассеяны по горам. Только незначительная часть карателей отступила по тракту на село Топольное. 1-й полк преследовал противника, но в связи с наступлением ночи он приостановил преследование и сделал в открытом поле привал.

Итак, два партизанских полка, выступив с урочища Кырлык и пройдя верст 20 без боя, нанесли жестокий удар крупным и хорошо вооруженным силам противника и затем гнали его с боями на протяжении 70 верстного пути. Как это видно из оперативного плана штаба полковника Хмелевского, в районе боевых действий белые сосредоточили 1375 человек, вооруженных не только винтовками, но и пулеметами. Все проходы, которые вели в Уймон, были заняты неприятелем и, тем не менее, победа оказалась на нашей стороне.

Партизаны отбили у неприятеля 400 винтовок военного образца, 200 наганов, 150 кавалерийских шашек, изрядное количество патронов, два ящика ручных гранат, и другое военное имущество.

Памятник в с. Шебалино погибшим партизанам

Так, в ожесточенной борьбе прокладывали себе путь два партизанских полка. Не мало жертв считывали партизаны.

Но особенно большие потери понес противник.

Вместе с карателями обычно отступали и кулаки, а бедняцко-средняцкий слой деревни с нетерпением ожидал прихода партизан и вместе с партизанами ликовал по поводу победы над врагом. Бедняки и середняки с ужасом рассказывали о зверствах, которые над ними производили колчаковцы. Эти слои деревни готовы были дать все, что только у них имелось, для поддержки партизанского движения. Благодаря этой

поддержке партизанские полки одержали над своим врагом одну победу за другой.

Партизаны в Шебалино Ранним утром 15 октября в штаб дивизии поступила от т. Никифорова просьба разрешить его 1-му полку дальнейшее преследование разбитого противника. Но в преследовании противника не было никакой целесообразности. Штаб, не желая нарушать выработанного абайским военным заседанием оперативного плана, согласно которому в районе Онгудая для борьбы с Кайгородовым должны были объединиться все три партизанских полка, приказал Никифорову: «Немедленно прибыть со своим 1-м полком в село Черный Ануй».

Настроение партизан было самое хорошее, боевое. Из Черного Ануя оба партизанских полка были передвинуты в село Белый Ануй. Штаб дивизии, зная, что штаб полковника Хмелевского находится в с. Шебалино, решил повести наступление на Шебалино и захватить штаб полковника Хмелевского. Был разработан план наступления.

Вечером 17 октября начдив отдал распоряжение командирам полков и всему составу партизанских частей выступить из Белого Ануя на деревню Барагаш и после ее занятия повести наступление на село Шебалино с таким расчетом, чтобы к рассвету подойти и охватить село Шебалино с двух сторон.

Вместе с выступившими полками следовал и штаб дивизии.

Пройдя деревню, партизанские полки начали уже в исковой темноте и по горно-лесистой местности пробираться вперед. Поднявшись на перевал, верстах в трех от Шебалино, пришлось сделать в лесу остановку, чтобы передохнуть и дожидаться наступления утра. Установив между собой связь, командиры повели свои полки в наступление на село Шебалино по двум направлениям: 1-й полк пошел южным флангом со стороны Топучи, а 2-й полк — северным флангом со стороны Маюты. Выйдя одновременно с двух сторон на Чуйский тракт и заняв все ведущие к селу проходы, полки должны были сомкнутыми колоннами двигаться к самому селу.

Но скоро получили донесение, что в селе Шебалино не только отсутствует противник, но что оттуда исчезло и само население.

Партизанские полки без всякого препятствия заняли, таким образом, село Шебалино. Выяснилось, со слов десятка-двух дряхлых стариков и старух, оставшихся в селении, что штаб полковника Хмелевского, получив сведения о по-

ражении белых на Уймонском тракте, вместе с кулацко-торговой частью села — участниками колчаковской дружины, эвакуировался из Шебалино. Белые угнали в село Чергу и ту часть населения, которая не участвовала в действиях колчаковцев против партизан, чтобы лишить последних подкрепления.

Руководящий состав партизанских частей был обеспечен, как бы недостаточно дисциплинированные партизаны (такие элементы, конечно, имелись в отдельных частях), разместившись по квартирам большого крестьянского села, не начали растаскивать крестьянское имущество. Штаб предложил командирам полков установить спрогающийся контроль за сохранностью оставленного имущества принудительно угнанного населения. В отношении же имущества кулацко-торгового слоя штаб распорядился, чтобы представители хозяйственной части немедленно осмотрели это имущество и конфисковали для нужд партизанской армии одежду, белье, мануфактуру, медикаменты и т. п. предметы и вещи.

Надо отметить, что осмотр всех кулацких хозяйств установил, что кулаки оставили все малоценное барахло, а все ценное увезли с собой.

Борьба за строгую дисциплину в партизанских рядах

Несмотря на принятые меры, к вечеру все-таки начали поступать в наш штаб неблагоприятные донесения: единичные партизаны, пользуясь отсутствием населения, занялись грабежом. Донесли также, что на окраине села два партизана, напившись пьяными, произвели даже насилие над некой Ивановой. Узнав об этом, штаб немедленно отдал распоряжение командирам полков принять более решительные меры и приостановить бесчинства. Командиру же 2-го полка тов. Какорину предложили арестовать тех партизан, которые произвели насилие над крестьянкой Ивановой.

Штаб, однако, не ограничился только этими распоряжениями. Он созвал на совещание весь командный состав и вменил им в обязанность принять меры, дабы обеспечить сохранность всего беспризорного имущества. Это же совещание постановило выпустить краткое воззвание, в котором предупредить выехавшее население, что оставленное ими село и все хозяйство может после ухода партизанских частей пострадать от налета какой-либо грабительской банды. Чтобы этого не случилось, пусть эвакуировавшиеся немедленно возвратятся в село. Это воззвание было распро-

странено среди эвакуированных через оставшихся в селе стариков.

Военное совещание решило выделить от обоих полков представителей в специальную чрезвычайную следственную комиссию для расследования о партизанах, совершивших насилие над Ивановой. Если подтвердится факт насилия, то подвергнуть виновных суровой каре.

Совещание решило также собрать весь состав партизанских частей на митинг по вопросу «О целях и задачах партизанского движения». На митинге заострить вопрос о тех партизанах, которые своими грязными поступками подрывают у крестьянского населения доверие к партизанскому движению.

Быстро была сооружена на площади трибуна. К 12 часам дня стали подходить одна за другой части партизанских полков. Открыв митинг, председатель собрания тов. Мунгалов-Мотин разъяснил, партизанам, для какой цели штаб дивизии вынужден был их собрать.

Д. И. Ряполов, обрисовал положение и ответственность партизанских полков, которым приходится в жестоких боях с колчаковцами прокладывать себе путь и расчищать почву для восстановления советской власти.

«Мы должны, — сказал Ряполов, — сплотить свои ряды не только на борьбу против колчаковщины, но и на борьбу против тех, кто расстраивает нашу дисциплину и подрывает авторитет партизанского движения».

Я выступил после тов. Ряполова. В своей речи я сказал:

«Мы должны на сегодняшнем митинге самым беспощадным образом ударить по тем, кто пытается своими подлыми поступками подорвать авторитет партизанской армии, кто пытается разложить партизанское движение».

После меня выступило еще несколько товарищей, требовавших применения суровых мер к дезорганизаторам, срывающим дисциплину.

Более двух тысяч рук поднялось, чтобы протестовать против насильников и грабителей, затесавшихся в ряды партизан. Но когда был поставлен вопрос о расстреле насильников (штаб дивизии на основании следственных материалов требовал их расстрела), — то некоторые партизаны 2-го полка стали возражать по поводу применения столь суровой меры наказания, так как раньше командиры полков не предупреждали партизан, что за насилие полагается расстрел. Кроме того, по их мнению, провинившиеся примерные партизаны, они всегда и во всех боях находились в первых рядах, за ними никогда ничего плохого не замечалось и в этом деле несколько виновата и сама девушка.

которая доставила обвиняемым водку и вместе с ними пи-
ла.

Во время этих выступлений, по предложению штаба дивизии, были под конвоем приведены к трибуне и арестованные. Они были встречены смехом всей партизанской массы. Раздался возглас: «Смотрите, наших женихов ведут». «Женихи» со стыда не могли смотреть партизанам в глаза. Одного из них звали Илясов. Это был крестьянин из с. Белого Ануя. Фамилию другого не помню.

Штаб дивизии настойчиво требовал расстрела. Тогда в защиту обвиняемых выступила сама пострадавшая Иванова. Обращаясь к руководящему составу партизанских частей, Иванова просила не применять никакой меры наказания к обоим партизанам, так как она их прощает. Выступили и сами обвиняемые, прося, чтобы их простили, так как они свой поступок быстро исправят и в дальнейшем будут служить примером для других.

Выслушав все эти заявления и просьбы, штаб дивизии заявил, что, принимая во внимание просьбу самой пострадавшей, а также то, что до настоящего времени такая мера наказания не была объявлена по полкам, на этот раз отменяется решение о применении смертной казни к виновным. Но вместе с тем, штаб дивизии предлагает командиру 2-го полка и чрезвычайной полковой следственной комиссии взять под особый надзор провинившихся двух партизан. В дальнейшем же за подобные проступки виновные будут подвергаться расстрелу.

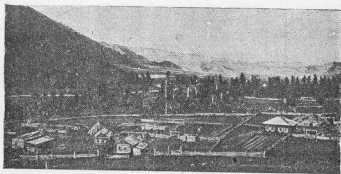
Митинг закончился также внушительным обращением и к тем партизанам, которые самовольно присвоили себе какие-либо вещи. Им было приказано, чтобы сейчас же после митинга они сдали эти вещи в хозяйственную часть.

После митинга начдив отдал командирам полков распоряжение подготовить к утру 20 октября свои полки к выступлению на село Топучи.

Взятие Топучи и Кеньги 20 октября ранним утром оба полка оставили село Шебалино и двинулись по тракту на юг, на деревню Топучи, которую к 12 часам дня и заняли без всякого сопротивления.

В этой богатой торговой деревне также отсутствовало мужское население. На наши вопросы, куда делись мужчины, мы получили ответ: «Ушли, но куда не знаем».

Во время остановки от одной старухи поступило заявление, что два партизана забрали у нее мужские брюки и три метра сукна. Штаб предложил старухе, чтобы она указала этих партизан. Когда части начали собираться, чтобы

с. Туекта на Чуйском тракте.

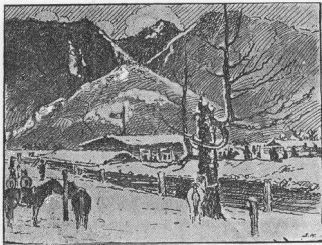
построиться к выступлению в поход, старуха указала этих двух партизан. Это были крестьяне из села Сибирячихи: Григорий Сафронович Дударев и Петр Фудаков, — партизаны 1-го полка. Им немедленно было предложено возвратить старухе вещи и в наказание приказано было пройти пешком всю дорогу — 20 верст — до перевала, где должны были остановиться части. Наказание было довольно тяжелое, тем более, что над ними, волочившимися пешеходом, партизаны все время надсмехались.

1-й полк пошел по Чуйскому тракту, держа путь на деревню Кеньгу, 2-й же полк держал путь левее тракта, по так называемой Зайзанской елани, и должен был ударить по неприятелю, находящемуся в деревне Туекте.

Начало темнеть. Поднявшись до назначенного места, мы решили остановиться на ночовку, предварительно расставив усиленные посты и раз'езды, чтобы тщательно охранять в этой горной местности все проходы к расположению полка.

2-й полк избрал остановку в местности, отстоящей верстах в пяти от села Туекты, на заимках туектинских крестьян. Этому полку удалось на заимках обезоружить неприятельский пост, состоявший из туектинских крестьян, мобилизованных прапорщиком Кайгородовым.

Попавшие в плен туектинские крестьяне, познакомившись с целями партизанского движения, стали просить командира полка тов. Какорина, чтобы он отпустил их в де-

Партизанский штаб 1-го полка в д. Туекта. Рисунок Д. Кузнецова

ревню. Они обещали известить всех мобилизованных и находящихся в колчаковской дружинне туектинских крестьян, чтобы они сдались партизанам, когда те начнут наступление на деревню. Туектинцы обещали к утру возвратиться обратно к партизанам. Какорин согласился отпустить их, но с условием, чтобы о наступлении они не извещали командный состав белогвардейских частей и чтобы к утру пленные обязательно возвратились обратно в партизанский полк. Их предупредили, что если они этого не выполнят и вторично попадут в плен, то тогда им пощады не будет.

Туектинцы аккуратно выполнили взятое на себя обязательство.

Утром партизанские полки пошли в наступление. У Кеньгинского озера был замечен белогвардейский отряд из казаков и каракорумцев, численностью до 400 человек, под командой хорунжего Валуожанина.

Между партизанской разведкой и неприятелем завязалась перестрелка, которая скоро прекратилась, так как противник снял свою цепь и начал отступать по тракту сперва

на Кеньгу, а потом на деревню Туекта, где находились части прапорщика Кайгородова. Вслед за отступающим противником двигался 1-й партизанский полк, безостановочно направлявшийся на деревню Кеньгу, которую он занял к 11 часам дня.

Деревня Кеньга состояла из нескольких десятков незавидных крестьянских изб, возле которых находились юрты. Во всей деревне выделялась только одна усадьба — это резиденция богатого алтайского бая — конозаводчика Аргамая-Кульджина. Население этой небольшой деревни состояло исключительно из ойротов-алтайцев. Вся зажиточная часть деревни была на стороне белогвардейцев, другая же часть, не желая участвовать в борьбе, ушла в горы, так что при нашем вступлении в Кеньгу в ней не оказалось ни одного человека.

Разлагающая работа кулаков, затесавшихся среди партизан

Заняв деревню Кеньгу, 1-й партизанский полк должен был без остановки двигаться вслед за отступающим неприятелем. Но из-за недостаточно проявленной настойчивости со стороны командира тов. Никифорова партизаны его полка, под предлогом обеда, прекратили преследование отступающего неприятеля и сделали в деревне остановку. Во время этой остановки некоторые мерзавцы, с вредительской целью пробравшиеся в партизанские ряды, повели среди партизанской массы разлагающую агитацию, направленную, главным образом, против нескольких товарищей, членов штаба дивизии, и особенно против начдива.

«Начдив, — говорили они, — оторвал вас, крестьян, от родных хлебных деревень и завел в эту безлюдную пустыню, где вас ожидает голод и смерть».

Кулацкие провокаторы старались внушить партизанам, что руководящий состав дивизии, особенно Третьяк и Зырянов, обманывают партизан «и за это их надо поставить к стенке».

Так разлагающе действовала среди партизан в самые ответственные моменты примазавшаяся к партизанскому движению зажиточно-кулацкая группа. Родственные и другие связи с партизанами приводили к тому, что это кулацкое не только влияло на отсталую партизанскую массу, но иногда даже и на партизанский актив. Борьба с кулацкой агитацией была очень трудна. Она требовала большей гибкости от нас, а для достижения желаемых результатов необходимо было известное время. Штаб воздержался

пока принимать в отношении всей этой безобразной агитации какие-либо меры воздействия.

Победа у села Туекты Тем временем нам доставили неизвестного, которого партизаны задержали на тракте.

Оказалось, что задержанный сбежал из села Туекты, где служил в белогвардейских частях прапорщика Кайгородова. По словам пленного, у села Туекты завязался жестокий бой между казаками хорунжего Валожанина и какой-то неизвестной частью.

Было ясно, что с белогвардейцами ведет ожесточенный бой 2-й партизанский полк. Нужно было принять скорые и решительные меры для того, чтобы 1-й полк немедленно же выступил на помощь 2-му полку, на что я и указал командиру 1-го полка т. Никифорову, предупредив его, что необходимо также принять решительные меры и против кулацкой группы, которая ведет среди партизан разлагающую агитацию. Выслушав все это, тов. Никифоров понял, что на нем, как командире полка, лежит величайшая ответственность за исход боя, происходящего под Туектой. Поэтому, не возразив ни слова, он сейчас же вышел из волостного помещения и отдал командирам частей распоряжение немедленно построить полк. Не прошло и десяти минут, как полк уже был в полном сборе и по команде его командира быстро двинулся на село Туекту.

Впереди, между гор, виднелся протянувшийся черной каймой хорошо накатанный тракт. По тракту быстро понеслись одна за другой кавалерийские части полка. Местами возвышались обнаженные и скупо освещенные лучами осеннего солнца горные граниты, по отлогам которых ширились лесные пространства. По сторонам тракта глубокие горные котловины, покрытые сплошным ковром пожелтевшей от ночных заморозков травы. Уже слышалась раскатывавшаяся по горам оглушительная ружейная и пулеметная стрельба. Скоро из-за горы показалась деревня. Идущая впереди полковая разведка, связавшись со 2-м партизанским полком, донесла, что деревня Туекта находится целиком в руках 2-го полка, а фронт военных действий расположен уже за деревней, по направлению урочища Кура-ты.

После отступления неприятеля из деревни Туекты все крестьяне, мобилизованные прапорщиком Кайгородовым в Туектинскую дружину, сдались 2-му партизанскому полку и остались в своей деревне. Лишь зажиточные мужики отступили вместе с частями Кайгородова.

Партизаны в горах с. Туекты. С картины Д. Кузнецова

В туектинском бою партизаны отбили у неприятеля 25-ти зарядный автомат системы «Шош», один пулемет и некоторое количество патронов.

Тотчас же по вступлении в деревню Туекту вооруженные части 1-го полка были направлены на подкрепление 2-го полка. В деревне, в виде тыловой заставы, остались только незначительные маловооруженные части полка, которые занялись обезоруживанием туектинской дружины. Это было правилом партизан: все сдающиеся в плен и желающие работать с партизанами должны обезоружиться. Им винтовки пока не доверяли. Оставшись в партизанских частях, они на общих основаниях должны были в бою завоевать себе винтовку.

Оглушительная стрельба, между тем, продолжалась на фронте. Казаки и части прапорщика Кайгородова упорно отставали свои позиции, расположенные по горным отлогам.

Но вот подошли части 1-го полка. Оба партизанских

полка начали тогда обходить неприятеля с флангов и вскоре дружным напором выбили противника из позиции. В этом бою партизаны захватили у неприятеля две двуколки с 25 тысячами патронов, еще один 25-ти зарядный автомат «Шош» и взяли в плен 30 человек.

Взятие Онгудая Неприятель отступил по тракту на село и Хабаровки Онгудай.

В селе Онгудай было мало жителей. Одни из них, которые содействовали и оказывали поддержку неприятелю, например, богатые торговцы Варвинский, Табаков и им подобные, еще до подхода партизанских частей к Онгудая удрали в Монголию. Другие, как, например, кулаки, служившие в рядах частей прапорщика Кайгородова, погрузили на телеги весь свой домашний скраб, вплоть до столовых ложек, и направили целые обозы по Чуйскому тракту (под защитой отступавшего противника) на дер. Хабаровку. Осталась в селе лишь бедняцкая часть крестьянства, ожидавшая прихода партизан. Опасаясь происходившей в селе перестрелки, бедняки спрятались в подпольях своих домов. С нашим приходом начали они вылезать из своих убежищ и выходить на улицу.

Отступившие из села Онгудая по Чуйскому тракту неприятельские части значительно сократились. От них откололась и разбежалась по горам часть онгудайской дружины, за ней последовали и каракорумские части.

Преследуя неприятеля, партизаны захватили несколько десятков подвод, на которых удирали кулацкие семьи со своим скрабом. Весь этот захваченный обоз с кулацкими семьями партизаны обратно возвратили в село.

Как правило, партизаны всегда сурово расправлялись с теми кулаками, которые содействовали белогвардейцам или активно участвовали в дружинах. Кулацких же семей партизаны не трогали. Задерживая эти семьи, партизаны обычно приказывали им вернуться домой вместе с их имуществом.

Разгром банды Кайгородова Приподнятый боевой энтузиазм партизанских частей ломал все препятствия. Отступающий противник вынуждался сдавать одну позицию за другой. Вскоре он сдал партизанам и деревню Хабаровку.

Отступившие из деревни Хабаровки неприятельские части были встречены залповым оружейным огнем партизанской заставы, которую Какорин выслал туда еще до на-

ступления на Онгудай и которая состояла из хабаровских крестьян. Эти крестьяне знали очень хорошо местность, а потому незамеченными пробрались они через лес и вдоль тракта и заняли по отлогам горы скрытое удобное место. Дождавшись неприятельских частей, крестьянская засада открыла залповый оружейный огонь и привела неприятеля в замешательство. Засаде удалось захватить 50 вооруженных пленными и задержать 40 подвод, наполненных семьями отступающих кулаков-дружинников.

Основная же сила неприятеля все-таки прорвалась через партизанскую засаду и двинулась по Чуйскому тракту, взяв направление на гору Чикотоман. Отступая, белые пытались задержать наступление партизан. Партизанские части следовали за неприятелем по пятам и все время выбивали его из позиций.

В перестрелке у подножия горы Чикотоман партизанские части взяли в плен 50 вооруженных онгудайских и хабаровских дружинников и захватили неприятельский обоз, состоявший из небольшого количества винтовок и патронов, а также продовольственных запасов.

Перевалив через гору Чикотоман и взяв поселок Калчугень, партизаны повели дальнейшее преследование противника. Партизаны гнали его к Катуньским паромным переправам. Мы глубоко были уверены, что эти переправы, согласно оперативным планам штаба дивизии, находятся уже в руках 3-го партизанского полка и поэтому, выслав по берегам Катунь фланговые заставы, партизаны напрягли все свои силы, чтобы гнать врага именно к Катунским паромным переправам. Так предполагали мы взять в кольцо последнюю неприятельскую часть, насчитывающую 375 человек. Но, к сожалению, командир полка тов. Латкин не выполнил задачу, которая была возложена на него. Он не занял Катуньские паромные переправы и неприятелю был открыт свободный путь для отступления. Однако, группе разведчиков 2-го партизанского полка, во главе которой стоял тов. Клепиков, все-таки удалось на паромной переправе задержать до 125 белых. Среди пленных находились онгудайские, хабаровские и купчеганские вооруженные дружинники, а также 15 казаков. Пленные все были обезоружены и освобождены, за исключением, конечно, тех, которые были известны, как колчазовские каратели. С этими мы расправились, как полагаются.

Эсер, оказав-; По каким же причинам 3-й партизанский
ший услугу полк не занял катуньские паромные пере-
бандам правы?

Сейчас, в свете документов и показаний партизан вопрос может считаться вполне выясненным.

С. Г. Латкин, командир 3-го партизанского полка, до прихода партизанских полков в Абай, находился всецело под влиянием эсеровского руководства¹. Представителям партизанских полков Латкин не сообщил, что имеется подпольный районный Усть-коксовский ирениный эсеровский штаб, который задался целью затормозить и сорвать проведение всех мероприятий, намеченных объединенным военным заседанием, а впоследствии штабом дивизии. Если бы тов. Латкин на военном заседании чем-нибудь оговорился, то вполне понятно, что штаб дивизии принял бы соответствующие меры для ликвидации этого районного Усть-коксовского военного эсеровского штаба. Абайское объединенное военное заседание, как мы указывали, утвердило Латкина в качестве командира 3-го партизанского полка. Дальнейшие события показали, что Латкин не оправдал нашего доверия. Он, как известно, должен был в двухсуточный срок реорганизовать все существующие на Уймоне повстанческие отряды, объединить их в 3-й партизанский полк и произвести, для пополнения полка людским составом, мобилизацию уймонского мужского населения. После выполнения этих задач т. Латкин должен был немедленно выступить с Уймона через Катанду, Тюнгур, Сак-Ярык для занятия катуньских паромных переправ, чтобы отрезать кайгородским частям путь отступления. Такое именно задание поручил ему штаб дивизии.

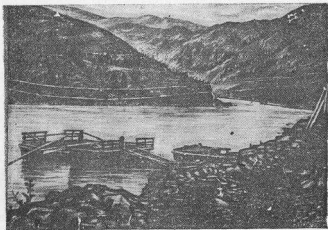
Правда, путь продвижения 3-го полка был затруднительным. Местами надо было переходить горно-скалистыми тропами над глубокими обрывами Катунь. Однако, военное заседание учло все эти обстоятельства и дало 3-му партизанскому полку достаточный срок для того, чтобы быть в состоянии своевременно выйти к месту назначения и своевременно занять катуньские паромные переправы.

Сам С. Г. Латкин объяснял срыв задания тем, что по берегам реки Катунь, в пути следования, 3-й партизанский полк все время задерживался заставами прапорщика Кай-

¹ Л. П. Мамет в своей книге „Эйротия“,—книге, к слову сказать, блещущей многими нелепостями,—пишет (на стр 98): „На съезде была большая группа эсеров, но большевики, под руководством т. Латкина, решительно выступили против них“. Все сказанное здесь о Латкине—сущий вздор. Латкин никогда большевиком не был и никакими большевиками он не руководил. Латкин сам был эсером. Когда партизанское движение в Горном Алтае начало разворачиваться под большевистским руководством, Латкин, чтобы вкратце в доверие к большевикам-руководителям партизанского движения, объявил себя большевиком. По существу же Латкин был тайным эсеровским агентом в партизанских рядах.

городова. Документы и живые очевидцы утверждают, между тем, противоположное. Кайгородовские заставы были малочисленны и не могли служить затруднением для передвижения такой силы, какую представлял из себя 3-й партизанский полк. Документы в то же время указывают, что Латкин имел тесный контакт с Усть-коксинским эсеровским штабом, который умышленно задерживал выступление 3-го полка на Уймоне. Вмешательство предателей эсеров, — вот что послужило главной причиной невыполнения оперативной задачи, возложенной штабом на 3-й партизанский полк. Эсеры показали себя в этом деле провокаторами и колчаковцами.

Мы знали, что Латкин, до прихода в село Абай партизанских полков, имел тесную связь с уймонскими эсерами. Но мы не предполагали, что эта связь будет продолжаться и после того, когда он, по воле делегатов Абайского военного заседания, стал командиром 3-го партизанского полка. И вот, вместо того, чтобы, как командир полка, немедленно приступить к выполнению возложенных на него боевых заданий, Латкин связался с районным Усть-коксинским эсеровским военным штабом. При помощи Латкина заповили эсеровского штаба рассчитывали вернуть себе свое потерянное влияние на партизан. И Латкин готов был содействовать им в этом, но находил, что надо еще несколь-

Парошная переправа на р. Катунь

ко повременить. Вместо быстро и решительного выполнения боевого задания Латкин вступил в длительные и нудные переговоры с контрреволюционной эсеровской группировкой, чем обрек вверенный ему 3-й партизанский полк на бездействие, облегчив, таким образом, кайгородовцам вырваться из партизанского кольца.

Счастье Латкина, что мы про все это узнали лишь недавно. Если бы мы истинную подоплеку всей этой истории узнали тогда, то он за свою предательскую деятельность получил бы заслуженную «благодарность».

Хотя эсеры и помешали партизанам окончательно разгромить кайгородовские банды у Катунской паромной переправы, но тем не менее весьма значительна была победа, которую партизаны одержали в этом наступлении.

Части прапорщика Кайгородова, составлявшие вместе с казаками, находившимися в Теньге, более тысячи бойцов, вооруженных винтовками, а также шашками и наганами, были разбиты слабо вооруженными частями 1-го и 2-го партизанских полков.

Только благодаря предательским действиям командира 3-го партизанского полка т. Латкина, который не занял катунских паромных переправ, сумели вместе с Кайгородовым удрать за реку Катунь не больше двухсот белых. Все же остальные были в разных местах взяты в плен партизанскими частями и обезоружены.

После разгрома банды Кайгородова В боях под Туектой, Онгудаем, Хабаровкой и т. д. мы в общем захватили свыше 800 трехлинейных винтовок, почти такое же количество кавалерийских шашек, очень много наганов, два пулемета, два 25-ти зарядных автомата и большое количество патронов.

В этих боях противник понес большие потери.

Были потери и на стороне партизанских частей. Помимо убитых и легко раненых, в село Онгудай было доставлено 12 тяжело раненых партизан, которые нуждались в немедленной медицинской помощи. Надо сказать, что с оказанием медицинской помощи у нас дело обстояло плохо, так как в нашем распоряжении не было ни одного врача. Были только два фельдшера, работавшие в полковых околотках, но эти околотки находились в деревне Туехте. Поэтому, для оказания тяжело раненым медицинской помощи тов. Какорин пригласил прибывшую в с. Онгудай К. Н. Герасимову, служившую раньше в Усть-канском обществе потребителям счетоводом, но знавшую медицинское дело. Герасимова сделала всем раненым перевязки. Появле-

ние тяжело раненых побудило штаб организовать лазарет в селе Онгудай.

После разгрома банды Кайгородова и его помощников партизанские части стали возвращаться с фронта и размещаться по деревням Чуйского тракта.

По распоряжению штаба, командир 1-го полка тов. Никифоров со своими частями разместился в деревне Туекта. На полк возложена была обязанность через наблюдательные посты и глубокие разведочные раз'езды следить за движением противника, так как именно со стороны Шебалино и Бийска можно было ожидать наступления белогвардейских карательных отрядов.

2-му партизанскому полку штаб дивизии предложил выделить наблюдательную часть, которая до прихода 3-го полка должна остаться в качестве заставы на горе Чикотомана со стороны пос. Купчегань. Впоследствии одна часть полка временно разместилась в дер. Хабаровке, а другая, вместе со штабом, в селе Онгудай. Командиру бригады, тов. Усову, начдив поручил посылку группы партизан для связи с 3-м партизанским полком.

Заслуженный Партизанские части расположились на отдых по деревням Чуйского тракта. Свой отдых они употребили на то, чтобы сманывать с гор онгудайских, хабаровских и купчеганских дружинников, которые после боев разбегались и скрывались в горах. В этой работе партизанам оказывало содействие и местное население, главным образом те дружинники, которые во время боев были захвачены в плен, обезоружены и отпущены домой.

Видя, что партизаны их не преследуют, они сами уезжали в горы разыскивать своих односельчан, убеждать их, и беглецы начали группами спускаться с гор.

Надо отметить, что для партизан было особенно важно собрать разбежавшихся по горам людей, ибо все они были вооружены хорошими винтовками. Нередко бывшие в кайгородских частях каракорумцы, получив раз'яснение о целях и задачах партизанского движения и видя внимательное отношение к себе, как к пленным, сами добровольно вступали в партизанские отряды. Они уходили в горы за спрятанными винтовками и возвращались уже вооруженными к нам.

В это время прибыл в Онгудай обоз нашей хозяйственной части, которая оставлена была в Барагаше, когда мы повели наступление на Шебалино.

В пути команда обоза встретила Чемрова с 15 повстанцами. Имя Чемрова было тогда достаточно известно среди партизан. Салютом встретила команда обоза его решение примкнуть к нам. Чемров, однако, свое почетное звание партизана не оправдал.

3-й партизанский полк, выйдя с Уймона на Чуйский тракт, по распоряжению начдива был размещен в деревнях Хабаровке и Капчугине, а части 2-го партизанского полка были сосредоточены в селе Онгудае.

Таким образом, расположившись по деревням, лежащим по Чуйскому тракту, партизанские полки, помимо сторожевой охраны, продолжали вылавливать скрывавшихся по горам колчаковских дружинников и каракорумцев. В занятых деревнях штаб организовал гражданскую власть: вместо контрреволюционных волостных земских управ повсюду были восстановлены волостные и сельские ревкомы.

Партизанский наблюдательный пост. С картины Д. Кузнецова

Развитие хозяйственного отдела В связи с увеличением людского состава партизанских полков требовалась также более четкая постановка работы отдела хозяйственной части. Обстоятельства властно указывали на необходимость организации подсобных мастерских, как-то: ремонтно-оружейной, сапожной, пошивочной и т. д. Штабу совместно с начальником хозяйственной части г. А. Трепиным пришлось вплотную заняться работой.

Особенно отличалась ружейно-ремонтная мастерская под руководством тов. Захарова, знавшего хорошо химическое дело. При помощи одного немца-военнопленного эта мастерская вскоре стала не только ремонтно-оружейной, но и химической. Мастерская производила ремонт готового оружия, а также изготавливала и начиняла патроны, для которых после боев партизаны обязаны были подбирать гильзы. В мастерской делались также капсулы. Придумали даже особый способ выработки пороха. Большую помощь этой химической мастерской оказало горнокрестьянское население, занимавшееся охотничьим промыслом. Оно сохранило у себя еще с довоенных времен некоторые запасы пороха, олова, свинца и другого материала, пригодного для изготовления боевых припасов. После соответствующего обращения штаба крестьяне охотно приносили и сдавали в отдел хозяйственной части сохранившиеся у них материалы. Впрочем, иногда приходилось применять и принудительные меры, так как были и такие, которые уклонялись от сдачи сохранившихся у них запасов. У подобных лиц производили обыски и забирали припрятанный порох, олово, свинец, капсулы.

Пошивочная мастерская тов. Шаромова была укомплектована знающими ремесленниками. Здесь ремонтировалась старая поношенная одежда. Впоследствии мастерская наладила в широком размере пошивку обмундирования для партизан, а также выработку новых овчинных полушубков. Из партизан в селе Онгуде была также укомплектована и ремонтно-обувная мастерская.

Всю сложную работу хозяйственной части при штабе дивизии выполняли партизаны, кое-как умевшие писать. Понятно, что справиться с этой сложной канцелярской работой они не могли. Получив сведения, что на Уймоне находятся эсеры, работавшие в волостных земских управах, штаб решил использовать их, под соответствующим контролем, в качестве технических работников. На Уймон была послана группа партизан во главе с тов. К. Зиновьевым, которому штаб поручил потребовать от находящейся на Уймоне эсеровской интеллигенции немедленной явки в распоряжение штаба партизанской дивизии. Если же они не

подчинятся этому требованию, то арестовать их всех и под конвоем доставить в штаб.

Борьба с упадочнической и местнической и настроенями

наших деревень. Нужно поставить перед штабом дивизии вопрос о направлении партизан в районы, где расположены наши деревни».

Подобные разговоры штаб рассматривал, как нездоровые. Для устранения такого рода настроений штаб решил созвать на военное совещание командный состав всех трех полков и рядовых — представителей от различных партизанских частей.

Вечером 28 октября в одном из помещений села Очугдая открылось расширенное военное совещание с основным вопросом: дальнейший план военных действий партизанских полков. Затем поставили на обсуждение вопрос о борьбе с нездоровыми настроениями и агитацией, которая велась в том смысле, что партизаны должны защищать только свои деревни.

По первому вопросу возникли на совещании горячие споры. Многие делегаты от 1-го и 2-го полков, а также некоторая часть командного состава настаивала на том, чтобы дальнейшие военные действия партизан сосредоточить в тех районах, откуда вышли партизанские полки. Они доказывали, что в этих районах особенно свирепствует колчаковщина, а семьи партизан погибают.

Было бесспорно то, что в деревнях, из которых крестьяне находились в партизанских рядах, свирепствовала колчаковщина. Но соглашаться с подобными доводами нельзя было, ибо это послужило бы поддержкой вреднейшей тенденции многих партизан защищать только свои деревни. Победа такой тенденции должна была вновь разединить партизанские полки и тем самым ослабить их боевую мощь. Штаб же считал своим долгом самым решительным образом бороться за интересы общего дела.

Агитацию против штаба вел, под маской партизан, зажиточно-кулацкий элемент, находившийся среди партизанских полков.

В своем выступлении начдив указал, какой непоправимый вред получится, если партизанские полки будут направлены в районы для защиты их деревень. Выборный штаб не может допустить, чтобы ради защиты отдельных деревень разединить партизанские полки и тем самым об-

легчить колчаковцам разгром всего партизанского движения.

После начдива выступили еще и другие товарищи: начальник штаба дивизии Зырланов, помощник командира 1-й бригады Ряполов, разведчик 2-го полка Мунгалов-Мотин и другие. Все они также убеждали, что партизанские полки не для того формировали и объединяли свои силы, чтобы потом обратно раз'единиться...

После долгих споров делегаты военного совещания согласились с лозодами штаба партизанской дивизии.

Было решено: в виду того, что Чуйский тракт представляет из себя один из важнейших пунктов, на котором неприятель сосредоточивает свои силы, военные действия партизанских полков на ближайший период сосредоточить только в полосе, прилегающей к Чуйскому тракту.

Такое решение по первому вопросу уже позволило не останавливаться долго на втором вопросе. Всем делегатам военного совещания, а особенно командирам полков, было предложено после возвращения в свои части повести решительную борьбу с теми, кто примазался к партизанскому движению, кто под маской партизан ведет агитацию, направленную к ослаблению партизанского движения.

Поздней ночью военное совещание было закрыто. В штаб дивизии был введен представитель 1-го партизанского полка тов. Коробкин для усиления связи штаба и с этим полком.

3. ДАЛЬНЕЙШИЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

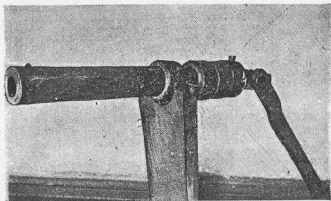
Жестокий бой под Туектой Отступавшие по Уймонскому тракту бело-гвардейские части полковника Хмелевского и начальника туземного дивизиона, поручика Серебренникова получили подкрепление в количестве 1800 человек. В их состав входили Алтайская и Шебалинская карательные кулацкие дружины и отряд поручика Гордиенко, который продвигался левым берегом реки Катунь, в обход партизанам, чтобы выйти им в тыл между Туектой и Онгудаем.

Ранним утром белогвардейские части повели наступление на занимаемую 1-м партизанским полком деревню Туекту. Их наступление совпало с моментом, когда, по халатности командиров, все ночные раз'езды и посты 1-го

полка были сняты для задержки двигавшегося по направлению деревни Туекты отряда в сто вооруженных каракорумцев.

Восемь партизан, зная, конечно, о наступлении серебряниковцев и других, отправились за сеном для своих лошадей. Все восемь были захвачены карателями. Семь партизан (мало-башцелакские крестьяне Л. М. Михайлов, Е. П. Нальхин, С. Е. Шаталов и другие) были карателями зверски замучены. После истязаний и порок их привязали к хвостам лошадей и волочили по земле между кустарниками. Из всей группы скрыться удалось только одному партизану. Он вернулся в полк и немедленно доложил штабу о белогвардейском наступлении на деревню Туекту. Штаб полка сейчас же поднял тревогу. Разместившиеся по крестьянским избам партизаны стали выходить на улицу, спринтаться по своим частям, и, под командой своих командиров, быстро занимать позицию. Одна часть партизанского полка заняла северо-восточные возвышенности над деревней, а другая часть переехала небольшую горную речку. Обе части начали обстрел наступающих белогвардейских частей.

Получив донесение о наступлении белогвардейцев на деревню Туекту, штаб дивизии быстро наметил план по укреплению занимаемой 1-м партизанским полком позиции.

Одна из самодельных пушек, которая действовала во время боев

Стоявшему в селе Онгудай 2-му партизанскому полку дается нацдивом распоряжение немедленно выступить в направлении к селу Туекта. Какорину было приказано из урочища Кураты повести часть полка через каракольские горы, чтобы выйти противнику в тыл со стороны Кенги. Вторая часть полка вместе с 1-м партизанским полком должна была вести наступление под Туектой. Помимо этого был вызван из деревни Хабаровки в село Онгудай весь 3-й полк, которому вменялось в обязанность занять проходы.

Так были расставлены по горным ущельям против наступающих белогвардейских частей силы партизанских полков.

Белогвардейцы открыли сильный огонь по занимаемой партизанскими позициями. Они пытались овладеть деревней Туектой. Несмотря на упорное сопротивление партизан, им удалось захватить несколько крестьянских домов, лежавших на отлете в конце деревни. Однако, под натиском партизан белые вскоре оставили занятые ими крестьянские дома, отходя и занимая позиции по отлогам горно-каменистых выступов, откуда повели сильный ружейный и пулеметный обстрел нашей позиции.

Неприятельскую и партизанскую позиции разделяла ровная открытая небольшая площадь, объединяющая возле самой деревни два узких прохода Зайсанской елани с Чуйским трактом.

Эта открытая ровная площадка и служила местом жестокого боя между наступающими белогвардейскими частями и защищающими деревню Туекту партизанскими полками. Противник длинной цепью расположился по обеим сторонам площадки, а по юбкам сторонам деревни залегли партизанские части. Между позициями противника и партизан было не более 200 сажен.

Партизаны прибегали к ружейно-залповому огню только тогда, когда противник переходил в наступление. На стороне партизан работали 25-зарядные автоматические ружья и пулеметы, а также гудко постукивали изготовленные тов. Стрельниковым две самодельные пушки.

Все попытки противника переходить в наступление получили отпор. Он вынужден был отступить. Партизаны в продолжение двух с половиной суток не выходили из скрытых, защищающих их от неприятельских пуль, позиций, откуда они днем и ночью отбивали нападение противника.

На третьи сутки, когда белогвардейские части возобновили сильный огонь, партизаны завязали с неприятелем комический разговор. Зная, что скоро должны выйти в тыл

неприятелю ушедшие в обход части 2-го партизанского полка, партизаны, прокричали белогвардейцам:

«Бросьте стрелять и впустую тратить патроны, поскорее смазывайте салом пятки».

Белогвардейцы ответили:

«Мы на этот раз не намерены от вас бежать, вы к нам приходите за сахаром, мы для вас его из Бийска привезли».

«Если он у вас есть, то мы его возьмем и без вашего приглашения», — едко заявили тогда партизаны в ответ.

Партизаны в виде шутки вздергивали на тычину старую, потрепанную шубенку и из-за камней поднимали ее вверх. Когда это чучело поднималось, то белогвардейцы, предполагая, что это человек, открывали бешеный огонь. Все чучело оказалось изрешеченным пулями.

Лишь на третьи сутки к двум часам дня части 2-го полка успели зайти в тыл неприятелю. Они заняли южнее тракта по отлогам гор позицию и, по команде Какорина, открыли с тыла залповый ружейный огонь по густо залегавшей неприятельской цепи.

Неожиданный обход привел белогвардейские части в замешательство. Они в беспорядке снялись с позиции и быстро бросились к своим лошадям.

В это время открылась оружейная залповая стрельба с другой стороны тыла неприятельской позиции. Это стреляли зашедшие в неприятельский тыл остальные части 2-го партизанского полка. Узнав, что неприятель окончательно обойден с тыла, партизаны вскочили на своих лошадей и с криком «ура», бросились сплошной лавиной в атаку на белогвардейские части.

Неприятель не выдержал этого натиска и начал отступать в полнейшем беспорядке, неся большие потери убитыми и ранеными.

Одна часть отступила по тракту на Кенгу, а другая — по Зайсанской елани.

Партизаны преследовали белогвардейцев на протяжении почти стоверстного расстояния: от деревни Туекты до села Шебалино.

Партизаны нигде не дали отступающему противнику задержаться даже для того, чтобы только обменять лошадей.

Партизаны настигали белых и расправлялись с ними.

Особенно много беляков было задержано на Семинском перевале. Иные беляки бросали усталых лошадей и пешком, пробираясь логами, уходили в заросшие лесом горы. По только-что выпавшему снегу партизаны без труда устанавливали, куда скрылись отступающие, нагоняли их, забирали в плен и обезоруживали.

Командир 4 партизанского полка Устинов Т. Ф.

Эта победа доставила партизанам в виде трофеев большое количество лошадей. И партизаны обменивали своих усталых, истомленных на свежих, хороших, горно-алтайских лошадей.

Основные белогвардейские части, объединившись возле д. Топучей, без оглядки удирали в направлении села Шебалино.

Поздним вечером передовые партизанские части дошли до села Шебалино и заняли его. Дальнейшее преследование отступающего противника они прекратили из-за усталости и наступившей темноты.

Потери белогвардейских частей были значительны. В районе Кеньгинской долины, перед самым Семинским перевалом, партизаны захватили белогвардейский обоз, состоявший из 12 подвод, в которых находились продовольствие, патроны, небольшое количество винтовок и другие материалы.

Во всей туектинской операции партизаны взяли около 100 пленных. Матерых карателей партизаны расстреливали на месте, остальные же пленные обезоруживались и распускались по домам. Кто пожелал, тот мог оставаться в рядах партизан, но им оружия не оставляли — пусть завоюют себе оружие в бою.

Передовые партизанские группы, заняв село Шебалино, на некоторое время остановились там в ожидании, пока подтянутся остальные части.

Шебалинские крестьяне рассказывали, что когда белогвардейские части направлялись через это село в наступление на деревню Туекту, то многие из бийской мещанской интеллигенции, находившейся в дивизионе поручика Серебренникова и в частях полковника Хмелевского, на вопрос: «Куда вы идете?» хвастливо отвечали: «Идем бить красных, в плен живых брать не будем, а будем бить и в Катунь топить».

За счет уничтоженного в бою противника значительно увеличилось количество нашего вооружения. Было взято до 600 винтовок, несколько тысяч патронов, большое количество лашек, нагаев, гранат. И на этот раз были также взяты 25-ти зарядные автоматы «Шош».

Партизаны по-своему славят полковника Хмелевского и, особенно, поручика Серебренникова: «Хорошие, паря, доставщики. Сколько они уже перетаскали нам из Бийска оружия!»

Действительно, за счет оружия белых частей партизанские полки вооружились и стали уже представлять собой хорошо вооруженную силу. У партизан было приподнятое настроение. И когда разнесся слух, что по Чуйскому тракту из Бийска идут в горы с двумя горными орудиями чехо-словаки, партизаны с большим удовольствием поджидали их и между собой поговаривали: «Ну, паря, с приходом полковника Хмелевского и поручика Серебренникова мы сменили свои пики на военные винтовки, а теперь, если придут чехи, то сменяем и свои самодельные стрелниковские пушки на настоящие».

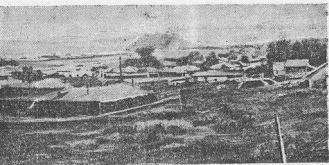
Но чехи свирепствовали только в степи, в горы идти опасались...

Формирование 4-го партизанского полка В связи с быстрым увеличением состава партизанских полков штабу партизанской дивизии в селе Шебалино пришлось сформировать 4-й партизанский полк, командиром которого был назначен Т. Ф. Устигов, бывший фронтовик, крестьянин села Сентелека. В рядах этого полка находилось много бывших дружинников. Надо сказать, что многие из этих дружинников впоследствии активно участвовали в боях, завоевали себе винтовки и зарекомендовали себя, как хорошие партизанские боевики.

Вновь сформированный 4-й партизанский полк предназначался для охраны всех нестроевых частей в Шебалино. Остальные три партизанских полка утром 2 ноября оставили село Шебалино и взяли направление к селу Алтайскому, где были сосредоточены белогвардейские части Хмелевского, Федоровича, Серебренникова и др. Партизаны растянулись больше чем на два километра стройной лентой по 4 человека в ряд. Пустив вперед разведку, они двигались по Чуйскому тракту через деревню Муюту на село Черга.

Одновременно выступил из Шебалино и 2-й партизанский полк, который тоже держал путь на село Алтайское, но двигался тропами между горными ущельями по маршруту: Барагаш, Ильинка, Тоурак, Куяган, Ново-Никольское, Верх-Баранка.

Отношение крестьянства к партизанскому движению Того же дня вечером 1-й и 3-й партизанские полки заняли без всякого препятствия большое крестьянское село Черга. Оба полка разместились по крестьянским дворам. Партизаны завязали с крестьянами бе-

Село Алтайское. Место боя.

седы. В этих разговорах партизаны рассеяли белогвардейские бредни о партизанах. Например, среди чергинских крестьян белые распространяли слух, что партизаны всех без разбору убивают.

На другой день штаб партизанской дивизии созвал сельское собрание, на котором разъяснил крестьянам цели и задачи партизанского движения. Эта разъяснительная работа изменила настроение крестьян и улучшила их отношение к партизанам. И в этом селе мы натолкнулись на знакомую нам картину: кулаки-дружинники эвакуировались с белогвардейскими частями, а остальные кулаки, узнав о нашем приближении, удрали в горы. В самом селе, по обыкновению, осталось только бедняцко-средняцкое крестьянство. На собрании многие из них изъявили свое согласие на добровольное вступление в партизанские части. После собрания они приступили к сбору припрятанного охотничьего оружия и к ковке пик. В селе мы реорганизовали гражданскую власть: назначили ревком, который немедленно приступил к выполнению своих обязанностей. На закиточно-кулацкие хозяйства мы возложили главную тяжесть по снабжению партизан продовольствием.

В этом же селе мы от крестьянина, в доме которого до нашего приезда был расположен белогвардейский штаб, получили более подробные сведения о действиях мамонтовских партизанских частей, которые оперировали на территории нынешних Барнаульского и Рубцовского районов. Здесь мы получили также кое-какие сведения о действиях

партизанских отрядов Рогова. Все эти сведения высоко подняли боевое настроение партизан.

Одновременно все более возрастало благоприятное отношение к партизанам со стороны беднячко-средняцкого населения не только села Черги, но и близлежащих деревень. Эти бедняки и середняки стали посылать в штаб партизанской дивизии делегации с запросом: что им делать в связи с приближением партизанских полков к их деревням. Мы инструктировали этих делегатов в том смысле, чтобы по возвращении в свои деревни они немедленно приступили к формированию партизанских отрядов, действия которых, до подхода партизанских полков, направить для самооборонения своих деревень и наблюдения за движением противника, о чем немедленно сообщать нам в штаб.

Так день от дня, за счет добровольно примыкающего беднячко-средняцкого крестьянства, быстро росло и ширилось партизанское движение.

Рост партизанского движения приводил в бешеную ярость белогвардейцев и наводил панический страх на жалиточью-кулацкую часть деревни. Кулачье ранее питало надежду, что повстанческое движение возглавят заправилы из эсеровского лагеря и проведут его по их, кулацкому, пути. Кулаки поэтому часто примыкали к повстанцам. Когда же они увидели, что повстанческое движение, объединившись в одно целое, отбросило от себя эсеровских заправил и вместо выдвинутого эсерами лозунга «Учредительное собрание» ведет борьбу под лозунгом партии большевиков за восстановление власти советов, они поняли, что все их расчеты и надежды на разложение повстанческого движения рухнули и они начали в одиночку и группами переходить в лагерь той части кулачества, которая с первых же дней повстанческого движения организовалась в карательные кулацкие дружины, действовавшие заодно с белогвардейцами.

Так произошло расслоение крестьянского населения и расстановка классовых сил в связи с продвижением вперед партизанских полков, с успехами партизан.

Наступление на село Алтайское 5 ноября, ранним утром, 1-й и 3-й партизанские полки выступили из села Черги и стройной лентой двинулись по извилистому Чуйскому тракту. Впереди полков шли разведки, тщательно осматривавшие горные ущелья, чтобы не наскочить на неприятельскую засаду.

С севера дул холодный ветер. Холод давал себя сильно чувствовать легко одетым партизанам. Находились, однако, среди партизан такие экземпляры, которые не только

сами были тепло одеты, но носили в своих троках и запасные тулупы, в которых так сильно нуждались полураздетые, рядом с ними ехавшие партизаны. Мы вывели этих экземпляров из строя и предупредили их, чтобы они при себе никаких запасных вещей не возили. Им было предложено немедленно передать запасные тулупы тем партизанам, которые в них нуждаются.

Партизанские полки заняли деревню Нижний Комар. Здесь к партизанским частям добровольно присоединилось около 40 бедняков и середняков — жителей этой деревни.

После небольшой передышки партизаны двинулись вперед по направлению к деревне Сараса, которая отстоит в 8-9 километрах от села Алтайского, где были сосредоточены главные силы противника.

На этом участке, в связи с приближением к месту нахождения неприятеля, особенно надо было быть бдительным, чтобы не наскочить на скрытые среди горных ущелий неприятельские заставы.

Находящаяся в деревне Сараса неприятельская застава в 150 человек, заметив приближение партизанских полков, начала отступать к селу Алтайскому. Благодаря быстрому и неожиданному появлению в деревне разведки 3-го партизанского полка удалось захватить в плен 18 белогвардейцев, вооруженных винтовками и пулеметами. Деревня Сараса была, таким образом, без боя занята партизанскими частями.

Против наступающих партизан штаб Хмелевского двинул из села Алтайского все свои силы, их было до 1500 человек. Вполне понимая, что находящиеся в селе Алтайском главные неприятельские силы попытаются вытеснить нас из деревни Сараса, мы начали тщательно готовиться к наступлению. Мне, как командиру партизанской дивизии, пришлось непосредственно руководить этой подготовкой. Вместе с командиром 1-го полка, т. Никифоровым, мы быстро наметили план: 1-й и 3-й полки развернутым фронтом ведут из деревни Сараса наступление на село Алтайское, при чем 1-й полк наступает юго-восточной стороной, т.е. правее тракта, а 3-й полк — юго-западной стороной, т.е. левее тракта.

Предполагалось по плану, что с западной стороны выйдет на село Алтайское 2-й партизанский полк.

Взятие села Алтайского В четырех километрах от села Алтайского 1-й и 3-й партизанские полки встретились с белогвардейскими частями. Белогвардейцы в продолжение четырех часов оказывали упорное сопротивление. По

всей линии фронта раздавалась с обеих сторон ружейная, временами залповая стрельба.

В бою участвовало много пулеметов.

Находившийся на фронтовой линии гармонист, баше-лакский партизан т. П. Клишин, начал заигрывать на гармошке. На призыв заигравшей гармошки стал подпевать другой партизан Д. Кузнецов:

Партизаны молодцы
Пики держат крепко,
Белых бьют во все концы
И стреляют метко...
Винтовочка бей,
С пикой не робей.
Подтянись, товарищ, смелей...

Белые упорно сражались, но не могли устоять против нашего дружного натиска: они принуждены были отдавать нам одну позицию за другой. Когда же противник понял, что ему не отбить натиска наступающих с трех сторон партизанских частей, то он снялся со своей позиции и начал быстро отступать на село Алтайское. Тогда партизанские части, воспользовавшись ночной темнотой, начали охватывать село Алтайское с трех сторон и даже стали заходить и занимать окраины села. Противник вынужден был быстро отступить и от этого села, взяв направление на село Смоленское.

Таким образом, в ночь с 5 на 6 ноября партизанскими частями 1-го и 3-го полков было занято большое торговое село Алтайское.

Во время этого наступления партизаны понесли следующие потери: десять человек раненых и двое убитых.

Село Алтайское до прихода партизанских полков всецело было подчинено коменданту района, штабс-капитану Федоровичу. Он организовал из кулацкого слоя деревни карательные дружины, производившие самую зверскую расправу как над единичными партизанами, так и над целыми деревнями, которые считались застрельщиками партизанства. В самом Алтайском, под руководством того же штабс-капитана Федоровича, производились аресты, порки, истязания и расстрелы всех подозревавшихся в большевизме. В этих зверских истязаниях особенно отличался сын отставного военного врача Миткевича («Барич»). Опасаясь возмездия за свои зверские проступки над повстанцами, зажиточно-кулацкая и торговая верхушка села Алтайского с отходом партизанских полков оставила село и ушла вместе с белогвардейскими частями. Бедняцко-средняцкий слой

с большим энтузиазмом приветствовал пришедших партизан.

Многие из них добровольно вступили в состав партизанских полков.

В селе Алтайском выделялись купеческие дома и торговые склады купцов Рождественского, Фирсова, Грековых и ряда других обирал алтайского и монгольского населения. Некоторые местные крестьяне попытались было защитить имущество, оставшееся в этих домах. Штаб не замедлил предупредить местное население, что замеченные в грабеже и хищении будут подвергаться суровым наказаниям. Уполномоченным отдела хозяйственной части было предложено немедленно осмотреть оставленные без надзора дома и изъять для нужд партизанской армии всю готовую одежду, обувь, белье, мануфактуру, ючины, кожи, медикаменты и т. п. предметы.

Чтобы предупредить нападение белогвардейцев на село Алтайское, 2-й партизанский полк, прибывший в село после его занятия, выступил в расположенное в семи верстах большое крестьянское селение Нижняя Каменка, а 3-й партизанский полк выделил вооруженную заставу, укрепившуюся в 20 верстах от села Алтайское, в деревне Россоши. Все эти действия предпринимались, согласно указаниям штаба дивизии.

Заботы хозяйственного отдела

В связи с занятием села Алтайского и других деревень, усложнилась работа по руководству партизанским движением. Увеличился состав партизанских частей, наступили зимние холода и т. д. Все это требовало от штаба партизанской дивизии и от его отдела хозяйственной части развертывания заготовок продовольствия, фуража и т. д. Партизаны захватили у гуртоправов 450 штук крупного рогатого скота и 800 штук монгольских баранов. Было отдано распоряжение о немедленном забое скота. Все сырье спешным порядком сдавалось на заводы, которые были взяты на учет и мобилизованы для выделки кож и овчин для сапожной и пошивочных мастерских. Производилась также починка обуви и полушубков для партизан. Для забойки скота была сформирована нестроевая рота, целиком состоявшая из ойрот-алтайцев (150 человек).

Прибывшие из Черги нестроевые части вместе с хозяйством разместились в Алтайском и здесь развернули большую работу не только по ремонту и перешивке старой обуви и одежды, но и по изготовлению новых полушубков и всякой другой теплой одежды. Сырье для этой мас-

терской образовалось из конфискованного у кулаков имущества.

В связи с выходом в хлебный степной район была возвращена работа по заготовке фуража и продовольствия.

Беднячко-средняцкое крестьянство всеми средствами старалось оказывать нам поддержку. Оно снабжало партизан продовольствием и фуражем.

День и ночь работали несколько крестьянских мельниц, взятые на учет и мобилизованные для размола зерна, поступающего из деревень в распоряжение отдела хозяйственной части.

Заготовка продовольствия и фуража велась посредством разнарядок по деревням.

За производимые заготовки продовольствия и фуража хозяйственная часть выдавала временные расписки, по которым крестьяне в будущем, при восстановлении совласти, могли получить деньги за сданный продукт. Насколько мне известно, расплата по этим распискам действительно производилась.

В селе Алтайском лазарет находился уже в более сносных условиях. В лазарете насчитывалось около 50 тяжело раненых партизан. Плохо только обстояло дело с медицинскими работниками. Попрежнему не было ни одного врача. Больных приходилось обслуживать только двумя фельдшерами: К. Черепанова, да К. Герсимовой.

Формирование 9-го и 5-го партизанских полков Беднячко-средняцкое крестьянство значительно увеличило численность наших бойцов.

Пришлось, поэтому, сформировать некоторые новые полки. Так, например, был сформирован полк

Командир 9-го Айского полка - Волосников К. Г.

в деревне Аие. В состав этого полка вошли те самоохранные отряды, которые по указанию штаба были организованы в некоторых предгорных деревнях еще до того, как партизанские полки заняли село Алтайское. Вновь сформированный в деревне Аие полк был назван «9-м Айским партизанским полком». Командиром его был Нижне-Каячинский крестьянин-середняк К. Г. Волосников, бывший фронтовик, а начальником полкового штаба был нижне-каячинский крестьянин С. М. Леонтьев, также бывший фронтовик. Оба они впоследствии погибли во время боев на Айской паром-

ной переправе через реку Катунь. Волосников был взят в плен улалинским карательным отрядом и зверски изрублен, а Леонтьева в том же бою (23 ноября) смертельно ранили и на четвертые сутки он скончался.

Подобный же отряд был сформирован и в Черно-Ануйском районе. Этот отряд наименовали «5-м Алейским партизанским полком».

Итак, с занятием села Алтайского, партизанские полки не только очистили от белогвардейцев-территорию, расположенную вдоль Чуйского тракта на протяжении 250 километров, но и создали на этой территории советскую гражданскую власть в виде ревкомов. Этим самым мы добились прочного партизанского тыла, охраняемого в виде застав частями 9-го Айского партизанского полка. Эти части разбивали все кулацко-карательные дружины, которых Каракорумская контрреволюционная земская управа высылала из Удалы. Обеспечив себе тыл, штаб партизанской дивизии, находившейся в селе Алтайское, подготавливал дальнейшее наступление против белых.

Разгром банд Мы готовились к дальнейшим наступательным действиям. Но и белогвардейцы не Хмелевского теряли даром времени. Белогвардейские части Хмелевского, Федоровича, Серебренникова и др. получили сильное подкрепление за счет Бийской учебной команды, пехоты и ряда казачьих частей. Они готовились к развертыванию боевых операций против партизан и вечером 9 ноября провели по трем направлениям (силами в 2000 штыков) наступление на село Алтайское.

1-й партизанский полк, выступивший из села Алтайского для занятия села Старая Белокуриха, встретился в ночное время с белогвардейской группой, двигающейся по Чуйскому тракту на село Алтайское. Командир полка Никифоров сильно опасался, как бы он не вступил в бой с нашими частями, расположенными в селе Россоши, и принимал все меры предосторожности. Только после того, как противник открыл огонь, 1-й партизанский полк начал отвечать огнем и затем развернутым фронтом двинулся на наступающего неприятеля.

Одновременно завязался бой со второй неприятельской группой, наступавшей по другому направлению на деревню Россоши. Окружив с. Россоши, неприятель пытался захватить в плен 1 эскадрон и разведку 3-го партизанского полка. Тем временем из села Алтайского подоспели части 3 партизанского полка и завязался жестокий бой, который длился в течение всей ночи.

Третья неприятельская группа завязала бой у Н.Камени со 2-м партизанским полком.

Как видим, белогвардейцы действительно повели наступление одновременно по трем важнейшим путям в надежде захватить врасплох партизанские части и заставить их вновь отступить в горы.

Но белогвардейцы ошиблись. На всех трех участках белые напоролись на боеспособные партизанские полки, преграждавшие им путь.

Выполняя приказ полковника Хмелевского «во что бы то ни стало взять село Алтайское», белогвардейские карательные части вели упорное наступление по всему фронту. Но партизаны не уступали им своих позиций. Шла ожесточенная борьба.

Штаб дивизии, между тем, начал получать сообщения о завязавшемся упорном бое. Особенно тревожные сообщения получались от командира 1 партизанского полка. Он высказывал опасения, что его полк дерется с 3 полком, с которым связь, несмотря на принятые меры, не налажена. Дело в том, что в Горном Алтае белогвардейцы обычно в ночное время наступления не предпринимали. Кроме того, никогда еще противник не оказывал такого упорного сопротивления, как в этом бою. На все атаки партизан противник, между тем, теперь отвечал контратакой, к чему он обычно никогда не прибегал в горах. Такое упорное сопротивление могли, по мнению штаба 1-го полка, оказывать только партизаны, а не белые. Поэтому-то Никифоров и предполагал, что его 1-й полк дерется с 3-м партизанским полком.

Бой, однако, велся с белыми.

Вскоре всем стало совершенно ясным, что штаб 1 полка не учел тех условий и обстоятельств, при которых и белые бывают иногда принуждены оказывать упорство и проявлять настойчивость в бою, несмотря на свою неуверенность и трусость.

Во всех боях, которые до сей поры велись в горной местности, на лобовую атаку партизаны шли тогда, когда им удавался обход с флангов. Белые более всего боялись такой трехсторонней атаки, они избегали такого «огненного кольца» и отступали, как только замечали обход. Бой же, который завязался юго-западнее Россоси, происходил ночью, то-есть, тогда, когда нельзя было пускать партизан во фланговые обходы. Упорство же белых объяснялось отчасти тем, что в этом бою участвовала преданная колачковцам бийская учебная команда.

После опроса пленных, штабу дивизии стала ясна общая обстановка завязавшегося боя. На стороне белых про-

тив партизан участвовали пехота, кавалерия и полностью бийская учебная команда.

В лазарет с Алтайского стали, между тем, поступать первые подводы с ранеными партизанами, большинство которых принадлежало к 1 и 3 партизанским полкам.

Опасаясь исхода боя, я, с сопровождении двух ординарцев, направился к позициям, которые занимали 1 и 3 партизанские полки. Подъехав к исходной позиции 1 партизанского полка, я узнал, что после 12-часового боя неприятель отброшен, а позиция продвинулась вплотную к деревне Старой Белокурихе. Затем я взял направление к позициям 3 партизанского полка. Прибыв к 9 часам утра в деревню Россоши, где находился штаб 3-го полка, я узнал, что противник с боем отступает, а партизаны его преследуют.

Такое же благоприятное положение было и у 2-го партизанского полка, оттеснившего и преследовавшего противника.

Таким образом, по всем трем направлениям партизаны отбили противника и преследуют его. Несмотря на строгость приказа Хмелевского: «Взять во что бы то ни стало у партизан село Алтайское», белогвардейские части после упорного 12-ти часового боя (деревня Россоши три раза переходила из рук в руки) вынуждены были сдать свои позиции. Особенно жестокая борьба происходила на участке нашего левого фланга, занимаемом 1 партизанским полком. На этом участке крестьянские хлебные клади служили баррикадами на ровной степной местности. Одна сторона кладей была занята партизанами, другая — белыми. Трудна была задача выбить противника, засевшего за кладью хлеба или за стогом сена. Приходилось подкрадываться и ручными гранатами его вытеснять.

Необходимо заметить, что план неприятеля, его расположение и равно численность были известны нам еще в начале боя со слов пленных, захваченных в количестве 15 человек под деревней Россоши. Большинство этих пленных нам заявили, что они являются бийскими рабочими, а в колчаковский отряд попали по мобилизации. Мы несколько не доверяли этим заявлениям, но все пленные сообщили нам очень много ценного о расположении сил противника и его численности. Мы решили через эти пленных связаться с бийскими рабочими организациями. Разбили, поэтому, пленных на три группы, снабдили их нашими воззваниями, выдали пропуска, чтобы их не задерживали партизаны, и отпустили. Одна группа была задержана частями 3-го партизанского полка и расстреляна, судьба остальных нам неизвестна.

По пятам за Следом за отступающими белыми двига-
отступающими лись по двум направлениям партизанские
карателями полки.

1-й полк, преследуя противника, неоднократно нагонял его и захватывал пленных. Всего было взято в плен 60 чел., среди которых находились белыки из бийской учебной команды. Эти же части 1-го полка, кроме того, захватили в селе Точильном в церкви, где проводилось собрание, до 70 дружинников, среди них один офицер с 15-ю казаками.

1-й полк в общем получил здесь до 100 винтовок.

3 полк преследовал неприятеля по другому направлению, подходя к поселку Колбаново одновременно со 2-м полком.

Белогвардейцы откатывались к селу Смоленскому. На протяжении всего пути отступления происходили ожесточенные бои. В одном холмистом месте белогвардейцы попытались было задержать наступление партизанских полков. Партизаны с криком «ура!» и возгласами, в роде: «Что, паря, удирать не любишь, — партизанского сахара не терпишь? Крой их, ребята, хорошенько!», — бросились на противника, заставив его вновь снаться и отступить дальше. Точно так же был опрокинут противник, пытавшийся задержаться перед сел. Смоленском.

Противник был приведен в полнейшее замешательство. Он разбился на две группы: первая стала отступать прямо на село Катуньское, вторая же — через село Смоленское на Алуйское.

Поздним вечером 10 ноября 1-й, 2-й и 3-й партизанские полки заняли село Смоленское, где захватили в плен 40 дружинников.

Формирование Мы неоднократно отмечали, что благодаря своим победам, партизанские полки партизанских подняли свой авторитет среди бедняцко-полков, середняцкого крестьянства Горного Алтая и сильно возросли за счет этого слоя населения. Когда же партизаны вышли в степные крестьянские районы, то их авторитет начал распространяться среди бедняцко-средняцкого населения больших степных деревень. После победы под селением Смоленским партизанское движение быстро захватило крестьян густонаселенных степных районов, вследствие чего мы вынуждены были сформировать еще некоторые партизанские полки. Так, в селе Нижне-Каменке был сформирован 13-ый партизанский полк, в состав которого вошло не только бедняцко-средняцкое крестьянство.

Н.Каменки, но и других сел, как-то: Сетовки, Грязнухи, Колзюво, Красного Яра и т. д. Командиром 13-го партизанского полка стал н.-каменский крестьянин-середняк, бывший фронтовик Л. Д. Илякин.

Кроме того т. В. Лыжин вместе с группой партизан сформировал 6-й партизанский полк, состоявший из крестьян деревень Шульгин Лог, Хуторка, Тальцы, Кожши, Карасука. Лыжин, бывший матрос, ставший, после демобилизации 1918 г., председателем волостного Шевелинского совдепа, середняк Мало-Чаргушинский, был выдвинут командиром этого вновь сформированного 6-го партизанского полка.

В селе Смоленском нами было организовано собрание крестьян, которые рассказали о борьбе партизан, о смысле партизанского движения, о большевизме и проч. После собрания крестьяне решили сформировать партизанский полк. Командиром его на полковом собрании был избран смоленский крестьянин-бедняк, т. М. И. Западейников.

В поход на Ануйское На другой день после вступления в Смоленское, ранним утром, командирам было дано распоряжение подготовить свои полки к походу на село Ануйское.

Хотя мы находились на близком расстоянии от г. Бийска (18-20 километров), но по ряду причин (важнейшей причиной было то, что Катунь не стала) мы решили главные свои силы направить к селу В.-Ануйское и расчистить себе путь к Уч-Пристанскому району, где завязать связь с действующими близ того района партизанскими частями т. Мамонтова. Мы считали, что лишь после того, как установлен будет тесный контакт с партизанскими частями

Командир 13-го партизанского полка Илякин Л. Д.

Командир 6-го партизанского полка Лыжин В.

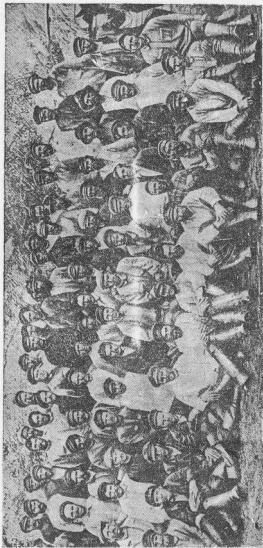
г. Мамонтова, возможно будет без опасения направить свои партизанские части для занятия г. Бийска. Одновременно с подготовкой этого наступления, надо было подтянуть тыловые партизанские части, оставленные в селе Алтайском. С вызовом 4 партизанского полка в Ануйское была опасность для нестроевых частей, оставшихся без охраны. Особенно беспокоиться надо было о нашем хозяйственном имуществе, а главное, о лазарете. Поэтому был отдан приказ о переброске всех этих частей из села Алтайское в село Смоленское.

Еще до выступления из Смоленского вторая рота 2-го партизанского полка была выслана для преследования отступающего на Бийск неприятеля. Впереди шла разведка. Вскоре получили донесение, что разведка заняла село Катунское и захватила около 300 оседланных неприятельских лошадей, не успевших переправиться через реку Катунь. Из села Смоленского белые отступали настолько панически, что на переправе давили и теснили друг друга. Каждый из белогвардейцев старался как можно скорее переправиться на другую сторону реки Катунь. Когда катунские крестьяне у них спрашивали: «почему так торопитесь!», колчаковцы отвечали, что сзади идет «невообразимая красная сила», которая на своем пути все уничтожает и убивает, как стариков, так и детей. Колчаковцы, удирая со страха без оглядки, старались запугивать крестьян, но катунские крестьяне не поверили отступающим, а когда подошла 2 рота 2-го партизанского полка, они начали группами вливаться в ряды.

Так белые, сматывая удочки, оставили нам 300 оседланных лошадей, захваченных даже не полком, а только разведкой. Вот какими «героями», «храбрецами», «смельчаками» были на деле колчаковцы!

Формирование 11-го и 17-го партизанских полков В районе Ануйска были сформированы еще два партизанских полка, один из них в селе С.-Тырышкино. В состав этого полка вошли крестьяне села Старо-Тырышкино, Ануйского, Усть-Ануя и других прилегающих к ним крестьянских селений. Этот вновь сформированный партизанский полк считался 11 партизанским полком. Ему было дано распоряжение занять левый берег реки Бии, стоять там на страже, чтобы препятствовать белогвардейцам переправиться через реку Обь, и вести глубокую разведку по направлению села Быстрого Истока.

В селе Сычевке начал, тем временем, формироваться 17-й партизанский полк.

Группа партизан на слете в Сычевской волости. В середине тов. Третьяк

Восемнадцатитысячная партизанская армия

Таким образом, в составе 1-й Горно-конной партизанской дивизии имелось уже 11 партизанских полков. Из военных соображений мы этим полкам давали такие названия: «17 полк», «13 полк», «19 полк» и

т. д., чтобы напугать врага количеством.

Общая численность сформированных полков, вместе с нестроевыми частями, была несколько более восемнадцати тысяч человек. Столь быстро выросшая партизанская армия приводила в ярость белогвардейцев и кулаков. Мы росли за счет бедняцко-средняцкого слоя, а белые получали сильнейшую поддержку и помощь от озверевшего кулачья. Из них формировались кулацкие дружины, которые густой сетью покрыли степь и чинили беспощадную расправу с партизанами и сочувствовавшим им населением. Кулачество особенно звериным образом было настроено к застрельщикам партизанства. Надо тут же подчеркнуть, что иногда кулаки, из политического расчета, выкрадывались в доверие к партизанам, втирались в их ряды и впоследствии разлагающе влияли на неустойчивые элементы партизанства. С этими контрреволюционными элементами, как это мы неоднократно указывали, руководящий состав армии вел решительную борьбу.

Во всех охваченных повстанчеством степных селах, в связи с усиленным формированием новых партизанских полков, работали день и ночь крестьянские кузавицы, изготовлявшие холодное оружие, особенно пики.

Собиралось и выкатывалось из земли припрятанное оружие.

Так как увеличилась численность партизанских полков и значительно расширилась территория, на которой эти полки были расположены, то для обеспечения правильного и твердого руководства полками и для приближения руководящего состава к массе, штаб партизанской дивизии решил организовать «2-й штаб партизанской бригады». На должность командира этой бригады был выдвинут стойкий партизан, бывший унтер-офицер, работавший все время в 1-м партизанском полку, солонешенский крестьянин — бедняк т. А. П. Чухломин.

Для укрепления боевой способности вновь сформированных партизанских полков требовалось проведение большой агитационно-разъяснительной работы не только среди новых партизан, но и среди всего крестьянского населения вообще. К тому же во всей степной зоне, занятой партизанами, нужно было организовать гражданскую власть. Для обеспечения всего этого был создан при штабе дивизии агитотдел во главе с бывшим сосновским казаком,

И. Г. Пивчугным, который был на хорошем счету, так как еще в 1918 году он порвал все связи с казачеством.

Для выполнения всей этой политической работы, в особенности среди крестьянской массы, требовались высоко развитые и преданные большевизму работники. Но в таких районах штаб партизанской дивизии имел большой недостаток. Особенно этот недостаток чувствовался во вновь сформированных партизанских полках, а с увеличением состава партизанской дивизии появилась масса работы и в разных партизанских штабах, где испытывался большой недостаток также и в технических работниках. Крайнюю нужду в них продолжал испытывать отдел хозяйственной части.

Одновременно увеличивались и расширялись нестроевые команды, подчиненные начальнику хозяйственной части, как-то: разного рода мастерские, обоз, обслуживающие его команды и т. д. В самом же аппарате хозяйственной части попрежнему продолжали работать несколько малограмотных партизан. Местная же интеллигенция уклонялась от работы с нами, даже обыкновенно технические функции не хотела она принять и, поэтому всю техническую работу выполняли сами партизаны без посторонней помощи.

Постоянным руководящим центром партизанского движения с момента объединения партизанских полков, являлся выборный штаб партизанской дивизии. Во главе его стояли: командиром дивизии И. Третьяк, начальник штаба дивизии В. Зырянов, старший адъютант штаба дивизии В. Кудрявцев, начальник хозяйственной части А. Тропин и членами штаба — представители трех партизанских полков: 1-го полка — т. Коробкин, 2-го полка — т. Вязников и 3-го — Г. Коровин. Штабу дивизии, в продолжение нескольких месяцев приходилось руководить не только боевыми операциями. Являясь единственным выборным органом на территории, охваченной повстанческим движением, штабу партизанской дивизии приходилось не малую долю своей работы уделять и гражданским делам. Все находящееся в зоне охваченной повстанческим движением население как политически, так и экономически управлялось штабом 1-й Горно-конной партизанской дивизии, как высшим выборным органом власти. С занятием Смоленского эта территория представляла из себя огромное пространство. В штабе партизанской дивизии без остановки сплошным конвейером, днем и ночью, как от полков, так и непосредственно от гражданского населения прибывали люди, получали инструкции, указания.

Штаб стал полной властью в зоне партизанщины.

НА СОЕДИНЕНИЕ
С КРАСНОЙ АРМИЕЙ

Во время остановки штаба дивизии в селе Смоленском мы пытались всякими способами завязать сношения с рабочими города Бийска. Все наши попытки оставались безрезультатными.

На всем протяжении, начиная от дер. Ай и кончая Усть-Ануем, были расставлены части партизанских полков для охраны левого берега реки Катунь: 9 Алтайский партизанский полк был поставлен в дер. Ай, 6 и 13 полки занимали все остальное расстояние, вплоть до села Катуньское, где стояли 2-ая рота 2 партизанского полка; в Усть-Ануде стоял 11-й полк; 1-й, 3-й и 7-й полки, вместе со штабом 1 партизанской бригады, выступив из села Смоленское и заняв село Ануйское, вели подготовку к дальнейшему наступлению. Вслед за ними к селу Ануйскому перебрасывались 4-й и 5-й полки.

Штаб партизанской дивизии главнейшие свои силы сосредоточивал возле самой казачьей линии. Предполагалось двинуться на большое торговое крестьянское село Уч-Пристань и попытаться установить связь с партизанскими частями тов. Мамонтова.

Такие планы строил штаб партизанской дивизии.

Противнику же нужно было во что бы то ни стало помешать объединению наших частей с партизанскими частями т. Мамонтова. Враг подтянул, поэтому, свои силы и жестоко оборонялся, переходя часто в наступление. На помощь они стали подтягивать бовые единицы из других районов и также группировать их возле казачьей линии.

Бои у села Верх-ануйское Когда партизанские полки после некоторой подготовки выступили из села Ануйска и повели наступление на В. Ануйское, 1 партизанскому полку пришлось вступить в небольшой бой с белыми, расположенными около деревни Н. Смоленской. Здесь были захвачены 9 пленных. Партизаны потеряли 8 человек. После этого, 1 партизанский полк, выбив неприятеля из Н.-Смоленского, двинулся на В.-Ануйское, 3 и 7 полки,

шедшие правее дер. Н.-Смоленское, продолжали без остановки движение на с. В.-Ануйское. Наступающие партизанские полки завязали бой с засевшими в В.-Ануйском белогвардейскими казачьими и другими частями. Бой длился до поздней ночи. Под натиском партизан, противник, подбывая раненых, стал отступать на сел. Ново-Покровское, где были расположены его основные силы. Наступавшая темнота помешала партизанам развернуть операции по преследованию белых. Так, после упорного боя, партизанами было занято село В.-Ануйское. Во время наступления на это село партизанские полки потеряли убитыми и ранеными около 35 бойцов.

Штаб дивизии, получив донесение о происходящих под селом В.-Ануйском боях, перебросил из села Смоленского хорошо вооруженные части 2-го партизанского полка на подкрепление частей, действовавших под Ануйском. На линии фронта Ануйское — С. Тырышкино были переброшены 4-ый и 5-ый полки.

Учитывая острую нужду в патронах, штаб дивизии, усилил работу военно-химической мастерской, где изготовлялись патроны для трехлинейек.

Получив от крестьян сообщение, что в ряде мест между с. Катуньским и Песчаной, где отсутствовали наблюдательные посты, река стала и что, поэтому, через эти места в любое время могут переправиться со стороны Бийска белогвардейцы и врезаться нам в тыл, штаб дивизии немедленно наладил охрану этих мест и выставил наблюдательные посты и заставы вдоль реки Катунь. Здесь неоднократно завязывались перестрелки с белогвардейскими частями при их попытке перейти Катунь, с целью расстроить наш тыл. Эти попытки, понятно, каждый раз отбивались.

Особенно упорные стычки, временами переходившие в настоящие бои, происходили на Айской паромной переправе.

В селе Ануйском пост 1-го партизанского полка задержал 4 человека. Они под'ехали в ночное время к партизанскому полку и стали спрашивать: «здесь первая сотня стоит?».

Стоявшие на посту партизаны, видя, что перед ними заблудившиеся белогвардейцы, ответили:

«Да, здесь».

— «А мы вас ищем».

Белые под'ехали вплотную, тогда партизаны скомандовали им: руки вверх! заставили слезть с лошадей и сдать свои винтовки. Вместе с 4 винтовками у них было взято 3 щика (ящичка) патронов, которые они везли для первой казачьей сотни. Три солдата изъявили свое желание остаться у партизан. Что касается четвертого — казака, то после проведен-

ной с ним беседы, снабдив экземплярами воззвания «всем казакам», штаб 1-го полка отпустил его. В воззваниях мы разъясняли цели и задачи партизанской борьбы и предлагали казакам арестовать свой командный состав и перейти на сторону партизан для совместной борьбы с колчаковским правительством. Штаб партизанского полка предложил казачку раздать эти воззвания рядовым казакам, но казачьему командному составу не показывать их. Казак получил предупреждение, что если он этого не сделает и попадетс я вторично к партизанам в плен, то будет строго наказан. На этих условиях был казак отпущен.

Отступление Во время ночной остановки в селе В.-Ануйском, командный состав партизанских полков разработал план дальнейшего наступления.

вследствие дезорганизаторской деятельности эсеровского ставленника Латкина Ранним утром выступили из села В.-Ануйска все три полка и повели наступление по двум направлениям на село Н.-Покровское, где были расположены силы противника.

1-й полк вел наступление (все время с боем) левым флангом, чтобы обойти село Н.-Покровское с юго-западной стороны.

Начавшийся с самого раннего утра бой продолжался до поздней ночи. Сосредоточив на этом участке свои силы, противник решил дать партизанам решительный бой. Здесь собрались, помимо отступивших из под В.-Ануйского белогвардейских частей, некоторые новые боевые единицы, как, напр., прибывший из Устькаменогорска казачий полк, под командой эсаула Горбунова, полк, особенно прославившийся своими зверствами в Горном Алтае (регулярные части колчаковцев), а также пехота. Сюда, кроме того, собрались кулацкие дружины, выбитые со всех районов Горного Алтая и степных местностей.

Несмотря на столь внушительные силы, 1-й полк все время с боем постепенно двигался вперед и к вечеру отдельные его части стали заходить в село Н.-Покровское.

Противник, опасаясь, чтобы находящийся в селе обоз не попал в руки партизан, вынужден был вывести его из села. Сами же белые засели в крестьянских домах.

Несмотря на предосторожности, которые белые предприняли, частям 1-го полка, под твердым и умелым руководством своего командира т. Никифорова и его помощника, бывшего прапорщика т. Ягушкина, удалось ворваться в село. Партизаны отбивали у противника дом за домом, усадь-

бу за усадьбой. Вскоре в руках противника осталась только нижняя часть села. Группы отступающего противника метались из стороны в сторону, стараясь нащупать слабые места фронта, занимаемого партизанами. Наиболее слаб был партизанский фронт на северной стороне села, где по увалам занимали позицию 3-й и 7-й полки. Сдерживая в селе наступление 1-го полка, противник одновременно перебросил значительные силы именно против 3-го и 7-го полков и повел на них бешеную атаку. Однако, 3 и 7 полки не дрогнули. Они отбили первую атаку, нанеся противнику значительные потери.

Кстати заметим, что в этих упорных схватках впервые были пущены нами в действие гранаты, изготавливаемые нашей военно-химической мастерской. Эти самодельные гранаты действовали образцово. Одним только партизаном Беляевым было в бою у села Ново-Покровского удачно брошены на противника шесть гранат. А такие «штучки» имелись у многих партизан.

Отброшенный партизанскими полками противник получил значительные подкрепления и вновь перешел в наступление. Он открыл сильный залповый ружейный и пулеметный огонь и привел в замешательство партизан 7-го полка, который вообще был слабо вооружен и не отличался особой стойкостью. 7 полк не выдержал новой атаки, дрогнул, оставил свои позиции и отступил, дав, таким образом, противнику возможность укрепиться на этом же участке. Отсюда противник повел наступление на позицию 3-го полка, который после некоторого сопротивления тоже отступил, взяв направление к Ново-Смоленскому.

Выбив 7 и 3 полки, белые всеми своими силами обрушились на 1 полк и стали заходить ему в тыл.

Создалось опасное положение. Командный состав 1-го полка, опасаясь быть окруженным от остального состава дивизии, стал с боем отводить свои части из села и отступать по направлению села В.-Ануйска.

Пользуясь наступлением темноты, противник пытался несколько раз перехватить путь, по которому с боем вел наступление 1-ый полк. Все эти попытки были расстроены. 1-й полк, отбиваясь и расстраивая все попытки белых преградить ему путь, двигался к самой реке Ануй. Здесь белые особенно нажимали. Они хотели захватить мост через реку, чтобы отрезать 1-му полку отступление. Лед был тонкий, так, что по нему переправляться было нельзя. Менее устойчивые товарищи, опасаясь был отрезанными, бросились на мост, в то время, как их товарищи все еще отражали натиск врага. Столпившись на мосту, они мешали нормальной переправе частей. Только благодаря энергичному вмеша-

тельству командира полка т. Никифорова и его помощника т. Ягушкина порядок был налажен. Переправившись через мост, часть 1 полка заняла позиции по другую сторону реки Ануй и сдержала противника, дав этим второй части полка также возможность перейти мост. После переправы 1 полк, потеряв связь с другими партизанскими частями, ушел по тракту в село Сычевку.

Как могло случиться, что оказался неустойчивым хорошо вооруженный 3-й партизанский полк?

Это получилось, благодаря тому, что командир 3 полка т. Латкин, вместо руководства и правильной расстановки сил, занялся пьянством, а его примеру последовали и другие. Как видим, этот Латкин почти во всех этапах борьбы зарекомендовал себя с самой плохой стороны. Разложение командного состава — вот основная причина, приведшая в замешательство 3-й полк, вследствие чего нам пришлось оставить В.-Ануйское, несмотря на ожесточенное сопротивление, которое мы оказывали.

Штаб партизанской дивизии, выяснив подробности поведения командира 3-го партизанского полка Латкина, отдал распоряжение об его аресте.

Во время отступления от Н.-Смоленска мы заметили, как из сформированного в селе Смоленском 7-го партизанского полка примазавшиеся к этому полку кулаки и поддавшиеся их влиянию малоустойчивые партизаны группами, по несколько человек, переходили на сторону противника. Они предполагали таким путем искупить вину перед белогвардейцами. Озверевшие белогвардейцы не хотели считаться с их добровольным переходом. И пред нашими глазами разыгрывались жуткие картины. Мы видели, как белые шашками рубили всех перешедших к ним партизан.

Упорная борьба Как и нужно было ожидать, противник, стремя за овладение нуд свои силы, решил закрепить за собой с. Ануйским район Н.-Смоленского. Он стянул к этому месту, помимо казачьих частей, много кулацких карательных дружин. Хотя партизанские полки предприняли три наступления, но все они кончились тем, что, под натиском до зубов вооруженного противника, приходилось со значительными потерями вновь отступать на старые позиции.

В этих боях партизаны потеряли 95 человек убитыми и более 100 ранеными. Быстро истощались наши запасы патронов. Положение создалось трудное. Поражение действовало разлагающе. Так, например, многие партизаны 7-го полка (там особенно сильно было кулацкое влияние) стали оставлять полк и уходить домой.

Выработанный штабом дивизии план общих оперативных действий, в связи с отступлением 3 и 7 полков из-под Верх-Ануйска, был нарушен. Этот план был нарушен еще и потому, что 1 полк не мог удержаться в селе В.-Ануйском и, под давлением белых, вынужден был отступить через реку Ануй на село Сычевку. Этим обстоятельством создалось раз'единение частей.

Противник вымогвал нас за наши самодельные тупоконечные отливные пули. Но делать нечего: лучших пуль достать было негде. А так как и этих самодельных патронов мало, мы обязали партизан стрелять только тогда, когда противник подходил на близкое расстояние. А при такой обстановке наши самодельные пули промаху не давали. Во всяком случае, наш противник рано посмеивался.

В село Смоленское в лазарет штаба партизанской дивизии были доставлены восемь раненых. Это были молодые крестьянские парни, мобилизованные Колчаком и действовавшие против нас. Несмотря на малочисленность нашего медицинского персонала и наличие в нашем лазарете 200 раненых партизан, мы приняли этих невольных наших врагов на излечение.

Находившиеся в селе Ануйском 4-ый полк и части 2-го полка пытались было опять повести наступление на Н.-Смоленское. В 6 километрах от Ануйска они встретились с противником. После перестрелки партизаны отступили и, переправившись через мост по реке Ануй, заняли позицию по правому берегу реки вдоль крестьянского селения. С подходом противника здесь завязался упорный бой, продолжавшийся до поздней ночи. Все село оглушалось сильным оружейным и пулеметным огнем. Очень много скота, стоявшего в пригонах, погибло от неприятельских пуль. Укрывшись за крестьянскими постройками и соорудив из крестьянского сельскохозяйственного инвентаря баррикады, партизаны стойко выдерживали напор врага. Несколько раз белые пытались захватить мост через реку Ануй, чтобы, переправившись, захватить Ануйское. Но они каждый раз получали жестокий отпор от частей 2-го полка, залегших вблизи моста.

Эти части, к слову сказать, были образцово нами вооружены.

Одновременно с наступлением на село Ануйское и Усть-Ануйское, некоторые колчаковские части повели наступление на село Старо-Тырышкино и Усть-Ануйское. Лишь после того, как противнику был дан жестокий отпор, он позднее ночью вынужден был прекратить наступление по всему фронту.

Штаб партизанской дивизии, получив донесение об отступлении противника, правильно определил, что неприятель может перенести центр тяжести наступления на левый фланг, чтобы зайти в тыл партизанам, действовавшим под Ануйском.

На левом фланге находился отступивший от Н.-Пожровского 1-й партизанский полк, позднее сюда прибыл 3 полк. Так как вследствие разлагающей атмосферы, созданной Латкиным, в 3-м полку наблюдалась дезорганизация, я выехал в село Сычевка, ко времени прибытия туда 3-го полка. Здесь провели полковой митинг, на котором были разъяснены причины нашего отступления и намечены дальнейшие задачи, выполнение которых возлагается на каждого партизана. На этом же полковом митинге вместо сбегавшего Латкина командиром 3-го партизанского полка, был назначен бывший фронтовик, уймонский крестьянин-середняк, т. Боровиков.

Жестокий бой С наступлением вечерних сумерек было получено донесение, что возле пос. села Кановки мышенки движется по направлению села Солоновки противник численностью до 200 человек. Немного позднее было от того же поста получено второе донесение, известившее, что вслед за первой партией движется вторая партия противника численностью в 300 человек. Эти донесения впоследствии подтвердились полностью. План противника был ясен: так как ему не удалось обить наши части под селом Ануем, то он решил отрезать партизанские полки от гор и ударить им в тыл.

Раскусив этот план противника, надо было принять соответствующие контрмеры. Мы решили выступить на село Солоновку с таким расчетом, чтобы к рассвету обойти село с двух сторон и силами двух партизанских полков ударить по противнику. По нашим расчетам численность его доходила до 600 человек.

На всем протяжении реки Катунь, начиная от села Аи и кончая селом Усть-Ануйским, происходила перестрелка между стоявшими на заставе партизанами и белогвардейцами, которые пытались переправиться через Катунь. От этой перестрелки в селе Катунском было ранено несколько крестьянских ребятишек. Из нашего лазарета пришлось медперсоналу выехать для оказания этим раненым помощи.

Под Солоновкой между тем начался жестокий бой.

Впоследствии выяснилось, что силы противника в два раза превосходили ту численность, которую мы предполагали.

Наступающие два партизанских полка еще до рассвета охватили село Солоновку в кольцо. Крепко спали казаки и белогвардейцы. Когда партизаны открыли по селу залповый ружейный и пулеметный огонь, белые пришли в замешательство. Они начали метаться с одного конца села в другое. Штаб партизанской дивизии перебросил 5-й партизанский полк для подкрепления частей, находящихся в бою на участке с. Солоновки. На фронт, в распоряжение 1 и 3 полков, спешно переброшены были также все запасы патронов.

Обойдя с южной стороны село Солоновку, 1-й полк отбил у противника до 25 домов. На крыше одного из домов был поставлен пулемет, которым все время управлял изводный командир пулеметной команды, малобащелакский крестьянин К. Тарасов. В продолжении пяти часов продолжался ружейный и пулеметный обстрел. Противник, оказавшийся в кольце, метался, как угорелый. Он переходил даже в атаку, чтобы вырваться из кольца. Но как только белогвардейские части выходили из села, партизаны открывали по ним залповый ружейный огонь и отбрасывали их с значительными потерями. Одной казачьей сотне удалось все таки вырваться из села. С обнаженными шашками, галопом на верховых лошадях казаки устремились вперед, но нар-

С Солоновка Место боя 1-го полка.

вались на партизанские части, залегшие в холмистой местности вблизи села. Казачья сотня, оставив на поле битвы (на ровной площадке) треть своего состава, повернула обратно и скрылась в селе.

Из-за ограниченного количества патронов 1-й полк снимается с занимаемой им позиции и лавой бросается в атаку на засеянного в селе противника. Началась штыковая атака. По всем улицам села, по крестьянским дворам и огородам шли жаркие штыковые, а местами и рукопашные схватки. Многие партизаны для облегчения сбросили свою верхнюю одежду. Партизаны и белые гнались друг за другом по крестьянским дворам и огородам. Трещали крестьянские заборы, ломались ворота огородов и дворов.

Многие крыши крестьянских домов служили партизанам. а равно и белым удобной скрытой позицией, откуда все время без остановки продолжалась стрельба. На улице села, во время групповых стычек, неоднократно взрывались с треском ручные гранаты. Одну гранату верхне-башчелакский партизан т. Воложитин бросил в скотник, в который засели 7 беляков. Шесть баранов и семь беляков взлетели на воздух.

Так, в продолжение трех часов упорно и жестоко, группами и в одиночку, дрались в одном крестьянском селе два класса: один из них защищал и старался укрепить колчаковскую власть, а другой — расчищал путь для восстановления власти советов. В этой жестокой борьбе никто не давал пощады. Никто также не давал промаха, стреляя в упор. В воздухе все время сверкали обнаженные окровавленные шашки. В этой жестокой схватке не брались пленные. Очень мало было раненых. На окровавленном снегу валялись лишь трупы убитых. Не мало из них были изрублены шашками.

В селе Солоновке нашли себе могилу и те два башчелакских партизана, П. Клишин и Д. Кузнецов, которые во время наступления на село Алтайское наигрывали на гармошке и пели песни. Оба они пали наравне со многими другими в славной борьбе за восстановление советской власти.

Во время этих боев 3-й полк, не изживший еще той дезорганизации, которую внес Латкин, бездействовал, он не решился выступить на помощь героически борющемуся 1-му полку.

После трех часового боя противник стал вырываться из села. Некоторые его части с северо-восточной стороны села открыли ружейно-залповый огонь по позициям 3-го партизанского полка и заставили его отступить. Затем противник спешно оставил село Солоновку и начал со стороны Камышевки захватывать позиции, ранее занимаемые 1-м полком. С отступлением 3 полка в селе оставался только 1-й полк,

который пытался некоторое время удержаться в селе, но вследствие нехватки патронов и значительных потерь (во время описанных схваток выбыло из его рядов около 100 бойцов) и он стал отступать. В трех километрах от села, переправившись через реку Песчаную, он объединился с 3-м полком и вместе с ним отступил с боем сперва на Сычевку, а потом на Н.-Тырышкино, куда к этому времени подошел посланный ему на помощь 5-й партизанский полк.

В это же время происходили столкновения и шли упорные перестрелки между находящимися в селе Ануйском частями 2 полка, с одной стороны, и стоявшим в В.-Ануйском и Н.-Смоленском противником — с другой. Но как под Солюновкой, так и под Ануйском у партизан была одна беда — недостача в патронах.

Вынужденное отступление партизан на старые позиции

Мы действовали вдали от железной дороги, вдали от порода. И поэтому для наших частей был отрезан путь увеличения боевых припасов внезапным нападением на волчаковские военные транспорты. Мы не имели возможности пускать под откос вагоны с боевыми припасами. Мы пользовались только теми патронами, которые отбивались в бою у противника, а также теми, которых изготавливала наша военно-химическая мастерская. Но последняя не могла удовлетворить нашу потребность в патронах. Бои шли непрерывные и дуль требовалось десятки тысяч. Их однако, не было.

Штаб партизанской дивизии, получив донесение об отступлении из-под села Солсиовки 1-го и 3-го полков, вынужден был дать распоряжение начальнику хозяйственной части т. Тролину, чтобы немедленно перевезти лазарет и переправить все нестроевые части из села Смоленское в село Алтайское.

Часа в 4 дня 17 ноября начали погрузить на подводы 200 раненых. В виду зимнегo времени потребовалось извлечь теплые вещи не только из хозяйственной части, но отчасти взять их у крестьянства, например, потяжки для укутывания раненых, чтобы уберечь их от морозов. Вся эта спешная и трудная работа опять таки была возложена на Н. Черепанова и К. Герасимову. Они осматривали каждого раненого перед его отправкой, укутывая теплой одеждой. Одновременно погружалось также все имущество хозяйственной части. Вечером партизанские обозы потянулись из села Смоленского через Колбаново к Алтайским горам. К часам 11 ночи в селе Смоленском остался только штаб партизанской дивизии.

Для подкрепления отступающим 1-му и 3-му партизанским полкам из села Н.-Тырышкина выступил 5-й полк. Все три полка пытались задержать наступление противника, но вынуждены были отступить: сперва на село Н.-Тырышкино, а затем на село Старо-Белокуриху. В силу сложившихся обстоятельств штабу пришлось оттянуть и те партизанские части, которые стояли в селе Ануйском.

Так, после семи суток жестоких схваток, партизанские полки, вооруженные достаточным количеством оружия, но не имея необходимого количества патронов, под натиском двух с половиной тысяч до зубов вооруженных неприятельских сил, — вынуждены были отступить.

В связи с отступлением партизанских полков стала замечаться перемена настроения среди большинства крестьянского населения. Вместо активной поддержки, мы наблюдали пассивность, а в некоторых случаях и проявление явного нежелания оказывать содействие отступающим партизанским частям. Особенно это проявлялось, когда требовались крестьянские подводы.

Опять вынырнул на время притаившийся было кулак и стал действовать разлагающе также и на партизан вновь сформированных полков. Еще не успел притти в село Сытевку отступающий 1-й партизанский полк как распался недавно сформированный 17-й партизанский полк. Только небольшая сознательная активная бедняцко-средняцкая группа волилась в состав 1-го партизанского полка. Проникли опасные настроения и в 11 партизанский полк, который тоже вскоре распался: партизаны оставили его под предлогом нежелания уходить от своих сел. Только незначительная часть, этого полка во главе с его командиром тов. Булгаковым отступила вместе с партизанами.

Выступив из села Ануйского, 2 и 4 полки, вместе со штабом 1-й бригады, без остановки, прошли ночью мимо села Смоленского и через Колбаны взяли направление на село Россоши. Вместе с ними из-под Ануйска следовал 7 полк, который на несколько часов, в ночное время, остановился в своем родном селе Смоленском. Туда же прибыл и 6-й партизанский полк, снятый с заставы левого берега реки Катунь.

18-го ноября ранним утром 7 и 6 полки со штабом дивизии выступили из села Смоленское и двинулись по тракту на село Точильное. Мы заметили, что со стороны села Н.-Тырышкино двигались белогвардейские части, имея намерение между реками Усть-Ануем и Обью зажать те партизанские части, которые уходили из-под Ануйска. Но белые похватались поздно: наши части уже были выведены из-под Ануйска.

Возле села Точильного противник отрезал нам путь. Мы вынуждены были, поэтому, остановиться недалеко от села. Вступить в бой на ровной степной местности с хорошо вооруженным неприятелем было бесцельно. Пришлось уклониться от боя и вывести эти части на соединение с остальными. 6 и 7 полки мы решили отвести на Колбаново, о чем мною были даны соответствующие распоряжения командирам.

Когда кавалерийские группы белых приблизились к 6-му полку и начали с правого фланга его огибать, произошло замешательство. Командир не использовал имеющуюся в составе полка вооруженную роту для прикрытия отступающих. Все смешались и в суматохе бросились отступать, а так как местность была низкой и топкой, то создалось для полка тяжелое положение. Неприятель стал нажимать на полк. В качестве командира дивизии я решил навести порядок и во что бы то ни стало поставить вооруженную роту 6-го полка на место для выполнения своей обязанности. Нагнав командира этой роты Опенушова, я ожег его несколько раз плетью, отнял винтовку и наган и передал фронтовику Степанову, которого тут же назначил командиром вооруженной роты. Рота немедленно выстроилась, рассыпалась в цепь и стала задерживать наступление противника.

Так отступал из-под села Точильного невооруженный партизанский полк, который имел лишь одну вооруженную роту.

Небезынтересно отступление 7 партизанского полка. Что случилось с этим полком, находившимся в двух километрах от 6 полка? Штаб предложил ему отступать на пос. Колбаново. Полк, под влиянием находящегося в его составе кулацкого элемента, решил не отступать, не бросать своего села, а разойтись и возвратиться по своим домам. Так партизаны и поступили. Через несколько дней село было занято белогвардейщиной. Началась обычная расправа: производились порки, расстрелы, издевательства, калечения.

Испытав на себе прелести колчаковской плетки, многие стали обратно пробираться в наши партизанские части.

За время нашего отступления из состава партизанской дивизии выбыли три полка. Но эта «потеря» для нас особой важности не составляла, так как главные силы, закаленные в боях, отступали в полном порядке. Большинство понимало, что отсутствуют вследствие недостачи патронов. Правда, были попытки классового врага внести разложение и среди этих партизанских полков.

Эти попытки успеха не имели.

Отступившие партизанские полки заняли линию вдоль сел: Старая Белокуриха, Россоши и Колбаново. Попрежнему 9-ый Айский партизанский полк стоял на заставе Айской паромной переправы. Немного ниже по реке Катунь находился на заставе 13-й партизанский полк. Штаб дивизии, остановившись в селе Россоши, в центре расположения партизанских полков, следил за движением противника.

Подготовка к наступлению на село Смоленское Белые начали концентрировать свои силы в селе Смоленском. Штаб дивизии, получив об этом точные сведения, обсудил с командирами бригад план действия и решил повести в ночное время наступление на село Смоленское с таким расчетом, чтобы к рассвету захватить его важнейшие участки и затем одновременно со всех сторон внезапно атаковать противника.

Для выполнения этого решения требовалась быстрая перегруппировка полков. Эта перегруппировка была необходима еще и потому, что среди партизан, а также и командного состава 1-го полка, было большое недовольство поведением 3-го полка, который в боях проявлял неустойчивость и нерешительность.

Поэтому решено было из села Старая Белокуриха перебросить 3-й полк в село Россоши, а 2-ой полк переместить из Россоши в Старую Белокуриху. 5-ый же полк, который также имел стоянку в с. Ст. Белокуриха, решили перебросить к селу Колбино, где находился 6-й партизанский полк.

Для выполнения всех этих перемещений и для подготовки наступления я выехал в Ст. Белокуриху, где, проделав необходимую работу, возвратился в штаб для выработки окончательного плана наступления.

Публичная казнь двух недисциплинированных партизан В штаб партизанской дивизии, тем временем, поступило от крестьян Н.-Каменки донесение, что во время отступления партизанских полков неизвестные два вооруженных партизана, заехав в их село, напились пьяными и произвели насилие над одной крестьянской семьей. Штаб немедленно организовал чрезвычайную следственную комиссию, во главе которой был поставлен т. Степанов, фронтовик из села Куторка. Этой комиссии, составленной из представителей полков, было поручено рассмотреть жалобу в спешном порядке. Комиссия быстро расследовала дело. Оказалось, что во время отступления, два пар-

тизана 3-го полка, Гребушков и Птушков, действительно заехали в село Н.-Каменку, где напились и произвели насилие над одной крестьянской семьей.

Комиссия обрчих приговорила к расстрелу. Чтобы этот расстрел способствовал укреплению дисциплины, решено было казнь произвести публично. В селе Россоши были выведены в полном составе 3-й и 4-й полки и одна рота 6-го полка. Пришли также отдельные партизаны и от других полков. Прежде чем привести приговор в исполнение, представители штаба выступили с речами, в которых охарактеризовали обстановку, при которой партизанские полки ведут с оружием в руках борьбу против классовых врагов. Отмечали, что партизанские полки будут сильны только тогда, когда сами партизаны поведут не менее жестокую борьбу и по отношению к тем, кто нарушает дисциплину и подрывает в крестьянских массах доверие к партизанскому движению.

На глазах присутствующих партизанских частей был приведен приговор в исполнение. Специально назначенная группа партизан 2-го полка произвела расстрел преступников.

Эта мера наказания способствовала укреплению дисциплины среди всего состава партизанской дивизии.

Неудавшееся наступление на село Смоленское На основании разработанного плана наступления штаб издал приказ, во исполнение которого ночью с 20 на 21-е ноября выступили из села Россоши на поселок Колбаново 3-й и 4-й полки, растянувшись длинной лентой по узкой проселочной дороге. В поселке Колбаново к ним присоединились стоявшие там 5-й и 6-й полки, после чего все вместе двинулись к селу Смоленскому.

Правее, возле реки Катуни, двигался на село Смоленское 13-й полк. Таким образом, по этому направлению, левым флангом нашего наступления, двигались пять слабо вооруженных партизанских полков. Одновременно из Старой Белокурихи по тракту через Точильное должны были вести наступление 1-й и 2-й полки.

Стоял мороз. С 12-ти часов ночи мороз крепчал. Поднялся холодный ветер, временами переходивший в бурю. По пути движения крестьянские заимки битком забивались замерзающими партизанами. Их трудно было оттуда вывести. К ногам примерзали сапоги, отмирали пальцы, у многих были обморожены лица и т. п. Мы начали опасаться за успешный исход нашего наступления, особенно со стороны 1-го и 2-го полков, которые составляли наш

левый фланг. Операции этих именно частей и обуславливали успешный исход всего предпринятого наступления.

Приостановить наступление правого фланга нельзя было, надо было идти вперед, наперекор суровой погоде, ибо мы пребывали в уверенности, что левый фланг (1-ый и 2-ой полки), согласно плану, также ведет наступление.

Преодолев большие трудности, мы к утреннему рассвету приблизились, однако, к селу Смоленскому. Остановившись на недалеком расстоянии, мы постарались быстро наладить связь с партизанскими полками, наступающими левым флангом. Стояла предостерегающая, никем не нарушаемая мертвая тишина. Село спало. Спали также разбежавшиеся по домам партизаны бывшего 7-го партизанского полка. Спал в селе и казачий полк есаула Горбунова.

Связь с левым флангом, между тем, не налаживалась. Группы, высылаемые для связи, возвращались без всяких результатов. Трудно было верить, чтобы закаленные в боях, лучшие по составу и по вооружению партизанские полки, которые никогда не останавливались ни перед какими преградами, на этот раз дали осечку. Но факт оставался фактом, вследствие чего важнейший участок, который должны были занять хорошо вооруженные 1 и 2 партизанские полки, чтобы отрезать находящегося в селе Смоленское противника от казачьей линии, оставался для него открытым.

Быстро приближался утренний рассвет. Надо было что-то предпринимать. Собрав командиров полков, я стал предлагать, чтобы, не дожидаясь рассвета, напасть на расположенного в селе противника теми партизанскими силами, которые имеются в нашем распоряжении. Командиры стали высказывать опасения, что вряд ли из этого что-либо выйдет, что нападение неминуемо сорвется, так как эти партизанские части, главным образом, вооружены пиками.

Делать было нечего. Рассветало. Митинговать некогда. Пришлось отвести партизанские полки обратно, на прежние стоянки.

Рухнули все наши планы захватить противника врасплох. Нелегко было это пережить. Пришлось возвращаться с подавленным настроением. Я информировал штаб дивизии в Россоши о создавшемся положении. Затем я без замедления выехал в село Точильное для выяснения причин срыва наступления 1-го и 2-го полков. Оказалось, что, когда командиры полков выстроили свои части и стали готовить их к выступлению из села, некоторые партизаны стали заявлять: «Куда мы пойдем наступать, если у нас не работают замерзшие в винтовках затворы? Чем, мол, будем стрелять? и т. д.». Эти выступления не получили надлежа-

щего отпора со стороны командного состава. Враг, втершийся в наши ряды, умело работал. Кулак все использовал, чтобы внести разложение даже в стойкие и надежные полки.

Неудачный бой Эти факты побудили нас созвать совещание для обсуждения с командирами создавшегося положения. Мы уже совещались, как неожиданно получили донесение, что со стороны Смоленского движутся на село Куяган крупные силы противника. Немедленно было предложено командирам подготовить свои части к выступлению из села для занятия позиций. Вместе с командирами полков быстро был намечен план расстановки сил. Я же, согласно намеченному плану, выехал в село Россоши, где стояли 3 и 4 партизанские полки, с которым должен был из села Россоши немедленно выступить к селу Точильному для поддержки задерживающим наступление противника 1-му и 2-му полкам. Одновременно с этим я должен был из поселка Колбаново ввести в действие 6-ой полк.

Не прошло и трех часов, как мы выступили из села Россоши. На пути нашего следования встретили 1-й полк, который, под натиском неприятельской пехоты и кавалерии, отступал из-под Точильного на Старую Белокуруху. Во время боя под селом Точильным был убит адъютант командира 2-го полка тов. Вьюнов.

Под Точильным смертельно был ранен командир 2-го полка тов. Какорин, которого после доставили в село Куяган, в лазарет штаба, где он и скончался.

Скоро были подтянуты 5-й и 6-й полки. Несмотря на все это, партизаны, задерживая быстрое наступление противника, вынуждены были отступить. Создалось опасное положение. Открылась прямая угроза хозяйственной части, лазарету и всем остальным нестроевым частям штаба дивизии. Штаб вынужден был дать распоряжение всем находящимся в селе Алтайском нестроевым частям, в том числе и лазарету, немедленно приступить к эвакуации из села Алтайского в село Куяган. 13 и 9 полкам было приказано сняться с места своего расположения и отправиться к с. Алтайское.

В то время, как партизанские полки, выбирая удобную позицию, в продолжение суток сдерживали наступление противника, в селе Алтайском производилась спешная мобилизация крестьянских подвод, на которых размещались раненые, погружалось все, что находилось в распоряжении

хозяйственной части, и быстро отправлялось из Алтайского в село Куяган. И лишь после того, как последние подводы, под огнем неприятеля, вышли из с. Алтайского, партизаны с боем отступили в горы.

Отступившие партизанские части постепенно приближались к селу Алтайскому. Патрон было мало. Сдержаться противника, наступавшего на с. Алтайское, было невозможно. Поэтому план дать бой врагу под с. Алтайским расстроился, и мы через горы стали отступать на Куяган.

Так как два наших полка — 13, стоявший на левом берегу Катуня, и 9 — в Ае, своевременно не подошли и были отрезаны противником от партизанских частей, отступавших на село Куяган, — штаб предложил 4-му полку оставаться на Чуйском тракте и во что бы то ни стало установить связь с 9 и 13 полками, выведя их к месту нового расположения наших сил.

13-ый полк не подошел своевременно к с. Алтайскому и очутился в тылу противника. Он должен был, по нашему плану, соединиться с 9 Айским партизанским полком и отступить. Оставшиеся в степи 13 и 9 полки, вместо отступления — в горы, соединились и стали действовать в своем районе, вступив в ряд стычек с противником. Но кулачье, пробравшееся в эти полки, провело и здесь подрывную работу. Партизаны разбежались, растаяли. Лишь бедняцко-средняя часть этих полков, великодушн вспомя, как в селе Ае карательный отряд Каракорумской земской управы спускал под лед реки Катуня живыми А. Гурина, В. Бондарева, Н. Распономарева и др. и как он расстрелял И. Лебедева, К. Грибова, И. Шевцова, В. Лопарева, И. Лютова, Максимова и др., не поддавалась советам кулачья. В одиночку и группами пробирались эти бедняки и середняки к месту расположения партизанских полков, в которые и заивались.

Как видим, самый стойкий дисциплинированный элемент партизанства ушел в горы вместе с отступающими частями. Тяжелые испытания были проверкой каждого партизана. Отсеивались гниль, вредное, недисциплинированное.*

Вследствие отступления партизан, стал падать энтузиазм, ослабла и дисциплина. Многие дезертировали и уносили с собой оружие. Создавшимся положением успешно воспользовалось кулачье. Так, например, кулаки разложили очень хорошо вооруженный 2-й эскадрон, который вместе со своим командиром Колесниковым отступил из-под села Точильного и не возвратился в свой 1-й полк. Штаб решил: если эскадрон возвратится, обезоружить его. Для партизан обезоруживание считалось самой тяжелой формой наказания.

В селе Куягане штаб дивизии немедленно приступил к проведению среди партизан соответствующей работы по поднятию их морального состояния и укреплению боевой способности. Эту политическую массовую разъяснительную работу провели большевики. Командный состав, посоветовавшись в Куягане, решил раз'ехаться по своим частям для политической работы среди партизан, для поднятия их бое- способности.

Для поднятия дисциплины и для борьбы с вражескими элементами, которые затесались в партизанской среде, мы решили организовать при штабе дивизии чрезвычайную следственную комиссию, которой были даны очень большие полномочия. В главе комиссии поставили испытанного т. Степанова.

На соединение с армией Мы сосредоточили свое внимание на раз- решение следующей важной задачи: во что бы то ни стало установить связь с дейст- вующей за Усть-Чарышской пристанью партизанской арми- ей тов. Мамонтова.

Поднялись оживленные прения по вопросу о том, по ка- кому маршруту двигаться на Усть-Чарышскую пристань. Предлагались два маршрута. Одни советовали взять направ- ление через Булатово, Черемшанку, Сибирячиху, В. Слюдни- ку и затем по тракту на Усть-Чарышскую пристань. В про- тивоположность этому плану был выдвинут другой: через Медведевку, Солснешное, Большой и Малый Бацелски, от- туда повернуть на казачью линию и затем взять направле- ние на Усть-Чарышскую пристань.

Оба маршрута были подвергнуты тщательному обсужде- нию на военном заседании.

Победу одержал второй план.

На этом военном совете уже не участвовал боевой това- рищ, большевик т. Какорин, который умер после ранения. Какорина очень любили партизаны. Это был смелый боль- шевик и очень нужный нашему делу товарищ. Под ротный залповый салют партизаны похоронили нашего дорогого товарища Какорина.

Командиром 2-го партизанского полка мы избрали тов. Голышева, а в помощь ему — тов. Миронова.

В селе Куягане разместились мастерские, лазарет.

Военно-химическая мастерская усиленно вырабатывала патроны, чтобы подготовить дальнейшие операции парти- занских полков.

Все меры, принятые штабом дивизии, способствовали усилению дисциплины и действительно укрепили боевые

способности партизанских частей. К ряду недисциплинированных партизан мы применили репрессии.

Гнусный поступок Чемрова

В частности репрессия была применена штабом дивизии и по отношению к Чемрову. Он еще в степи очень часто псызлялся пьяным среди партизан. Мы его неоднократно предупреждали об этом. Когда же мы остановились в Куягане, он заявился пьяным на квартиру одного партизана т. Молодых, вынул наган и заявил, что пришел его расстрелять, и тут же выстрелил в упор. Чемров действительно убил Молодых. Штаб дивизии, узнав об этом, отдал распоряжение об аресте Чемрова. Следственной комиссией было дано указание срочнейшим образом разобрать это дело.

Чемров был приговорен к расстрелу. Но партизаны, вначале было глубоко возмущившиеся гнусным поступком Чемрова, впоследствии сменили гнев на милость. Пока тянулось следствие, у них успел остыть пыл гневного возмущения и они обратились в штаб и в следственную комиссию с просьбой о помиловании Чемрова, который всем им был известен по своей бывшей славной партизанской деятельности. Они указывали также на то, что за Чемровым охотятся колчаковцы.

Чемров был помилован и освобожден из-под ареста под поручительством надежных партизан. Вскоре Чемров оставил наши партизанские ряды. Впоследствии, уже после свержения колчаковщины, Чемров очутился в бандитских рядах, которые выступали против советской власти.

Наказание 2-го эскадрона 1-го полка

В 1-й полк возвратился, между тем, 2-й эскадрон. Надо было выловить, постановив военное заседание. Все партизанские части, стоявшие в Куягане, были, поэтому, собраны на площадь, на которой предварительно спешно поставили трибуну.

Первым выступил т. Зырянов. Он заявил: «До настоящего времени штабу партизанской дивизии приходилось применять наказания только к отдельным партизанам за нарушение дисциплины. Сегодня мы должны применить наказание к целой партизанской части, ко 2-му эскадрону 1-го партизанского полка. Эскадрон при нашем отступлении ушел с фронта самовольно и в продолжение нескольких дней неизвестно где находился. За такой поступок штаб партизанской дивизии решил весь 2-й эскадрон обезоружить».

Выступили с речави еще некоторые товарищи.

Затем командир 1-го партизанского полка, тов. Никифоров, скомандовал 2-му эскадрону: «Смирно!».

Настала мертвая тишина.

«Первая шеренга 2-го эскадрона три шага вперед, шагом марш!».

Первая шеренга сделала три шага вперед, после чего Никифоров скомандовал: «повернуться кру-у-у-гом».

Первая шеренга повернулась кругом.

Никифоров продолжал: «по распоряжению командира дивизии предлагаю всему 2-му эскадрону сложить оружие».

Две шеренги, стоявшие друг от друга, лицом к лицу на расстоянии трех шагов, подчиняются командиру своего полка и, как один, снимают с себя все оружие и кладут его на землю.

Со слезами на глазах стали партизаны просить возвратить им оружие. Это оружие они завоевали в боях. Партизаны 2 эскадрона клялись, что не допустят больше таких поступков, что они будут драться с каждым, кто попытается сделать нечто подобное. Нам было ясно, что провинившиеся осознали свою ошибку. Поэтому, было отдано распоряжение возвратить им оружие, что бесконечно обрадовало всех партизан.

Подготовка к дальнейшему наступлению Чувствовалась сильная усталость, но дело попрежнему требовало от нас работы. Во время нашего отступления в горы начались сильнейшая эпидемия сыпного тифа. Это обстоятельство очень усложнило наше дело. Вдобавок к этому, я сам заболел и в течение 6 дней лежал без сознания в лазарете.

Отступившие со степи пять партизанских полков, расположившись в селе Куягане и его окрестностях, под руководством штаба дивизии быстро перестраивались и поготовляли свои силы для дальнейших классовых боев. Был организован и третий штаб партизанской бригады, командиром которой был выбран бывший фронтовик, крестьянин села Сибирячихи, т. Т. Черепанов, ранее работавший в большевистском подполье.

Штаб дивизии разработал план оперативных действий на ближайшее время. По этому плану все нестроевые части, в том числе и лазарет, должны были вместе со штабом оставаться в селе Куягане. Для их охраны в Куяганском районе должны были остаться 3, 5 и 6 полки. Остальные полки, 1 и 2 (4-й пока еще находился на Чуйском тракте), были снабжены патронами и по приказу штаба выступили 1 декабря из Куягана на Булатово и дальше на

Медведевку. С этими наступающими полками, для оперативного руководства ими, выехал из Кукгана и я вместе со штабом 1-ой бригады¹.

Во время нашей стоянки в селе Куягане и его окрестностях наши полки очень часто приходили в соприкосновение с белогвардейскими карательными дружинами, с которыми завязывали небольшие перестрелки. Особенно назойливой была Алтайская карательная кулацкая дружина. Во время этих перестрелок партизанами были пойманы несколько человек из состава Черно-Ануйской карательной дружины. Они были доставлены в нашу следственную комиссию. Установив за этими карателями длинный список преступлений, комиссия приговорила их к расстрелу.

Взятие дер. Медведевки

В деревне Медведевке расположилась казачья сотня. 1-й и 2-й полки, приблизившись к этой деревне, стали ее охватывать с двух сторон. Казаки, после непродолжительной перестрелки, быстро оставили деревню и отступили через Солонешное на Башелак. В Медведевке было захвачено партизанами 7 казаков. Среди пленных оказался и тот, которого мы под В.-Ануйском освободили, чтобы он рядовым казакам передал воззвание. На вопрос, выполнил ли он порученное ему дело, этот казак сознался, что не выполнил. Мы его передали в распоряжение «чрезвычайки».

В виду наступления темноты, партизаны 1-го и 2-го полков остановились в Медведевке ночевать.

Появление партизан уже не с вилами, а с винтовками, было большим событием для местных крестьян. Белогвардейцы распространяли слухи, что все партизаны расстреляны, что все партизанское движение замерло, а тут вдруг свои медведевцы, давно отсутствовавшие, объявились здоровыми да еще прекрасно вооруженными. Во время остановки в д. Медведевке, многие солонешенские партизаны*

¹ 4-й полк, оторвавшись от партизанской дивизии, собственными силами вел на Чуйском тракте героическую борьбу с белогвардейскими отрядами, разбивая их и задерживая их отступление в Монголию. Уже после того, как основная партизанская масса соединилась с Красной армией, этот полк, преодолевая большие трудности и лишения, пришел в Солонешное. Героическая борьба этого полка заслуживает исключительного внимания. Необходимо, чтобы руководители и рядовые бойцы этого полка написали свои воспоминания. История боевых действий и похода 4-го полка должна быть написана.

успели побывать в своем селении и, со слов крестьян, потом рассказывали, что, во время боев по Уймонскому тракту, в их волости находилось крестьян 10, арестованных карателями. Когда же партизаны разбили под Черным Ануем и Топольной белые казачьи части, то последние так быстро стали удирать через Солонешное на Чарыш, что навели панику на своих друзей в селе Солонешном, поспешно оставивших село, забывших впопыхах об арестованных.

По дороге в села Б. и М. Башцелак

После ночной остановки 1-й и 2-й полки выступили из деревни Медведовка и через село Солонешное двинулись дальше. Оба партизанские полка двигались по тракту на Большой Башцелак. Когда-то эти партизаны оставили свои родные села под натиском противника. Тогда они были вооружены пиками, вилами и т. п. вооружением. Сейчас же они возвращались вновь к своим родным селам, но уже не с пиками, а с винтовками в руках. Во все время героических действий против колчаковцев, они не раз думали о своих оставленных семьях, о своих друзьях, знакомых и о горах. Со скучившись по ним и завидев издали их хребты, партизаны запели свою любимую песню. Привожу эту песню целиком:

Горы родные Алтая,
Теперь уж недалеко от вас,
Снова вас видеть желаем,
Сердце изныло о вас.

Скоро, родные и дети,
Снова увидим мы вас,
Будут разорваны сети,
Придет торжественный час.

Повисли тяжелые тучи
И вспыхнул огонь роковой,
Всюду варваров кучи
Разбиты могучей рукой.

Скоро к вам, милые семьи,
На отдых в Алай мы придем,
Радость и всем избавленье
С собою мы принесем.

Гордитесь, родные страдальцы,
Именем ваших борцов,
Идут счастливые алтайцы
Под знаменем красных орлов...

Эту песню распевали наши партизаны. Она была сложена партизаном, кажется, В. Кудрявцевым.

Партизаны приближались к деревне Макарьевке. Многие партизаны 1-го полка были жителями Макарьевки. Чтобы проведать свои семьи, они начали забегать в свои дома. Но полки двигались через их деревню без остановки. Не желая отставать, они быстро выходили из своих домов и присоединялись ко своим частям, чтобы двигаться на Башцелак.

К вечеру оба полка, поднявшись на Башцелакское седло, начали быстро перестраивать свои части, после чего повели наступление по двум направлениям.

Взятие села Находящиеся в селе казаки и карательная Большая Бащцелак дружина были предупреждены о наступлении партизанских полков на село Башцелак одной женщиной из Малого Башцелака — Ольгой Михайловной Лямкиной, муж которой был партизаном и находился в составе 1-го полка. Эта Лямкина была казаками послана в дер. Медведевку с нарочитой целью проведать своего мужа и узнать планы партизан. Разузнав, что партизанские полки будут наступать на Башцелак, она уехала и донесла казакам. Предупрежденные о нашем наступлении, казаки стали организованно отступать из Большого Башцелака в Малый Башцелак. Только благодаря быстрому обходу села партизанами, мы захватили в селе до десятка казаков.

За селом был убит начальник пономаревской кулацкой дружины пономаревский кулак — Банников.

По пятам за отступающими казаками гнались партизанские части. Многие башцелакские партизаны горели желанием отомстить кровопийцам и бросились, чтобы пресечь противнику путь отступления на Чарышскую станицу. Но отступающие, объединившись со степными казаками в Малом Башцелаке, слишком быстро отступали на Чарыш. 18 казаков все таки были убиты, а все остальные успели прорваться и отступить на Чарыш.

Вместе с казаками удрало и башцелакское кулачество. Удрал из Малого Башцелака бывший председатель Башцелакской волостной земкой управы А. А. Лямкин, которому когда-то партизаны доверили присутствовать на первом объединенном военном заседании, а потом он стал работать с казаками. Удрал и мало-башцелакский священник Андрей Ливанов. Этого попа партизаны разорвали бы в клочья за то, что он в 1918 году в Башцелаке указал казакам 18 крестьян-бедняков, которые активно помогли красногвардей-

скому отряду т. Сухова¹. Девять красногвардейцев были расстреляны, а 9 — до полусмерти избиты.

Родной Башцелак произвел на партизан ужасное впечатление. Многие крестьян белые повесили, многих дни расстреляли, еще больше было ими заперото, а имущество партизанских семей разграблено.

Крестьянство встречало партизан воодушевленным под-
смом, многие плакали.

На Усть-
Чарышскую
станцию

Партизанские полки двигались по направлению к Усть-Чарышской станции. Штаб знал, что казачья Чарышская станица в пределах Горного Алтая является одним из важнейших контрреволюционных пунктов всей казачьей линии. Здесь было сосредоточено руководство над всеми действующими в Горном Алтае казачьими частями. Штаб знал, что станица будет упорно защищаться казаками. Мы вызвали, поэтому, 5-й полк для подкрепления наступающих на станицу двух партизанских полков.

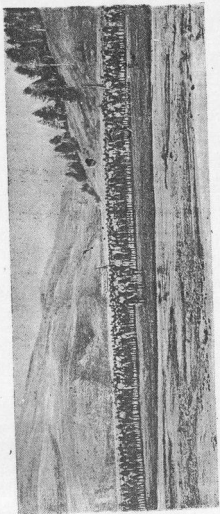
Пустивши впереди себя разведку, части двух полков двигались по тракту. Переваливши через Сваловское седло, партизаны повели развернутым фронтом наступление на Чарышскую станицу. Командир 1-го полка т. Никифоров направил часть своего полка по тракту, а другую часть перебросил через горную местность для занятия северо-западного фланга, где находилась дорога из станицы на Малую Сосновку и ряд других проселочных дорог.

2-й полк получил задание охватить левый фланг.

Занявши проходы, ведущие из станицы в горы, части 2-го полка были переброшены по горам через урочище Табуньку и заняли весь правый берег реки Чарыш.

Таким расположением сил были охвачены все ведущие из Чарышской станицы проходы.

¹ В 1918 году, когда эсеры и меньшевики при содействии чехословаков свергли советскую власть в Сибири, большой отряд алтайских красногвардейцев, под руководством Петра Сухова отступал через Горный Алтай к монгольской границе. Отряду, который теснили белогвардейцы, бедняки и середняки оказывали всевозможную поддержку. Кулаки же вылавливали отстававших в пути по болезни или вследствие истомленности красногвардейцев и жестоко с ними расправлялись. В деревне Тюнгуре, которая лежит у монгольской границы, остатки отряда были захвачены и убиты. История этого отряда и его героического похода изложена в статье Г. Циркунова—„Отряд Петра Сухова“, которая напечатана в журнале „Сиб. Огни“ № 7—8, 1931 г.

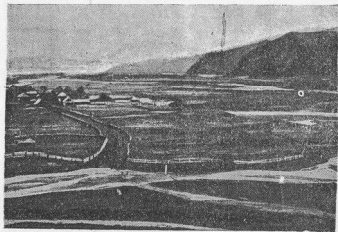

Партизаны Горного Алтая. Село Малый Башцекак

Хорошо вооруженный противник, — насчитывавший свыше 700 казаков, — открыл залповый ружейный огонь по партизанским частям. Несмотря на сильный обстрел противника и ограниченное количество имевшихся у партизан патронов, партизаны, озлобленные возмутительными действиями карателей в их селах, не отступали, а рвались в бой.

Противник, опасаясь оказаться в кольце наступающих партизан, вынужден был оставить станицу и быстро отступить правым берегом реки Чарыша, предполагая дойти до паромной переправы. Но здесь отступающий противник наткнулся на залегшие в скрытых местах, возле паромной переправы, части 2-го полка, которые открыли ураганный огонь. Противник пришел в полное замешательство. Прижатый партизанскими частями, противник начал отступать по реке, так как все другие пути были отрезаны. Но лед был рыхлый. Казаки начали вместе с лошадьми проваливаться под лед, некоторые казаки пустились вплавь. Потеряв многих убитыми, ранеными и потонувшими в Чарыше, противник с трудом переправился через реку и отступил по тракту на казачий поселок Тулату.

Преследовать неприятеля не имело смысла. Мы задержались.

Казачья станица Чарышская. Место боя.

При захвате Чарышской станицы партизаны захватили 80 винтовок, 8 ящиков патронов и несколько пик. Особенно ценны были для нас патроны. Они подвигали настроенные партизан, как и вообще вся одержанная ими победа.

Бой у Малой Сосновки Заняв Чарышскую станицу, партизанские полки через два часа выступили на север к деревне М. Сосновка, к которой подошли вечером. Выставивши вокруг М. Сосновки посты, партизаны остановились в селе на ночевку.

Мы получили от партизанской разведки донесение, что ею замечено по тракту, со стороны казачьей Сосновки (ныне Красные Орлы), движение противника на М. Сосновку. Заняв позиции, партизаны развернутым фронтом повели наступление против казаков.

Не представляло больших трудностей наблюдать, как передвигается противник. Заняв удобную для себя позицию, казачий полк Горбунова открыл по партизанским частям ружейный и пулеметный огонь. Несмотря на ураганный обстрел, партизаны стали широко развернутым фронтом обходить занимаемую неприятелем позицию. Неприятель был выбит. Части 1-го и 2-го полков преградили противнику путь отступления. Казачий полк есаула Горбунова в продолжение 5-6 часов отбивался, пытаясь в нескольких местах прорвать партизанскую цепь и пробить себе путь на Чарышскую станицу. Все эти попытки оказывались для него безрезультатными. Партизаны из своих позиций следили за движением противника. И как только казаки приближались на очень близкое расстояние, партизаны открывали ружейно-залповый огонь. Так продолжалось несколько часов.

Наконец партизаны получив в подкрепление 5-ый полк, начали обходить противника с флангов. Противник отступил сперва на казачью Сосновку (ныне Красные Орлы), а затем к Верзиловке.

Раненых партизаны отправили в деревню Туманово, Солонешенского района, куда к этому времени были переведены штаб партизанской дивизии, лазарет и весь состав хозяйственной части.

Разгром полка Полк есаула Горбунова, не доходя с Верзиловки, подтянулся и, заняв выгодную позицию, сильным ружейным и пулеметным огнем вновь задержал наступающие части. Логами, по холмистой местности, партизаны обошли с флангов против-

ника и завязали бой, длившийся несколько часов. Партизаны заставили врага вновь отступить. У верзиловской псковщины противник опять задержался и яркими атаками пытался пробить себе дорогу в горы. Но партизанские части героически расстраивали все планы врага. Это были уже не части, вооруженные пиками, а хорошо вооруженная армия, которая себя особенно подкрепила патронами, захваченными в бою под Чарышской станицей. Партизаны прочно себя чувствовали на позициях.

Установилась ночь. На расстоянии трех шагов ничего нельзя было разобрать. Несмотря на это, части казачьего полка в некоторых местах все же продолжали делать попытки прорваться через партизанскую цепь. За эти попытки противнику здорово попало, в частности ют бойцов 5-го полка. Они пиками встретили этих казаков.

Надо отметить, что в этой обстановке вооружение пиками было даже более эффективным, чем вооружение ружьями. После жаркой рукопашной схватки, противник со значительными потерями был отброшен. Во время этой схватки был захвачен в плен хорунжий Горбунов, брат есаула. Обозленные партизаны его расстреляли. Перед расстрелом этот палач сказал: «Я вполне это заслужил, я знаю, что и все мои сотрудники тоже заслужили это».

Во время этой рукопашной схватки другая казачья часть врезалась в цепь позиции, которую занимал 1-ый полк. Здесь тоже дело дошло до рукопашной схватки.

Вследствие наступившей ночи и паники, многие казаки отбились от своих частей. Казаки в темноте неоднократно приближались к партизанам и спрашивали: «Это вы, господа казаки?». Партизаны обычно отвечали «да». Так мы получили многих пленных.

Вылазки противника происходили и в других местах занимаемой 1 и 2 полками позиции. Но все эти попытки встречали решительный отпор. В конце концов противник стал спешно отступать на Верзиловку.

В заключение должен отметить, что по неосторожности командиров была допущена на северном фланге небольшая стычка между группой партизан 5-го с партизанами 1-го полков. Это столкновение своих было, по счастью, очень быстро ликвидировано и не стоило нам жертв.

**Вступление
в село
Верзиловку**

Когда разведка нам донесла, что противник оставил Верзиловку и двинулся в неизвестном направлении, мы, заняв Верзиловку, решили в ней заночевать. Партизаны после непрерывного

боя, тянувшегося с 8 час. утра до 11 часов вечера, были устали и заслужили почетный отдых.

Крестьяне рассказывали нам, что есаул Горбунов говорил: «надо признать, черт бы его побрал, что дисциплина в частях Третьяка все таки хорошая».

Партизаны, с момента выступления из М. Сосновки и до вступления в Верзиловку потеряли убитыми и ранеными больше 100 человек.

Вступив в Верзиловку, мы после бесед с крестьянами поняли причины, которые заставили казачий полк так настойчиво и упорно пробивать себе путь в горы. Оказалось, что казачий полк отступал под давлением 6-ой Горно-Степной партизанской дивизии т. Федора Ивановича Архипова. Отступая, он напоролся на нас.

Повернув на запад от дер. Верзиловки, казачий полк, воспользовавшись ночной темнотой, ушел около Усть-Козлухи на Усть-Пустынку и дальше в горы.

На другой день после остановки в дер. Верзиловке мы получили сведения, что казачье село Моральи Рожки занято партизанскими полками 6-й Горно-Степной дивизии Ф. И. Архипова. Нашим полкам уже дальше двигаться было не за чем. Ранее намеченная цель была достигнута. Дивизия Архипова была частью грозной Мамонтовской армии.

До определения согласованных действий партизанские полки разместились в Верзиловке, Н.-Шипуново, Маралиха (она же и Крутишка) и др. В Усть-Козлихе партизанами 1-го полка был пойман и за шпионскую работу расстрелян бежавший из Башелака бывший председатель Башелацкой волостной земской управы А. А. Лямкин, активно работавший с эсерами и казаками.

К нам явились бедняки в количестве 15 человек, с заявлением, что маралихинский священник шпион, что по спискам, которые он составлял, расстреливались бедняки. Партизаны расстреляли этого попа.

Соединение с частями Мамонтова и с Красной армией Настроение после одержанной победы над казачьим полком и после встречи со степными партизанами было приподнятое. Одновременно с размещением полков велась подготовка к встрече высшего командного состава трех степных партизанских полков. Эта встреча произошла 9-го декабря 1919 года в селе Маралихе. Мы с радостью узнали, что степные партизаны тоже стремились на соединение с составом нашей 1-ой горной кавказской партизанской дивизии. Они нам заявили, что

действующие на северном фронте партизанские полки установили уже связь с регулярными частями Красной армии. Это сообщение было партизанами встречено с исключительным подъемом. Крики «ура» и «да здравствует советская власть» — долго раздавались среди партизан.

Так заканчивается путь, который, от начала повстанческого движения и до объединения со Степными партизанскими полками, прошла 1-я Горно-конная партизанская дивизия, состав которой, вместе с нестроевыми частями, выражался, примерно, в десять тысяч человек.

На другой день после объединения со степными партизанами мы установили связь с регулярными частями Красной армии.

По распряжению штаба 5 армии, 1-ая Горно-конная партизанская дивизия были зачислены в состав Красной армии и оставлена в Горном Алтае.

Впоследствии дивизия успешно действовала против колчаковских банд, которые из Монголии, куда они отступили после разгрома Колчака, делали, при содействии интервентов, набеги на Алтай в расчете поднять алтайское население на восстание против советской власти.

Все эти белогвардейские банды были ликвидированы.

Борьба, которую 1-ая Горно-конная партизанская дивизия вела с этими белогвардейскими бандами, представляет большой и поучительный интерес. История этой борьбы требует специальной разработки.

Ледники Текело в Катунских белках. Путь партизан от Ак-Кема к Архиту

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие.	5-6
П. Гордиевско — «Иван Яковлевич Третьяк и его роль в партизанском движении».	7-22
И. Я. Третьяк — «Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 г.».	

Глава I. НАЧАЛО ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1919 г.

1. Большевики — организаторы повстанческого движения.	25-27
2. Первые шаги повстанческого движения: Зиминское восстание. Восстание крестьян Быстро-Истокского района. Начало восстания в селениях Горного Алтая. Наступление на казачью линию.	27-32
3. Комиссар по организации повстанческой армии	32-33
4. Дальнейшее развитие повстанческого движения. Взятие села Лютаево. Наступление на Солоновку и Камышенку. Отступление. Бои на Сваловском с'езде и у сел М. и Б. Башелаков. Трагическая гибель Леонтия Макарышева. Объединение повстанцев в с. Абу. Формирование повстанческих полков. Боевые действия у сел Куягана и Таурак. Через горы в Черно-Ануйскую волость. Конец первого этапа борьбы.	35-50

Глава II. ФОРМИРОВАНИЕ И ОБЪЕДИНЕНИЕ ПАРТИЗАНСКИХ ПОЛКОВ.

1. Первый горно-партизанский полк. 53-50
2. Выступление полка в поход. Начало похода. Взятие села Абинского и поселка Пономарево. Неосуществленный план похода на соединение с партизанской армией Мамонтова. На соединение с Черно-Ануйскими партизанами. Тополенские кержаки. Вступление в Черный Ануй. 56-64
3. В Горном Алтае: В неприятельском окружении. Ойротская националистическая контрреволюция. Эсеровская авантюра. Военное заседание. Бой у села Усть-Кана. Ойроты-бедняки нас приветствуют. Объединение с Уймонским повстанческим отрядом. В борьбе с тивлой эсеровщиной. Абайское военное заседание укрепляет большевистское руководство. Подготовка к боевым действиям и обеспечение тыла. Организация хозяйственной части. Выступление в поход. 64-85

Глава III. В ПОЛОСЕ ГЕРОИЧЕСКИХ ПОБЕД.

1. Победный путь на Чуйский тракт: Крупная победа под Кырлыком. Бои у Белой и у Усть-Кана. Бои у Янокура и у Китлейского седла. Приказы полковника Хмелевского. Взятие Усть-Муты. Партизаны в Шебалино. Борьба за строгую дисциплину в партизанских рядах. Взятие Топуچی и Кеньги. Разлагающая работа кулаков, затесавшихся среди партизан. Победа у села Туэқты. Взятие Онгудая и Хабаровки. Разгром банды Кайгородова. Эсер, оказавший услугу Кайгородовским бандам. После разгрома банды Кайгородова. 89-111
2. На Чуйском тракте: Заслуженный отдых. Развитие хозяйственного отдела. Борьба с упадничеством и местническими настроениями. 111-115
3. Дальнейшие боевые действия: Жесточайший бой у Туэқты. Формирование 4-го партизанского полка. Отношение крестьянства к партизанскому движению. Наступление на село Алтайское. Взятие села Алтайское. Заботы хозяйственного отдела. Формирование 9-го и 5-го партизанских полков. Разгромы банд полковника Хмелевского. По пятам за отступающими карателями. Формирование 13-го и 6-го партизанских полков. В поход на село Алуйское. Формирование 11-го и 17-го партизанских полков. Восемьдесятитысячная партизанская армия. 115-135

Глава IV. НА СОЕДИНЕНИЕ С КРАСНОЙ АРМИЕЙ.

Бои у села Верх-Ануйское. Отступление вследствие дезорганизаторской деятельности эсеровского ставленника Латкина. Упорная борьба за овладение селом Ануйским. Жестокий бой у села Солоновки. Вынужденное отступление партизан на старые позиции. Подготовка к наступлению на село Смоленское. Публичная казнь двух недисциплинированных партизан. Неудавшееся наступление на село Смоленское. Неудачный бой у села Точильного, вынуждающий партизан отступить к селу Куяган. На соединение с армией Мамонтова. Гнусный поступок Чеброва. Наказание 2-го эскадрона 1-го полка. Подготовка к дальнейшему наступлению. Взятие дер. Медведевки. По дороге в села Б. и М. Бащелак. Взятие села Большой Бащелак. На Усть-Чарышскую станцию. Бой у Малой Сосновки. Разгром полка есаула Горбунова. Вступление в село Верзиловку. Соединение с партизанскими частями Мамонтова и с Красной армией. 139-168

Ответственный редактор — В. Вегман

Технический редактор — Г. Пушкарев

Тираж 7000. 10% печ. листов.

Сдано в производство 7/VIII-33 г.

Подписано к печати 3/IX-33 г.

Формат 62×94 см. в 1/16 долю

Печатных знаков в одном печ. листе 43904

Новосибирск, т/л № 1 ЗСКПТ. Зак. № 2312.

Уполномоченный А № 202 от 31/VII-33 г. ОГИЗ № 912.

ПО П Р А В К А

Работа по подготовке рукописи к печати выполнена О. РИМСКИМ.
Затем весь материал был передан на общую редакцию В. Д. ВЕГМАНУ
и подвергся основательной переработке с его стороны.

Убедительнейше просим исправить нижеуказанные опечатки и неточности, обнаруженные уже после напечатания книги.

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
32	16 сверху	Атлантический	Тихий
33	10 снизу	меня с отцом и братом	меня с братом
34	3 снизу	Начальник 1-го	Начальник штаба 1-го
37	13 сверху	Казанцево	Казазаево
46	4 сверху	Куюги	Куюча
49	16 снизу	в селе	за селом
60	5 снизу	Рубцовский и Бийский уезды	и Рубцовский уезды
70	18 снизу	занять село Белый Ануй	занять деревню Усть-Мута, а 1-му полку занять село Белый Ануй.
70	2 снизу	передвижение	продвижение
69(77)	после	стр. 76 напечатаны стр. 69, 70, 71, 72	77, 78, 79, 80
77	8 сверху	эсеровщина к повстанцам	наши партизанские части
90	12 снизу	демобилизованными	мобилизованными
91	2 снизу	кряж, левым флангом	кряж левым флангом
116	4 сверху	зная	не зная
118	24 сверху	с другой стороны тыла	со стороны фронта
124	2 снизу	отходом	подходом
131	9 сверху	Шевелинского	Шебалинского
131	14 сверху	которые	которым
134	20 снизу	Выкапывалось	выкапывалось
139	7 сверху	Алейский	Айский
140	12 снизу	полку	посту
142	10 снизу	наступление	отступление
144	11 сверху	мало	было мало
.	6 снизу	Усть-Ануйское	Старо-Тарышкино
.	4 снизу	село Старо-Тарышкино и Усть-Ануйское	село Усть-Ануйское
150	4 снизу	отсутствуют	отступают
161	13 снизу	со степными казаками	с казаками, стоявшими
167	14 сверху	он	полк
168	15 сверху	были зачислены	была зачислена

СХЕМА ПОХОДНОГО ДВИЖЕНИЯ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ И. Я. ТРЕТЬЯКА

в период с 2 авг. по 9 дек. 1919 г.

Масштаб в 1 см. 10 км

Составил: Вагнер В. Д.
Гурьянов П. А.

